

Глава IV. Конфуцианско-даосистский тип культуры

1. Конфуцианско-даосистская картина мира и ее социальный характер

Китайский этнос создал особый тип культуры, отличающий его от культур других народов. Социальная этика и административная практика здесь всегда играли более значительную роль нежели мистика и индивидуалистические поиски спасения. Здравомыслящий китаец никогда не задумывался над таинствами бытия и проблемами жизни и смерти, зато он всегда видел перед собой эталон 'высшей добродетели и считал своим священным долгом ему подражать. Величайшими и общепризнанными пророками здесь считались те, кто учил жить достойно, в соответствии с принятой нормой, жить ради жизни, а не ради блаженства на том свете или спасения от страданий. Не религия как таковая, но прежде всего ритуализированная этика формировала облик традиционной китайской культуры.

Все это сказалось на характере эволюции представлений об образе мира. Так, например, заслуживает внимания то обстоятельство, что религиозной структуре Китая всегда была свойственна незначительная роль духовенства. Чаще всего ученые выполняли важнейшие функции жрецов в честь Неба — высшей всеобщности, абстрактной и холодной, безразличной к человеку. Именно они были уважаемым и привилегированным сословием в Китае. Однако они были не столько жрецами, сколько чиновниками.

Эти особенности религиозной структуры Китая были заложены в глубокой древности, начиная со II в. до н.э. Как и у других народов, у китайцев было множество богов и духов, которым они приносили жертвы, в том числе и кровавые. Но с течением времени на первый план среди этих богов и духов стал выходить Шанди, верховное божество и легендарный родоначальник, их предок-тотем. Великий бог и божественный первопредок в одном лице встречались и в других религиях, например, в Египте. Однако в Китае Шанди воспринимался прежде всего как первопредок, заботящийся о благосостоянии своего народа. Это проявилось в том, что именно к нему шли просьбы и мольбы народа, связанные и с проблемой урожая, и с военными успехами, и с благополучным разрешением от бремени супруги.

Смещение в культе Шанди акцента в сторону функций первопредка сыграло в истории китайской цивилизации огромную роль: оно привело к ослаблению религиозного начала и усилению начала прагматического, проявившегося в абсолютизации культа предков. В этом культе небольшой китайский этнос находил дополнительные силы и веру в свое предназначение выстоять в борьбе с враждебными племенами-варварами.

В дальнейшем, в эпоху династии Чжоу (XI в. до н.э.), распространившей власть на большую территорию бассейна Хуанхэ, культ Неба и Чжоу вытеснил Шанди. На Небо перешло представление о прямой генетической связи божественных сил с правителем. Чжоуский ван (правитель) стал считаться сыном Неба, а китайская империя — Поднебесной. Этот титул и название страны сохранились вплоть до XX в.

Начиная с эпохи Чжоу, Небо в его основной функции верховного контролирующего и регулирующего начала, стало главным всекитайским божеством, причем культу этого божества был придан не столько священно-божественный, сколько морально-этический акцент.

Считалось, что великое Небо карает недостойных и вознаграждает добродетельных.

Под добродетелью понималось соответствие правителя, олицетворяющего народ, внутренней божественно-космической силе Неба. Только имея добродетель имел право управлять. Теряя ее, он утрачивал это право. Для китайских правителей отождествление с Небом означало принятие на себя ответственности за весь мир, в который они включали собственно Китай и окружающую его варварскую периферию, явно тяготеющую, по их представлениям, к центру, т.е. к китайскому властителю Поднебесной, сыну Неба.

Человеческое и божественное по-прежнему находились в неразрывном единстве, разве что поменялись местами: боги словно спустились на землю, а человек, осознавший свою мировую ответственность, свою нравственную природу, вознесся над миром духов. Со временем Небо, в представлениях китайцев, все более теряло присущие ему когда-то личностные черты и превращалось во всеобщий порядок движения всего сущего, порядок одновременно и космический, и нравственный. Смысл жизни для древних китайцев заключался в поддержании правильных отношений человека с космосом, в умении всегда соответствовать движению мира.

Итак, в китайской традиции религия обернулась этикой, индивид в ней как бы заслонил богов. Акцент на моральной и совершенно беспристрастной воле Неба потребовал и соответствующей трактовки народа. Народ был объявлен глашатаем воли Неба, и заботе о нем отдавалось даже большее предпочтение, чем заботе о духах. Всеобщее чувство народа воспринималось древними китайцами самым точным проявлением верховной справедливости небес. И в то же время космически санкционированный коллективизм, по мнению китайцев, начисто исключает из культуры индивидуализм и личностное начало, которые составляют в западноевропейской культуре краеугольный камень духовной жизни европейца.

Пожалуй, нигде в истории культура не была столь доверчива к миру природы, как в Китае. «Никогда человеку не достигал таких небесных вершин нежности сердца и чистоты души, чистоты и совершенства восприятия мира... Нигде восприятие мира природы и души не было так пронизано светом, сочувствием и

любовью, детски чистой доверчивостью и наивностью, беспредельной мудростью бытия в этом мире! Какая же внутренняя природная сила и гармония должны были наполнять тайным светом и души, и сердца этих людей, не сробевших, не постеснявшихся в те далекие и жестокие времена — открыться и земле, и небу, и людям...».

Интуитивная доверчивость людей к мудрости природы позволила китайцам создать оригинальную картину мира, где не было места ни враждебности, ни несовершенству, ни дисгармонии. Эта картина мира поражает своей цельностью и гармоничностью. Мир в представлении китайцев — это мир абсолютного тождества противоположностей, где многое и единое не отрицают друг друга, все различия относительны. В каждом явлении природы, будь то цветок, животное, или водопад, просвечивается богатство всей природы. Каждое воплощает себе ее мудрость.

Мир изначально совершенен, гармония внутренне присуща ему, поэтому его не нужно переделывать. Напротив, нужно самоустраниться, уподобиться природе, чтобы не мешать осуществлению гармонии. Изначально природе присущи пять совершенств: человечность (жень), чувство долга (и), благопристойность (ли), искренность (синь) и мудрость (чжи).

Китайская культура не ориентирует на деятельное начало, а призывает к действию, сообразуемому с космическим ритмом. Творчество принадлежит Небу. Поэтому китайский мудрец говорил: «Я излагаю, а не говорю», точки зрения Конфуция, личность получает свое содержание непосредственно от природы. Природа награждает ее талантом, и ее талант — следствие могучего творческого процесса в природе.

Таким образом, в основе гармонии общества и природы лежала идея социо-этико-политического порядка, санкционированного великим Небом. И эта идея поддерживалась и развивалась в учениях даосизма и конфуцианства. Не испортил эту идею и буддизм, составивший вместе с даосизмом и конфуцианством философско-религиозную триаду (сань цзяо), духовный стержень китайской культуры.

Даосизм призывал к органическому слиянию с природой. Ему китайцы обязаны художественно-эстетической практикой, которая и по сей день, поражает человечество своей близостью к природе.

Творцом даосизма считается Лао-цзы, «Старый мудрец». Рассказывать о его жизни крайне сложно, так как вся имеющаяся о нем информация окутана тайной. Тем не менее, известно, что создатель этического учения Конфуций посетил Лао-цзы, дабы услышать его мнение о своей деятельности. Увы, встреча не принесла желаемого результата, так как «желтолицый» старик заявил, что Конфуций слишком шумит относительно своей персоны и совершенно напрасно тратит силы на социальные проекты и реформы. Ведь все, что он делает, по мнению мудреца-долгожителя (легенда утверждает, что Лао-цзы прожил 200 лет), — суета сует. Необходимо следовать дао (буквально — путь), ибо «человек следует Земле, Земля следует Небу, Небо следует дао, а дао следует естественности».

Дао — это нечто всеобъемлющее, что заполняет собой все пространство, оно стоит надо всем и царит во всем. Оно соединяет человека и мир, убирает ограниченность, одномерность человеческого сознания. Слушающий дао не имеет привычки видеть лишь одну сторону вещи, у него не линейное восприятие, а объемное, фиксирующее изменения. Вещь — временна, процесс ее изменений постоянен, поэтому акцент в дао не на том, что есть, а на том, чего нет, что пребывает в покое, но порождает жизнь.

Говоря словами Лао-цзы, «явленное дао не есть постоянное дао, тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну дао, а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. Безымянное и обладающее именем — одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими. Переход от одного глубочайшего к другому — дверь ко всему чудесному».

Как видим, дао — основа всего сущего во Вселенной, источник всех вещей и явлений. Индивидуальное проявление дао — «дэ», т.е. форма проявления дао в индивиде. В ней раскрывается нравственное совершенство личности, достигшей абсолютной гармонии с окружающим миром.

Эти мысли Лао-цзы изложил в книге «О пути к добродетели» — совершенно особом памятнике древнекитайской литературы, который на протяжении веков считается непревзойденным по своим художественным достоинствам, правда, нашедшем свое продолжение в книге «Чжуан-цзы» другого классика даосистской мысли — Чжуан-Чжоу. В обеих книгах соединены поэтическая и фориристичность с традицией примера, притчи, поясняющей, часто в весьма необычных формах, идеи суетности и иллюзорности человеческого бытия и важности слияния человека с природой.

Мир, как и человек, есть процесс безостановочных изменений, и потому непознаваем, непостижим обычным наблюдением. Зато в своей невидимой основе он покоен и доступен прониканию. Главное условие — не нарушить путь, не придти в противоречие с мировым ритмом, встроиться в мир, вслушаться в него. Чтобы это произошло, необходимо разработать способ жизни в согласии с миром. Вот образчик встраивания в мир.

«Плотник Цин вырезал из дерева раму для колоколов. Когда рама была готова, все поразились: казалось, ее делали духи. Увидел раму лунский князь спросил плотника:

- Каким искусством ты этого достиг?

- Я всего лишь ремесленник, — ответил плотник, — какое у меня может быть искусство? Впрочем, один способ есть. Никогда не берусь за работу в душевном смятении: чтобы очиститься сердцем, непременно пощусь. После трех дней поста уже не смею помышлять о почестях или наградах, о жалованье и чинах. После пяти не смею думать о хвале или хуле, удаче или неудаче. После семи — в оцепенении не ощущаю собственного тела, забываю о руках и ногах. И уже нет для меня ни князя, ни его двора, все внешнее исчезает, и все мое умение сосредотачивается на одном. Тогда я иду в горы и присматриваюсь к

природным свойствам деревьев. И только мысленно увидев в самом лучшем из стволов уже готовую раму, я принимаюсь за дело — иначе не стоит и браться. Так мое естество сочетается с естеством дерева — поэтому и работа кажется волшебной».

Таким образом, как мы видим, даосизм не требует переделки, перестройки природы. Он нацеливает на чуткое, бережное отношение к ней. Природа существует не для того, чтобы ее изучали, а для того, чтобы ее переживали, извлекали удовольствие от общения с ней.

2. Система ценностей. Морально-примиренческое отношение к миру

Второе начало китайской культуры — конфуцианство. Его создатель — Кун Фу-цзы, т.е. учитель Кун. Он родился около 551 г. до н.э. Семья принадлежала к старинному, но разорившемуся аристократическому роду.

С детства Конфуций полюбил старинные обряды, и все его игры сводились к подражанию священному церемониалу. Это говорит о том, что Конфуций по своему душевному складу тяготел к ритуалу и старине. Стремление изучить традиционные культы пробудило в мальчике желание учиться. Овладев иероглифическим алфавитом погрузился в изучение древней литературы. «Я любил древних, — говорил он своим ученикам, — и приложил все усилия, чтобы овладеть их знаниями».

В поисках работы Конфуций исколесил множество мест. Наблюдения над бытом народа привели его к выводу, что его родной край страдает тяжелым недугом. Феодалная рознь, мятежи, нищета царили повсюду. В юности он познал тяжелую жизнь простолюдина, а в зрелом возрасте столкнулся с нерадивостью должностных лиц, алчностью купцов, жестокостью и праздношествованием князей.

Чем сильнее в Конфуции окружающая жизнь вызвала протест, тем большим ореолом окружал он далекую древность. В народных сказаниях перед ним оживало идеальное царство, в котором властитель был мудр и справедлив, войско преданно и отважно, крестьяне трудолюбивы и честны, женщины верны и нежны, земля плодородна и обильна. Погружаясь в этот исчезнувший мир, Конфуций все больше укреплялся в своих взглядах: люди страдают потому, что в стране царит хаос, а для того, чтобы избавиться от него, следует возвратиться к дедовским обычаям и порядкам. Но сделать это нужно сознательно: каждый человек должен быть требовательным к себе, соблюдать установленные правила и каноны. Лишь тогда общество исцелится от своего недуга. Это открытие и легло в основу конфуцианской этико-социальной программы, задавшей вектор культурно-исторического развития Китая.

Конфуций не оставил письменного изложения своего учения. Но друзья и ученики записали его высказывания в книге «Лунь-юй» — «Суждения и беседы». Книга состоит главным образом из отдельных, без всякой системы собранных фактов биографии и высказываний, которые обычно начинаются словами «Учитель сказал...». «Лунь-юй» остается почти единственным надежным

источником о мудреце и его учении.

Выступив с критикой своего века и высоко оценив века минувшие, Конфуций на основе этого противопоставления составил свой идеал совершенного человека, «цзюнь-цзы». Высокоморальный «цзюнь-цзы», сконструированный философом в качестве модели, должен обладать двумя важнейшими достоинствами: гуманностью и чувством долга. «Учитель сказал: «Для того, чтобы управлять государством, имеющим тысячу боевых колесниц, нужно быть осмотрительным, правдивым, умеренным в потребностях, любить народ, знать время, когда можно привлекать народ к исполнению повинностей».

Однако для настоящего цзюнь-цзы одной гуманности недостаточно. Он должен обладать еще одним важным качеством — чувством долга (и). Долг — это моральная обязанность, которую гуманный человек в силу своих добродетелей накладывает на самого себя. Чувство долга, как правило, обусловлено знанием и высшим принципом, но не расчетом.

Конфуций дает развернутый образ благородного мужа, противопоставляя его простолюдину, или «низкому человеку» — «сяо жень». Первый следует долгу и закону, второй думает, как бы получше устроиться и получить выгоду. Первый требователен к себе, второй — к людям. О первом нельзя судить по мелочам, и ему можно доверить большие дела; второму же нельзя доверить большие дела, и о нем можно судить по мелочам. Первый живет в согласии с людьми, но не следует за ними, второй же следует за другими, но не живет с ними в согласии. Первому легко услужить, но трудно доставить радость, ибо он радуется лишь должному; второму трудно услужить, но легко доставить радость. Первый идет на смерть ради человеколюбия и должного, второй кончает свою жизнь самоубийством в канаве. «Благородный муж боится трех вещей: он боится веления Неба, великих людей и слов совершенно мудрых. Низкий человек не знает веления Неба и не боится его; презирает высоких людей, занимающих высокое положение; оставляет без внимания слова мудрого человека».

Таким образом, «благородный человек» Конфуция — это умозрительный социальный идеал, своеобразное звено между Небом и обществом.

С течением времени и в связи с ростом авторитета Конфуция и его учения этот абстрактно-утопический идеал все более становился обязательным эталоном для подражания, приблизиться к которому было делом чести и социального престижа. Конфуцианство стало официальной идеологией династии Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.), чиновники которой отбирались исключительно по принципу безупречного знания мудрости учителя.

Но к этому времени многое в конфуцианстве сильно изменилось. С превращением его в официальную догму буква подавила дух. Демонстрация преданности старине, уважения к старшим, напускной скромности и добродетели превратились в самоцель, чиновничью благопристойность, за которой скрывались пороки и корыстолюбие.

В средневековом Китае постепенно сложились и были канонизированы определенные нормы и стереотипы поведения каждого человека в зависимости от занимаемого им места в социально-чиновной иерархии. Они нашли свое наиболее наглядное отражение в том, что обычно именуется «китайскими церемониями».

В любой момент жизни, на любой случай — всегда и во всем существовали строго фиксированные и обязательные для всех правила поведения. В эпоху Хань был составлен подробный свод этих правил внешней учтивости и церемониала — трактат Ли-цзы, сжатое, суммарное изложение конфуцианских норм, имевших обязательную силу на протяжении двух с лишним тысяч лет. Все записанные в этом обряднике правила следовало знать и применять на практике, причем с тем большей тщательностью, чем более высокое положение в обществе человек занимал.

Отталкиваясь от сконструированного им социального идеала, Конфуций сформулировал основные принципы того социального порядка, который хотел бы видеть в Поднебесной: «Пусть отец будет отцом, сын — сыном, государь — государем, чиновник — чиновником», т.е. в этом мире все станет на свои места, все будут знать свои права и делать то, что им положено. Такой социальный порядок Конфуций и все его последователи считали вечным и неизменным, идущим от мудрецов легендарной древности. Речь шла, таким образом, о том, чтобы привести все вещи в соответствие с их былым значением. При всех отклонениях от нормы к ней следует возвращаться.

Упорядоченное таким образом общество должно иметь дуальную структуру, состоящую из верхов и низов: тех, кто думает и управляет, и тех, кто трудится и повинуется.

Критерием разделения общества на верхи и низы должны были служить не знатность происхождения и, тем более, не богатство, а знание и добродетель, точнее — степень близости к идеалу цзюнь-цзы.

Формально это открывало путь наверх для любого, и сам Конфуций гордился тем, что давал свои знания всякому, кто приносил «связку сушеного мяса», т.е. платил плату за обучение. Но фактически дело обстояло намного сложнее. Сословие чиновников было отделено от народа труднопреодолимой преградой — «стеной иероглифов», то есть грамотностью, которая определяла социальное положение и имущественный ценз человека на протяжении всей истории Китая.

Для того чтобы административная система и бюрократический аппарат действовали максимально эффективно, в империи уделялось особое внимание подготовке чиновников. В Китае издревле существовало несколько методов отбора чиновников, как общего для всего Востока, так и специфически китайских. К первым относились назначения на должность личным указом императора, а также предоставление должностного поста по праву знатности, родственности или протекции. Чисто китайский метод выдвижения на руководящие посты предложил Конфуций. Надо было заслужить рекомендацию в качестве мудрого и справедливого чиновника и одержать конкурсный экзамен.

Экзамен проходил под строгим надзором комиссии, следовало хорошо знать сочинения древних авторов, прежде всего классические каноны, а также уметь творчески интерпретировать сюжеты из истории, отвлеченно рассуждать на темы философских трактатов и обладать литературным вкусом, уметь сочинять стихи. Лучше других справившиеся с заданием (примерно, 3—5% от числа абитуриентов) удостоивались желанной степени и, главное, получали право сдавать экзамен на вторую степень, обладатели обеих — на третью.

Трижды сдавшие экзамены получали высшую ученую степень и могли надеяться на престижную должность, низшей из которых была должность уездного начальника. И хотя успешная сдача тройных экзаменов не была единственным путем к власти, этот путь оказался наиболее приемлемым для китайской бюрократии. Китайские сановники уверовали, что твердое знание буквы конфуцианства и умение постоять за его каноны в открытом споре с оппонентом — лучшее доказательство пригодности и чиновника управлять делами страны в соответствии с традициями. При этом считалось, что социальное происхождение соискателя должности не имеет существенного значения. Гораздо важнее то, что он надежный человек, выстрадал свою награду, и поэтому будет ценить полученное место, по совести защищать все заповеди официальной доктрины, положенные в основу империи. Именно поэтому образование являлось для китайцев гигантским стимулом реализации своего честолюбия и верноподданничества.

Конечной и высшей целью управления Конфуций провозгласил интересы народа. Последователи Конфуция учили, что из трех важнейших элементов государства на первом месте стоит народ, на втором — божества, на третьем — государь. Однако те же конфуцианцы считали, что самому народу его собственные интересы непонятны и недоступны и что без постоянной отеческой опеки образованных правителей он обойтись никак не может.

Важная основа социального порядка по Конфуцию — строгое повиновение старшим. Любой старший, будь то отец, чиновник, государь, — это непререкаемый авторитет для младшего, подчиненного, подданного. Слепое повиновение его воле, слову, желанию — это элементарная норма для младших и подчиненных как в рамках государства, так и в семейном доме. Не случайно Конфуций напоминал, что государство — это большая семья, а семья — малое государство. Этим сравнением подчеркивался тот строй семейной жизни, который реально существовал и сохранился в Китае вплоть до нашего времени: младшие беспрекословно повинуются старшим, дети — родителям.

Поразительная живучесть принципа семейно-государственного соподчинения, которому следовал каждый китаец, обнаружила себя и в поражении студенческого выступления на площади Тяньаньмэнь в Пекине осенью 1989 г. Китайское общество осудило студентов за то, что они посягнули на незыблемый для китайца авторитет старшего, отца, воплощенный в государственной мудрости политической власти.

Авторитет отцовства покоится на древнейшем в Китае культе предков — как мертвых, так и живых. Изменив содержание и формы этого культа, конфуцианство придало ему глубокий смысл символа социального порядка и превратило его в первейшую обязанность каждого китайца, универсальную норму поведения. Именно этой целью Конфуций разработал учение о «сяо» - сыновней почтительности.

«Сяо», как считал Конфуций, - это основа гуманности. Смысл «сяо», как его толкуют конфуцианцы, — служить родителям по правилам «ли», похоронить их по правилам «ли» и приносить им жертвы по правилам «ли». Согласно этим правилам, почтительный сын должен всю жизнь заботиться о родителях, чтить и любить их при любых обстоятельствах. Даже если отец — вор или убийца, почтительный сын обязан смиренно увещевать родителя, просить вернуться на тропу добродетели.

Култ сыновней почтительности с течением времени достиг в Китае всеобщей признательности, стал нормой жизни, а выдающиеся примеры «сяо» превратились в объект восхищения и подражания. Вот несколько образцов «сяо»: бедняк, продавший сына, чтобы накормить голодную мать, находит в огороде сосуд с золотом и надписью «за твоё сяо»; восьмилетний мальчик не отгоняет от себя комаров в летние ночи — пусть они лучше жалят его, а не беспокоят родителей; почтительный сын в голодный год отрезал от себя кусок тела, дабы сварить бульон для ослабевшего от голода отца.

Эти рассказы призваны с детства воспитывать в сыне почтительную готовность к самопожертвованию во имя родителей. Таким образом, вся жизнь китайцев была непрерывным экзаменом-отчетом перед строгой и требовательной «комиссией» предков. Мертвые контролировали живых.

Конфуцианский культ предков и нормы «сяо» воспитывали у китайцев уважительное отношение к семье. Семья считалась сердцевиной общества, интересы семьи превосходили интересы отдельно взятой личности, которая рассматривалась лишь в аспекте семьи. Любовь, то есть нечто личное и эмоциональное, всегда находилась на неизмеримо более низком уровне, чем интересы семьи. Любовь могла прийти после брака, могла и не приходиться вовсе. Но это никогда не мешало нормальному существованию семьи и выполнению супругам своего осознанного социально- семейного долга, который выражался в рождении детей, прежде всего сыновей, призванных упрочить позиции семьи и продолжить род.

Отсюда — постоянная тенденция к росту семьи. Конфуцианство своим культом предков и «сяо» создало дополнительные стимулы для ее небывалого расцвета. При наличии благоприятных условий стремление к совместному проживанию близких родственников становилось решающим фактором и резко преобладало над центробежными тенденциями. В результате большие семьи, включавшие немалое число женатых сыновей, множество внуков и иных родственников и домочадцев, стали весьма распространенным явлением в жизни Китая. Такие семьи делились обычно после смерти отца. Старший сын занимал место главы семьи и получал большую долю наследства, в том числе и дом с храмом предков. Остальная часть имущества делилась поровну между всеми остальными сыновьями.

Новые семьи, основанные младшими братьями, в течение длительного времени продолжали находиться в зависимости от старшего брата, являвшегося теперь главой клана родственников. Внутри разветвленного клана сородичей сохранялся строгий порядок, почитался культ предков и поддерживалась взаимопомощь. Нередко такой клан сородичей составлял население большой деревни.

Сила и авторитет этих кланов признавались властями, предоставлявшими им решение различных мелких тяжб. Кланов ревниво следили за сохранением за ними, этих прав. Символом кланового единства был родовой храм предков с могильными и храмовыми землями, отбирать которые считалось недопустимым. В эти храмы в дни праздников собирались порой сотни родственников. После ритуальной части на таких собраниях решались и деловые вопросы. Принято было выносить на суд родственников все заботы: не было ничего своего, личного, чего не должны были знать семья и клан. Человек с первых лет жизни привыкал к тому, что личное, свое на шкале ценностей несоизмеримо с общим, обязательным для всех.

В борьбе различных культурных традиций конфуцианство сумело одержать верх и над даосизмом, и над буддизмом, правда, никогда их полностью не вытесняя. При императоре У-ди (140—87 до н.э.) оно заняло господствующее положение в стране, став в созвездии сань цзяо (трех религий) самой яркой звездой. Превращение конфуцианства в господствующую культурную норму не было случайностью. Конфуцианство удобно для управления огромной империей. Кроме того, и чиновничий аппарат видел в конфуцианстве средство не только держать народ в подчинении, но и влиять на императоров.

Опираясь на древние представления о Небе и высшей небесной благодати («дэ»), конфуцианство выработало постулат, согласно которому правитель получал божественный мандат («мин») на право управления страной. Отступая от принятых норм, выражением чего был произвол императорской власти, экономический упадок, социальный кризис, волнения и т.д., правитель терял «дэ» и право на мандат Неба. Этот тезис служил суровым предостережением императорам, которые пытались отклониться от конфуцианской нормы. Таким образом, правящая элита стала своеобразной заложницей конфуцианской социально-экономической системы.

С течением времени сложился подлинный культ Поднебесной, Срединного государства, оценивавшегося как центр Вселенной, сосредоточение мудрости, знания и искусства, реализация священной воли Неба. Многие соседи Китая — хунны, монголы, маньчжуры, периодически завоевывавшие империю и даже основывавшие свои династии, со временем окитаивались, что укрепляло в китайцах сознание превосходства их культуры. Оказавшимся на императорском троне завоевателям всегда приходилось — за неимением иной — принимать конфуцианскую систему административного управления, и тоже как бы подтверждало концепцию о вечности и совершенстве учения Конфуция и китайской цивилизации, регулировавшейся этим учением.

Не будучи религией в полном смысле слова, конфуцианство вобрало в себя и политику, и административную систему, и функцию верховного регулятора социальных и экономических процессов — словом, стало основой всего китайского образа жизни, концентрированной формой выражения китайской культуры.

Можно сказать, что именно благодаря конфуцианству с его культом древности китайское государство и общество не только просуществовали в почти не менявшемся виде более двух тысяч лет, но и приобрели такую гигантскую силу инертности, что революционный XX век, покончивший с конфуцианством как с официальной государственной доктриной, пока еще не вправе считать себя победившим консервативные культурные традиции, восходящие к конфуцианству.

3. Художественная практика

Искусство Китая глубоко пронизано высокими философскими идеями и мудрыми поучениями. Оно гуманистично и величественно. В нем воспевается красота мира и гармония природы. Идея гармоничного единения человека с природой стала не только душой китайского искусства, но и способом осмысления бытия.

Даже письменность китайцев трепетно-красива и чрезвычайно сложна для усвоения людьми других типов культуры. Каждый иероглиф выговаривается с определенной мелодией, поэтому многие слова, произносимые с помощью одних и тех же звуков, в зависимости от тона имеют абсолютно разные

значения.

В средние века китайская иероглифика играла в Восточной Азии такую же роль, как латинская письменность в Европе. Вьетнамцы и корейцы, пользовавшиеся иероглифами, перешли затем на собственные системы письма, а японцы и поныне пользуются ими.

Почерк всегда имел и имеет громадное значение — именно по нему зачастую выносятся суждения о корреспонденте. Крайне важными являются также и цвет, и качество бумаги и туши, манера и содержание написанного. Они варьировались в зависимости от времени года.

Иероглиф с его графической выразительностью предстает в восточных культурах как идеальная структурная модель художественного произведения. Иероглифические формы угадываются и в архитектуре, и в изделиях прикладного искусства, и даже в самой природе — в сплетении стеблей травы или ветвей деревьев.

Восприятие каллиграфического знака в традиционной китайской культуре осознано как особая область не только эстетики, но и этики. Каллиграфия текста выступает в исповедальной роли; в своеобразии каллиграфического рисунка иероглифа, в его нервности или благодности угадывается душевное состояние автора, структура его личности. Каллиграфия определяет во многом художественную выразительность собственно изобразительного образа, она присутствует практически в каждом живописном свитке и, как самостоятельное искусство, определяет характер авторской работы.

В китайской эстетической теории выделяются четыре свойства каллиграфических линий: кость, мясо, мускулы и кровь. «Иероглиф, в котором выявлены костяк и мускулы, но мало мяса, называется «мускулистый»; в котором много мясистости и слабый костяк, называют «поросенком» — так определяет основные качества каллиграфии один из древних текстов. Здесь же выявляются восемь болезней (пороков), которых должен избегать художник. Например, линия «пе» должна быть похожа на хвост крысы, линия «шу» — на ногу аиста, линия «хэн» — на секцию бамбука или сломанную ветку.

Красота китайской каллиграфии — в выразительности пластических элементов, в нахождении равновесия, в динамичности, в отсутствии застывшей симметрии. Именно каллиграфия создала шкалу оценок для произведений живописи. Каллиграфия справедливо связывается с искусством танца. Даже танцы на льду оцениваются по оставленным танцорами узорам, по их «ледовой» каллиграфии.

Иероглифика хранит на себе печать экологичности, бережного, прямо-таки трепетного отношения к природе. Возможно, поэтому европейская культура, ощутив первые «уколы» экологической катастрофы, пытается открыть и освоить для себя принципиально иное видение мира, зримее всего выступающее через различные виды искусства. Прелесть цветов и птиц, трав и насекомых составляет тот «эстетический сад» природы, который вызывает восхищение и поныне. Творчество художника призывает людей оберегать эти творения, любоваться ими, уметь восхищаться неприметным, привычным и, на первый взгляд,

малопривлекательным.

Китай — родина уникальной живописи «цветов и птиц», «трав и насекомых». Жанр этот зародился в IX в., но не теряет своей прелести и актуальности и в наше время. Здесь все вместе: и эстетика, и символ. «Духовное значение жанра «цветы и птицы» в живописи то же, что и в поэзии. Так, например, разные сорта пиона и виды птиц, подобные фениксу и зимородку, символизируют богатство и благородство, тогда как сосна, бамбук, хризантемы, гуси воплощают уединение и праздность».

Чтобы овладеть этим жанром, надо не только изучать живописную манеру предшественников-классиков, но и научиться различать в природном удивительное, прекрасное, загадочное. Из «благородных цветов» излюбленными объектами изображения были пион, лотос, цвет дикой сливы — мэйхуа. Из обычных цветов — выюнок, бегония, петушиный гребень. В свитках этого цикла летают бабочки и пчелы, богомолы и стрекозы, цикады и мухи. Здесь можно также встретить представителей водной фауны; рыбки, головастики, лягушки, крабы и креветки не были обойдены эстетическим вниманием. Богат и разнообразен мир птиц — гуси, уточки-мандаринки, райские птицы, орлы, сороки и даже неприятный, шустрый и невзрачный воробей.

Полнокровность и жизнеутверждающий взгляд на мир, умение выбрать главное, ощущение эстетической неисчерпаемости любого явления бытия и вечная неудовлетворенность художника в попытке постичь его отличают этот стиль.

Необходимо отметить, что в данном жанре присутствует и обостренное чутье к фальши, красоты, напыщенной возвышенности.

Живопись цветов дикой сливы мэйхуа является одной из самых распространенных и утонченных тем в жанре «цветы и птицы». Живопись эта развивалась параллельно с живописью «бамбука» и была особенно любима поэтами-даосистами. Большая популярность живописи «мэйхуа» объяснялась философским содержанием, заложенным в ней, ее поэтической интерпретацией и особенно общенациональной этической символикой. Подобно бамбуку, мэйхуа символизирует благородную чистоту, негибкость, так как живые соки сохраняются в деревьях мэй и в лютые морозы.

В древнем трактате «Слово о живописи из Сада с горчичное зерно» не только даны образцы изображений и техника исполнения, разработанная для этого жанра, но и все это связано с космологическим принципом подобия философии даосизма. Единое — мир реализуется через единственное — дерево, цветок. Образно говоря, сквозь причудливые переплетения прожилок лепестков цветка просвечиваются грандиозные контуры мироздания. «Образность дерева мэй и есть его живое одухотворяющее начало «ци». Цветы олицетворяют солнечное начало, они построены по принципу «ян»; само дерево, ствол и ветви полны соками земли, выражает ее таинственную силу «инь». Цветоножка символизирует абсолютное начало мира — «тай-цзы». Чашечка, поддерживающая цветок, воплощает три

силы — небо, землю и человека, и поэтому рисуется тремя точками. Сам цветок является олицетворением пяти первоэлементов, и поэтому изображается с пятью лепестками...» .

Вступить в общение с цветком можно, лишь полностью на нем сосредоточившись, когда посторонние мысли не будут мешать осознанию цветка и его «цветочности». Через глубинное сосредоточение происходит освобождение от неведения, постигается высший смысл искусства и бытия. «Все, что ни видишь, — цветок, все, о чем ни думаешь, — луна. Для кого вещи не цветок, тот варвар. У кого в сердце нет цветка, тот зверь».

Цветы такие же живые и любимые, как люди. У них своя иерархия, они подчиняются и гармонично сочетаются. «Цветы сливы имеют своих «камеристок»: магнолию, даюнию, камелию; у пиона «камеристки» — шиповник, роза, боярышник; у белого пиона — магнолия и алтей; у цветов граната — цветы пурпурного мирта, ноготки, тысячелистник...».

У китайцев и японцев человек должен отойти в сторону, чтобы не мешать цветку выявить себя. Человек скорее слуга цветка, чем его господин. К любимому цветку могли относиться как к любимой женщине. Китайский император Танской эпохи (VII—X вв.) приглашал в весеннюю пору в свой сад музыкантов, чтобы они услаждали слух цветов. Древние поэты вели беседы с цветами, доверяя им свои тайные мысли как близким, все понимающим друзьям.

В наши дни эти традиции не исчезли. Так, знаменитый китайский художник Ци Бай-ши написал для своего ученика небольшую картину — две обращенные друг к другу орхидеи в стакане — и сделал надпись: «Диалог». «Тая улыбку, друг против друга, Ведут беседу от сердца к сердцу».

Исходя из даосистской практики вживания в мир, контактировать с миром можно не только через отдельных его представителей, но и непосредственно со всей целостностью. Достаточно наглядно это демонстрировалось в пейзажной живописи. Пейзажи увидены как бы с птичьего полета, что сообщает им широкую панораму и некоторую созерцательную отстраненность. Часто художники населяют их одним-двумя пешеходами. Эти маленькие фигурки как бы «запущены» в широкий мир, чтобы приблизить его, делать своим. Чаще всего путники никуда не торопятся — любят, стоя на мостике, закатом или восходом или созерцают луну. Они вносят в пейзаж неторопливый мир странничества и выключенности из условностей человеческого общежития.

В классической живописи японцев пейзажное пространство изображается по принципу «сорванной крыши» (фукинуки ятай), т.е. созерцающий пейзаж видит его не с одной, а с разных точек одновременно, что позволяет охватить все в целостности.

Отметим еще одно обстоятельство в пейзажной живописи даосистско-конфуцианского типа культуры, которое ярко выражает главную эстетическую позицию — единство и взаимопроникновение естественного и искусственного, рукотворного и нерукотворного, достоверного и условного. Большинство

пейзажистов Китая и Японии осознавало, да и, до сих пор осознает, что искусство пейзажа — это высокая миссия создания микромира, адекватного всему мирозданию. Объекты, принадлежащие земле и небу: дерево, камень, вода (а также их инварианты — облако, туман, дымка) — выступают как архетипы культуры.

Поэтика камня, эстетическое сознание и художественное освоение гор составляют одну из важнейших граней практики и теории китайского искусства. Границы эстетического осознания камня китайскими художниками и поэтами очень широки. Они определяются даосистской традицией уподобления себя простоте обычного камня («ши») и конфуцианским стремлением к самосовершенствованию, доведенному до изысканности яшмы и нефрита («юй»). Эстетическая значимость камня, сказалась с особой определенностью в знаменитых «садах камней» при монастырях. В истории китайской культуры сложилось так, что обработка яшмы, создание тончайших изделий из нефрита стали уделом народных мастеров — безымянных творцов прикладного искусства тогда как простой камень обрел свое место в элитарной поэзии и живописи. Прославленные своей красотой горы, фантастические по форме камни часто бывают объектами поэзии и живописи. Для некоторых художников камень был столь значим, что они вводили в свой псевдоним иероглиф «ши» (камень).

Того, кто мудр, — радуется вода,

Того, кто гуманен, — радуют горы,

Мудрый ценит движение,

Гуманный — покой. Мудрый обретает радость.

Гуманный — долголетие».

Но водные просторы рек, водопады, дымки и облака — все это ипостаси абсолютного дао. Искусство изображать водную гладь и рябь, струи водопада, причудливые формы облаков стало в Китае объектом пристального изучения, о нем созданы специальные даосистские трактаты.

Именно в них предначертан еще один важный эстетический принцип живописи: «Великое совершенство похоже на несовершенство». Постулат Лао-цзы о внешней непривлекательности истины и, напротив, привлекательности лжи, призывал художника бежать от красоты, избегать желания нравиться и не страшиться истины, как бы ни была она сурова и непривлекательна.

Нельзя забывать, что в китайской эстетике живопись измеряют двумя параметрами: философией и каллиграфией. Это значит, что лицо художника выражают дух и линия. Камни, деревья, водные потоки, цветы, птицы и даже человек даны в типизированном, а не индивидуализированном виде. Леви-Стросу китайская живопись представляется наиболее яркой иллюстрацией единства письменности и

живописного языка: «Графические символы, особенно символы китайского письма, обладают эстетическими свойствами независимо от интеллектуальных значений, которые они обязаны передавать».

Основным пороком живописи считалась вульгарность, в которой выделялось несколько уровней: вульгарный дух, вульгарный ритм, вульгарная кисть, вульгарный замысел, вульгарный человек-художник. Бегство от вульгарности — основа творческой жизни дальневосточной эстетики.

Живопись в Китае никогда не была «искусством для искусства», она всегда содержала в себе задачу нравственного совершенствования личности, требуя не только ассоциативного мышления, но и непосредственного восхищения природой и работой мастера.

Китайские теоретики искусства любят повторять: «Картина подобна ее автору, кисть бывает высокой и низкой так же, как моральные качества человека».

Люди могут по-разному относиться к природе. Одни — с высокомерным технократическим снобизмом, разрушая, подобно европейцам, с помощью синхрофазотронных пушек последние ее тайны. Другие — с замиранием сердца, стремясь стать сосной, чтобы понять ее. Одни живут по принципу: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Другие вешают на дверь серебряный колокольчик, чтобы глубже почувствовать тишину ночи. Какой из этих путей предпочтет человечество?

Как показывает художественная практика конфуцианско-даосистской культуры, искусство способно, воспевая красоту природы, противостоять культу техники и содействовать культу благоговейного отношения к жизни.

4. Характер звания в рамках конфуцианско-даосистской культуры

Характер знания в конфуцианско-даосистской культурной традиции резко отличается от западно-европейского его понимания. Вплоть до XX в. европейские мыслители с пренебрежением и высокомерием относились к духовным и интеллектуальным исканиям китайского народа и его мудрецов. Об этом, в частности, свидетельствуют отзывы Гегеля о философии китайских мыслителей, которых он читал и недооценил. О Конфуции он высказался коротко и решительно: «У него совершенно нельзя найти никакой спекулятивной философии, а на основании собственных его произведений можно сделать заключение, что для его славы было бы лучше, если бы они не были переведены».

Исследуя ту же проблему, западноевропейский историк художественной культуры М.Каррьер пишет, что китайцы «приобрели много сведений, многое открыли раньше европейцев, но они всегда заботились не столько о причине, об основаниях, сколько о ближайшей цели; в разысканиях ими руководит одна польза, а оттого они и не доходят до настоящего знания, которое дается только тому, кто ищет его из любознательности и из-за истины: полезное прилагается само собой».

Столь категорические высказывания наводят на следующие размышления: может ли одна культура обладать монополией на знание и что такое знание вообще и, если оно является достоянием всего человечества, каким образом оно реализуется в культуре китайцев? В энциклопедической литературе о знании пишется, что оно — «проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий. Знание обладает различной степенью достоверности, отражая диалектику абсолютной и относительной истины. По своему генезису и способу функционирования знание является социальным феноменом. Оно фиксируется в форме знаков естественных и искусственных языков».

Знания могут быть донаучными, обыденно-житейскими, художественными и научными. Важно отметить, что знания опосредованы культурой, ее традициями и определенной системой ценностей. А это значит, что каждый исторический тип культуры имеет право на свои «причуды», на собственные установки и свой менталитет. Как надо подходить к оценкам чужой культуры, хорошо разъясняет В.М. Алексеев: «Не то важно что мы видим, а то, что видит китаец. Наше суждение начинается лишь с того момента, когда мы пойдем, наконец, почему китаец наслаждается там, где мы бываем только ошарашены».

Конфуцианское учение о знании подчинено нравственно-социальной проблематике. Для Конфуция знать «значит знать людей». Познание природы его мало интересовало, что в какой-то мере находилось в явной дисгармонии с выдающимися достижениями китайцев в области научно-технических изобретений. Еще за тысячу лет до Конфуция древние жители равнины Хуанхэ знали календарь, иероглифическую письменность и тд. В дальнейшем они изобрели компас, порох, научились изготавливать фарфор, шелк и тд. Однако научно-технические знания Конфуций считал опасными, поскольку они отвлекают от духовного совершенствования, и демонстративно их сторонился. Один из учеников, интересовавшихся хозяйственными делами, даже вызвал большое неудовольствие учителя тем, что спросил его о технологии земледельческого труда. «Об этом надо спросить у крестьянина!» — с досадой ответил Конфуций.

Однако нельзя полагать, что Конфуций осуждал рациональное знание. Наоборот, он был противником притязаний на сверхъестественную мудрость. Великий китайский мудрец сделал своему народу предупреждение, которое имеет общекультурную ценность: «Никогда не имейте дела с теми, кто притязает на общение со сверхъестественными силами. Если вы позволите культу сверхъестественного утвердиться в вашей стране, произойдут ужасные бедствия».

Первейшим долгом Конфуций считал развитие в человеке естественных достоинств и устранение его недостатков. Он часто говорил своим ученикам, что не правда делает человека великим, а человек делает великой правду. Конфуций предлагал изучать ошибки человека или присматриваться к тому, как он

выполняет свой по вседневный долг перед ближними. Он не строил теорий и часто говорил ученикам, что книжное образование оторвано от жизни, делает человека не столько умнее, сколько глупее. «Вы можете вызубрить наизусть триста песен канона, но, если вы окажетесь негодными к управлению, когда вам доверят власть, или же к исполнению поручения государя, когда вам поручат вести переговоры, какой прок от ваших знаний, будь вы даже самыми учеными в мире людьми?»

Практика для Конфуция — это прежде всего общение с людьми. Истинно мудрый должен жить как живут все, жить по обычаю и искать в жизни лишь моральное удовлетворение. Жить как все — означало жить в соответствии с определенным ритуалом. Несомненно, ритуал был центральным понятием древнекитайской традиции, причем китайцы не делали различия между религиозными обрядами и светскими церемониями. Для Конфуция ритуал — это главное условие человеческого общежития и, следовательно, лучшее средство знания того, что такое человечность. Другими словами, Конфуций открыл в ритуале основу всей человеческой деятельности, рецепт правильного поведения на все случаи жизни. Можно прочесть в «Беседах и суждениях» напутствие Учителя: «В обществе держитесь так, словно принимаете почетного гостя. Исполняя служебные обязанности, ведите себя так, словно руководите торжественными жертвоприношениями. Не делайте другим того, чего себе не желаете. Так вы не сотворите зла ни в государстве, ни в семье».

Таким образом, Конфуций увидел в ритуале воплощение вечно живых качеств человеческого общежития, ведь всякое ритуальное действие не может не быть общепринятой нормой людей и, следовательно, их общим достоянием. Так, живущий по ритуалу, согласно Конфуцию, живет в согласии со всеми людьми. Ритуал оказывается у него всеобщей мерой гармонии в отношениях между людьми, в отношении человека к самому себе. Сдержанность — вот жизненное кредо китайского мыслителя. Но сдержанность, не ущемляющая человеческие чувства, а способная уважать своего родственника, соседа и просто незнакомого.

Сдержанность и самообладание, реализованные в ритуале, проистекают в конечном счете из опыта «самоопределения» человеческого «я» в системе «коллективного» сознания. Ритуал требует от человека жить самоустранением, освобождает личность от частых эгоистических устремлений, для того, чтобы выявить вечно живые родовые свойства человечества. В ритуале обнажается матрица человеческой социальности. В то же время ритуал не задан изначально человеку. Он усваивается благодаря учению и вырастает из характера человека, его воли. В конфуцианстве отличительным признаком человека объявляется не просто сознание или разум, а решимость исполнять свой долг, принять до конца свой долг, принять свою судьбу, жить волей всецело нравственной, поскольку она действует в сообществе людей и сама его созидает. Воля требует сосредоточения душевных сил, она соединяет в себе разум и чувства, и недаром китайская традиция никогда не противопоставляла одно другому. Средоточием духовной жизни

человека в Китае считалось «сердце» —местилище и сознания, и чувств. Взгляд на человека как на изначально нравственное существо стал в Китае общепризнанным. Человек, преступивший нормы морали, становится в глазах китайцев не более чем «говорящим животным».

Долженствование, на котором утверждается ритуал, не является этическим принципом, который можно вывести путем отвлеченных логических доказательств, его нельзя установить и очередным президентским указом. Оно не существует вне времени и пространства. Оно рассеяно в хаосе жизненных случайностей и не может быть подведено под какой-либо закон. О нем надо молчать. Им нужно жить.

Мудрец заведомо ничего не отрицает и не утверждает, он безмятежен и лишен предубеждений. Для Конфуция в действии, вдохновленном долгом, нет жесткой границы между человеком и окружающей средой. Мы не найдем в его высказываниях отчетливого представления о человеке как психически целостном субъекте, который бы оставался равен самому себе в потоке времени. Мы сталкиваемся со взглядом на человека, в корне отличающимся от европейских представлений о личности. Личность в конфуцианской традиции представляется как бы сетью межчеловеческих отношений, «общественным лицом». Человек есть то, чем он является для других, и живет он волей к «преодолению себя», волей, превосходящей индивидуальную жизнь, побеждающей даже смерть. «Утром, познав Путь, вечером можно умереть», — гласит многозначительное изречение Конфуция.

Жизнь конфуциева мудреца скромна, но свободна от пошлой обыденщины. Она не призвана быть примером каких-то идеалов и принципов, не подчинена погоне за успехами. Этот мудрец идет «срединным путем», не впадая в крайности, будучи всегда готовым на разумный компромисс. Не отставать и не забегать вперед, всегда «соответствовать времени» и уметь пересматривать свой опыт, исправлять свои промахи и хранить верность своей возвышенной мечте, неуклонно расширять свой кругозор — такова истина «срединного пути», завещанная Конфуцием. Только целомудренное и любящее человеческое сердце может ведать, как следует поступать в этом изменчивом мире.

Возвышенная мечта, которая, подобно маяку, указывает человеку его предназначение, реализуется в принципе человечности. Быть человеческим для Конфуция означает любить людей. Индивид, наделенный человечностью, должен обладать следующими качествами: учтивостью, великодушием, прилежанием и добротой. Тот, кто учтив в общении, избегает оскорблений. Тот, кто великодушен, привлечет к себе других людей. Тот, кто честен, привлечет к себе доверие других людей. Тот, кто прилежен, добьется успеха. Тот, кто добр, может использовать людей на службе.

Таким образом, человечность для Конфуция — это мера всех добродетелей, мера социальности и культурности человека. Человечность — это путь человека к себе. Она создает мост между тем, что он есть и тем, чем он должен быть. Этот путь каждый обязан пройти сам. Быть или не быть человеческим — зависит от нас самих.

Нравственные идеи Конфуция привели к замене религиозного идеала Неба этическим идеалом Небесного пути. И Небесный путь, и человеческое сердце повинуются моральному закону. Для Конфуция истинное служение Небу выражается в служении людям. Когда его попросили объяснить, что такое мудрость, он сказал: «Отдавать все силы служению людям, почитать духов и держаться от них в отдалении — вот это и есть мудрость». Когда его спросили, как следует служить духам предков и божествам, он ответил: «Ты еще не знаешь, как служить людям. Разве ты можешь знать, как служить духам?» Признавая существование духов, он делал акцент на нравственном и воспитательном значении обрядов. Этика для него заслонила собой религию.

Откуда же у Конфуция такое нежелание определить четкую позицию в отношении религиозной веры? Причину, вероятнее всего, нужно искать в том, что конфуцианство — это своего рода псевдорелигия: она трактует на религиозный лад жизненные принципы человека, но утверждает их моральную самоценность. Духовное подвижничество конфуцианского человека кристаллизуется в формах культуры. Конфуцианцы с готовностью признавали во все времена, что бытующие в народе культы основываются на иллюзии, но иллюзии полезной для самих людей, а потому правдивой. Духовным наследникам Конфуция не было поэтому нужды доказывать существование духов или опровергать их. Они могли принять обе точки зрения условно истинными в силу того, что они приняты в обществе и от них зависит поведение людей.

Исследователи древней литературы и фольклора часто отмечают, что сюжеты мифов и сказаний имеют своим прототипом годовой цикл, знаменующий периодическое воскресение и умирание природы. В наследии Конфуция мы встречаемся с прямо противоположным ходом мысли. Конфуций не стремится преобразить реальность в миф, а скорее раскрывает естественные корни мифа, низводя священное до естественного хода жизни. Разговоры мыслителя о Небе есть в своем роде антимиф, где повествование о Небе выступает в форме молчания, а знание об обыденном — в форме речи. Здесь намечается начало той магистральной линии китайской традиции, которая выразилась в известном изречении средневековой эпохи: «Обыкновенное сознание — это и есть правда».

Так повседневная жизнь оказывается для Конфуция не просто нагромождением случайных, бессмысленных эпизодов. В глубине потока жизни вьется жизнь «Небесной судьбы», и эта судьба доступна человеческому знанию и постигается «чутьем сердца». Как бы ни был жесток и лжив мир вокруг, какие бы невзгоды не выпадали на долю конфуцианского мудреца, он не отчаивается. Его жизнь кажется ему глубоко осмысленной. В этой судьбоносной своей жизни он находит великую опору и защиту. Даже в минуту смертельной опасности Конфуций не терял самообладания. Он говорил в такие минуты, что Небо не допустит его гибели. Он знал веление Небес.

Знать, чего требует «Небесная судьба», — значит иметь в жизни свой Путь. Понятие Пути (дао) стало ключевым для Конфуция, не отделявшего свое учение от своей судьбы. Для Конфуция дао — это

«праведный путь». Дао — это правда каждого отдельного человека и народной жизни в целом. «Праведный путь» невозможно претворить силою или угрозами; он проистекает из духовного подвижничества каждого человека и неотделим от сокровенных глубин человеческого взаимопонимания. Истинный Путь в жизни, утверждал Конфуций, берет начало в человеческой природе и становится зримым благодаря правильно выстраиваемым связям человека с другими людьми. В понимании мудрости и праведной жизни как Пути есть и особый смысл: идея Пути указывает на скрытую связь человека и Неба, предела и беспредельного. Путь мудрого, по Конфуцию, это «в одно мгновение» пройти дистанцию между тем, что «лежит рядом», и беспредельностью, нанести знаки вечности на карту зримого мира. Именно так в Китае понималась, кстати, работа каллиграфа или художника, который, согласно классической метафоре, своей кистью наносил на бумагу «след, тянувшийся на тысячи ли и уходящий в недостижимую даль...».

Конфуций верил, что показать пример праведного пути — единственный способ исправить нравы и что перед благотворным воздействием такого примера не устоят несправедливые.

Говоря о человеческом совершенстве, Конфуций строил систему иерархического знания. По его словам, как ни завидна участь «знающих», все же выше их стоят «человечные», которые не просто «знают свое знание», но еще и воистину претворяют его. И если знание побуждает нас действовать, то «человечность» — это воплощенное знание — дарит нам бесконечную мудрость и вместе с мудростью человечность. Учитель сказал: «Человек делает великим Путь, а не Путь делает великим человека».

В наши дни идеи Конфуция вновь возвращаются в круг живых учителей китайского культурного ареала. Пережив страшные потрясения, народы Китая, Кореи, Японии, Юго-Восточной Азии нашли в традициях даосистско-конфуцианской и буддийской культуры живительные силы для восстановления своего здоровья. Не идеи насилия и порнографии американской культуры, а идеалы гуманизма, уважительного отношения к природе, любовь к своему прошлому, своей героической истории подняли с колен многие народы Азии обеспечили им успех. Достаточно вспомнить поразительные достижения Японии, Тайваня, Китая, Сингапура, Южной Кореи, чтобы понять моральную силу культурных достижений этих народов. И в самом Китае конфуцианство вновь объявлено основой духовной жизни страны, великим фактором творческого потенциала общества. Мы только сейчас начинаем понимать, что эффективны не технические приспособления сами по себе, но воля и разум человека, или, как говорили в Китае, «техника сердца», обеспечивающая доверие, искренность и радушие между людьми.

Условия возвращения конфуцианства в современный мир заданы проблемой преодоления того типа цивилизации, который сложился на Западе в эпоху Нового времени, провозгласившей своим героем «технического человека», добивающегося господства над миром ради самого господства, ради удовлетворения своего индивидуалистического эгоизма, комфорта и безудержного потребительства.

Социальные институты и ценности современного общества имеют рациональное обоснование, но общественная жизнь может оказаться глубоко иррациональной. В дебрях цивилизации, сформировавшей «технического человека», искусного умельца и аналитика, человек растрчивает свои человеческие качества и превращается в жалкого потребителя, которого как бы на веревочке ведет государство, бюрократическая элита и космополитическая интеллигенция к покорности и рабству. Этой цивилизации в определенной степени противостоит конфуцианство, которое, не требуя крикливых деклараций о правах человека, несет людям нормальные, здоровые нравственные принципы: преданность своему народу и семье, снисходительность, почтительность к родителям, уважение к старшим, великодушие, правдивость, сметливость, милость. Как никогда для нас актуальны слова Конфуция: «Уважать добродетель, охранять народ» и «Правящий с помощью добродетели подобен Полярной звезде, которая занимает свое место, а все другие звезды окружают ее» (Лунь юй, гл. 2). Подлинно культурный народ никогда не позволит насильнику занять место Полярной звезды, в огне его культуры непременно сгорит любая авторитарная власть, в какие бы демократические одежды она ни рядилась.

Глава V. Индо-буддийский тип культуры

1. Мировоззренческие принципы брахманизма, буддизма, индуизма и социальные основы индо-буддийской духовной традиции

Одной из оригинальных и величественных культур, существующих на нашей планете, является индо-буддийская, сформировавшаяся главным образом на территории Индии. Тысячелетняя культурная традиция Индии сложилась в тесной связи с развитием религиозных представлений ее народа.

Пришедшие в Индию арии принесли с собой Веды, создание которых относится к 2000 г. до н.э. Веды представляют собой смесь гимнов, молитв, описаний жертвоприношений, поэтических образов природы. Замечательный индийский писатель Рабиндранат Тагор определил ведические гимны как «поэтическое свидетельство, коллективного выражения народного восторга и благоговейного ужаса перед жизнью».

В гимне «Песнь творения», в частности, говорится: вначале существующее было бесформенным хаосом. В нем возникло стремление, и в нем прорезался свет, оформились небо и царство воды. Из

небытия вышло бытие. Так возник мир. Боги появились позже сотворения этого мира.

Упанишады, появившиеся, примерно, в 800 г. до н.э., представляют собой следующий шаг в развитии религиозных представлений индо-арийцев. Они проникнуты религиозно-философским раздумьем о внутреннем мире человека, реальности и нереальности его существования, дороге к истине и ее значении для праведной жизни, смерти и бессмертия. По словам Д.Неру, в Упанишадах душа индивида понимается как искра, «выброшенная и вновь поглощенная ярко горящим пламенем абсолютной души».

В Упанишадах четко сформулированы идеи Брахмана и Атмана. Брахман – абсолютная реальность, абсолютная духовность, Вне его ничего нет, и все сущее заключено в Брахмане. Атман – осознание индивидом собственного «я», завершающееся признанием тождественности Атмана и Брахмана.

Упанишады дали толчок к развитию религиозно-философского мышления, и вскоре сформировались шесть его основных школ.

Для индо-буддийской культуры характерно слияние религии и философии. Вот что по этому поводу пишет Гегель: «Индусская культура весьма развита и величественна, но их философия тождественна с их религией, так что философия интересуется теми же самыми вопросами, которые мы находим в религии, равно как и священные книги, Веды, являются общей основой также и философии».

При всем своем единстве шесть школ классической индийской философии затрагивают различные стороны мировоззренческого отношения человека к миру и представляют собой различные способы его понимания. К этим школам относятся: миманса, веданта, санкхья, йога, ньяя, вайшешика. Каждая из этих школ мало чем напоминает западно-европейские рационалистические учения. В системе брахманизма все они считаются равноправной формой толкования истины.

Миманса занимается разъяснением религиозных ритуалов и допускает жертвоприношение. Жертвоприношения нужны для выполнения долга (дхармы), без чего невозможно высвобождение из оков кармы.

Карма занимает особое место во всей индо-буддийской культуре. «В широком смысле карма — это общая сумма совершенных всяким живым существом поступков и их последствий, которые определяют характер его нового рождения, то есть дальнейшего существования; в узком смысле - влияние совершенных действий на характер настоящего и последующего существования».

Мимансу относят к атеистическому учению, так как в ней признается, что мир создан из атомов в соответствии с моральным законом кармы. В такой картине мира признание Бога не имеет смысла.

Веданта учит о возникновении мира из Брахмы. Индивидуальная душа способна достичь тождества с Брахмой. Это состояние называется Атман. Оно дает освобождение от смерти. Умирая индивидуальная дуга возрождается.

Веданта занимает центральное место в брахманизме, и по сей день у нее масса сторонников. В XIX в.

ее проблемами занимался Вивеканада. Он писал: «Эта вселенная не была создана каким-то надкосмическим божеством, не является она и делом рук какого-то потустороннего духа. Она — самосозидающаяся, саморастворяющаяся, самопроявляющаяся, Одно Бесконечное Существование, Брахман».

В XX в. развитием веданты занимался Р.Тагор. Ей симпатизировал и Д.Неру.

Санкхья исходит из признания двух реальностей: материальной и духовной. Материя активна и самостоятельна, но слепа. Духовность пассивна, но обладает сознанием. Соединение материи и духа, слепого и хромого, взаимно компенсирует их недостатки и взрывает устоявшийся порядок, порождая новый строй явлений в мире. Здесь же формируется и человек как единство чувств и тела. В его телесном бытии изначально заложено страдание. Избавление от страданий возможно лишь путем отделения духовного от материального, подавления телесного. Это и есть выход из круговорота рождений и смертей, достижение бесстрастия и свободы.

Санкхья послужила идейной предпосылкой формирования буддизма.

Последователи йога разработали, комплекс приемов для достижения особого духовного состояния. В них входят средства самоограничения (аскетизма) и вхождения в состояние глубокой сосредоточенности и созерцательности.

Уже Веды учили, что возможно достижения сверхъестественных способностей путем особой аскетической практики, а в «Махабхарате» отмечалась возможность соединения учения санкхья с практикой йога. В дальнейшем в йога главным образом обращается внимание на разработку приемов подавления психической активности и прекращения всякой умственной деятельности. Таким представляется в йога путь к приобретению власти над божеством.

Ньяя делает упор на правилах логики, знание которых полезно для построения суждений, ведущих к освобождению души. В целом ньяя близка последней системе брахманизма — вайшешике.

Вайшешика учит, что существует шесть видов положительной реальности (субстанция, качество, действие (карма), всеобщность, особенность, присущность) и один вид отрицательной реальности (небытие). Все физические объекты состоят из атомов, которые в вайшешике трактуются как несотворенные и вечные. Хотя физический мир создан из атомов, его движущей силой является Бог, действующий в соответствии с законом кармы.

В брахманизме лейтмотивом проходит идея скоротечности и незначительности человеческой жизни в сравнении с неземным миром: Бесконечный круговорот вещей — это мировой закон жесткой обусловленности посмертной судьбы человека его моральным поведением при жизни. Убийца обращается в хищное животное, похититель зерна — в крысу, вор мяса — в ястреба, убивший брахмана — в собаку или осла, брахман, который пьянствует или ворует, перевоплощается в моль или ужа, а

всякий, оскверняющий брачную постель своего учителя, возрождается в виде терновника или кровожадного животного. Самодисциплина, отказ от ненависти, подавление зависти, изучение Вед и почитание брахманов — все это сулит смертному высокое положение в обществе после возрождения его души.

В VI в. до н.э. начал формироваться буддизм. Его основоположник — Будда, который принадлежал к варне кшатриев и был принцем царствующего дома. Его подлинное имя — Сиддахартха. Матерью Будды была царица Майя. «Она внушала всем светлое благоговение, сильная, как молодая луна, спокойная и уверенная, как земля, чистая сердцем, как лотос, такой была Майя, великая Госпожа»

Параллельно с буддизмом развивался джайнизм, основоположником которого был Махавира (Вардамана). Сторонники этой секты проповедуют аскетизм как средство освобождения от кармы и достижения нирваны. В своем фанатизме самые ярые джайнисты требуют отказа от одежды и в конце жизни — от пищи. Джайнизм нашел точки соприкосновения с брахманизмом и сохранил свое влияние в Индии и по сей день. Особенно много последователей Махавира среди торговцев.

В своих проповедях Будда критикует как брахманизм, так и джайнизм. Его не устраивает в брахманизме пристрастие к богатой и обеспеченной жизни, а в джайнизме — аскетизм. Он за средний путь.

Свое кредо Будда изложил в так называемой Бенаресской проповеди. Она сродни Нагорной проповеди Иисуса Христа и заслуживает того, чтобы с ней познакомиться.

«Существуют две крайности, о монахи, от которых человек, ведущий духовную жизнь, должен оставаться вдали. Какие же это две крайности? Одна — жизнь наслаждений, преданная похотям и удовольствиям; это жизнь низменная, неблагородная, противная духу, недостойная, ничтожная. Другая крайность — жизнь добровольных страданий; это жизнь мрачная, недостойная, ничтожная. Совершенный стоит далеко от обеих этих крайностей; он познал путь, который лежит посередине, путь, который открывает глаза, открывает и ум, который ведет к покою, к познанию, к просвещению, к нирване! Это есть восьмичленный путь, который называется так: праведная вера, праведное решение, праведное слово, праведное деяние, праведная жизнь, праведное стремление, праведное воспоминание, праведное самоуглубление. Вот это, монахи, есть тот срединный путь, который познал совершенный и который ведет к покою, к познанию, к нирване. Святая истина о страданиях такова: рождение есть страдание, старость есть страдание, болезнь есть страдание; соединение с немилым есть страдание, разлука с милым есть страдание; недостижение желаемого есть страдание; короче говоря, пятикратная привязанность (к земному) есть страдание.. — Святая истина об источнике страдания такова: это есть жажда (стремление к бытию), которая ведет от возрождения к возрождению, вместе с наслаждением и страстью, которая то тут, то там находит свое наслаждение; жажда наслаждений, жажда бытия, жажда могущества. Святая истина

о прекращении страданий такова: устранение этой жажды через полное уничтожение желания, чтобы оно совсем ушло, через отчуждение от него, через освобождение от него, через лишение его всякой опоры. Вот святая истина о пути к прекращению страдания, о монахи: это святой, восемь раз святой путь, он называется так: праведная вера, праведное решение, праведное слово, праведное дело, праведная жизнь, праведное стремление, праведное воспоминание, праведное самоуглубление. С тех пор, как я, монахи, обладаю этим познанием четырех святых истин в их полной ясности, я знаю, что в этом мире, а также и в мире богов, в мире Мары и Браммы, среди всех существ, аскетов и брахманов, богов и людей я достиг высшего достоинства Будды. И я познал это и созерцал это; впредь для меня нет уже новых рождений».

Эта проповедь знаменита тем, что в ней – переход от религиозного эгоизма брахманов к состраданию обездоленным. Брахман преследует собственное спасение. Будда говорит о служении многим, ищущим спасения. Монах должен жить не для себя, а для других.

Будда уклонился от ответа, существует ли Абсолютный дух. Н\$ обсуждал он и проблемы соотношения Абсолютного духа и индивидуальной души. Но он верил в жесткую причинную связь событий, в мировой закон, в карму. В его учении дхарма — элемент бытия. В своей совокупности дхармы образуют сущее.

Учение Будды глубоко нравственное. Он учит: «никогда в этом мире ненависть не побеждается ненавистью», «пусть человек одолеет гнев благодушием, а зло добром», «можно победить тысячу людей в бою, но величайшим победителем будет тот, кто одержит победу над самим собой», «не рождение, а лишь поведение делает человека либо членом низшей касты, либо брахманом», «победа рождает ненависть, ибо побежденный несчастен».

Будда призывает ориентироваться на четыре нормы поведения: предотвращать зло, пресекать зло, способствовать возникновению добра, поддерживать добро.

Учение Будды получило широкую поддержку среди населения Индии. «Идите во все страны, — говорил Будда своим ученикам, — и проповедуйте это учение. Скажите им что бедные и униженные, богатые и знатные – все равны, что все касты объединяются в этой религии, как реки в море».

Буддизм оказался приемлемым для различных слоев общества и для разных народов. Своей симпатией ко всему живущему, уважением к человеку и его делам, принципами ненасилия и смирения и своим поиском нравственной основы в жизни, конечной цели человеческого существования буддизм завоевал сердца жителей Индии и Китая, Тибета и Японии, Непала и Таиланда, Цейлона и Вьетнама, Монголии и Камбоджи.

Чем шире распространялся буддизм среди народов, тем явственнее становились различия их условий жизни. Постепенно выкристаллизовались две версии буддизма. В Индии формируется махаяна, в Бирме, Таиланде и на Цейлоне — хинаяна.

В разработке махаянской версии буддизма решающую роль сыграл Нагарджуна. В махаяне Будда был

обожествлен и сложилось поклонение ему как божеству, принимающему участие в делах людей. Это было данью брахманизму с его пантеоном богов. Буддизм стал сближаться с традиционной религией индийского народа, поклонением Вишну.

В Китае идей буддизма стали распространяться в I в. н.э., в эпоху Хань. По преданию, правившему в то время в стране императору явилось чудесное видение во сне: человек ростом почти в 5 метров, с ярким ореолом вокруг чела. «Поскольку видение явилось ему с Запада, император направил гонцов в этом направлении, и они возвратились с образом Будды и буддийскими сочинениями. Вместе с буддизмом в Китае распространилось также влияние индийского искусства, из Китая оно проникло в Корею, а оттуда в Японию».

В Тибете, буддизм принял форму ламаизма, в котором признается, что лица, носящие высший церковный сан являются воплощением божественных существ, а монахи (ламы) служат наставниками для верующих.

В Китае буддизм сосуществует с конфуцианством и даосизмом. При сближении с даосизмом буддизм трансформировался в дзэн-буддизм. Для него характерны пренебрежение к внешней жизни, самоуглубление в личные проблемы, интуитивизм. «Что вы ищете в доме своего соседа? – вопрошает Линь-Цзи (IXв.). – Слепцы! Вы пытаетесь пришить себе вторую голову. Чего вам не хватает в себе? Существует некий истинный человек без титула, что скрывается за вашей бледной плотью. Он все время входит и выходит через ваши органы чувств. Те, кто не нашел его в себе, — смотрите лучше!»

Дзэн-буддизм получил распространение и в Японии. Под влиянием воинственных самураев в нем появляются положения о том, что самурай может достичь просветления быстрее монаха, а воинское искусство — более прямой и быстрый путь к совершенству, чем традиционная практика медитации. Дзэн-буддизм требует религиозно-мистического растворения индивидуального сознания в безличностном, океано-подобном Абсолюте.

В середине XX в. дзэн-буддизм становится популярным в западноевропейских странах.

Уже отмечалось, что махаяна как версия буддизма оказалась внутренне близкой традиционным верованиям индийского народа. Пессимистические стороны буддизма не гармонировали с жизнерадостным народом Индии. Ему были ближе светлые идеи брахманизма. Но и от буддизма индийское общество не отказалось полностью. В результате синтеза ряда положений буддизма и брахманизма сформировался индуизм.

Почему же буддизм, получивший мощную поддержку со стороны царствующих правителей и создавший разветвленную сеть монастырей, не смог удержать своих позиций в Индии и постепенно, без политических потрясений и религиозных войн уступил место индуизму?

Ответ на этот вопрос требует знакомства с социальной основой индо-буддийской духовной традиции.

Пришедшие в Индию арии положили варнам: брахманам, кшатриям, вайшьям и шудрам. За пределами варн остались рабы, изгои и иностранцы.

Деление на варны наложилось на традиционную сельскую общину и усилило ее позиции в обществе. Традиционно сельская община — основа индийского общества. Она возглавляется старейшинами, автономна в своих делах, владеет землей и платит налог центральной власти. От произвола центра она защищена религиозными верованиями, обычаями, традицией. Ее хозяйство, практически, натуральное. Для защиты и прочих дел она нанимает работников. Ей не чужд наемный труд, но распоряжаются землей только общинники.

Замкнутый образ жизни общин ставил их вне политических бурь и потрясений. Правители приходили и уходили, а община продолжала жить своими интересами, выплачивая традиционный налог государству.

«Основой политического строя, — пишет Неру, — была самоуправляющаяся деревня, которая сохранялась без существенных изменений, в то время как правители приходили и уходили. Новые переселения извне и захватчики затрагивали лишь поверхность этого строя, но не его корни. Власть государства при всем ее внешнем деспотизме обуздывалась тысячами обычаев и законодательных ограничений, и ни один правитель не мог свободно нарушать права и привилегии сельской общины».

Во главе государства стояли правители (кшатрии), но их власть постоянно ограничивалась жрецами, пользовавшимися огромным влиянием в сельских общинах. Брахман как священник, ученый, образованный человек почитался выше кшатрия. Его авторитет был непререкаемым.

И брахманы и кшатрии жили своими Варнами и не смешивались друг с другом. В принципе, рожденный брахманом кшатрием не мог стать.

Такие же Варны образовали земледельцы, ремесленники торговцы (вайшья), а также наемные работники, батраки (шудры).

Эти четыре варны и заложили основы кастового строя в Индии.

Приходившие в Индию новые народы или пополняли старые касты (так появились кланы раджпут-кшатриев — из скифов), или создавали новые. Так формировались профессиональные касты кузнецов, каменщиков, кожевников и маляров. Они жили деревнями, замкнутой жизнью, не мешая другим жить. За пределами каст находились так называемые неприкасаемые (чандала), уборщики трупов и исполнители других грязных работ.

Следствием кастового строя явились отчужденность между социальными группами, отказ принимать • пищу вместе с представителями других каст и заключать, браки вне своей касты. Касты создавали свои

советы для ведения собственных дел.

Буддизм формировался как мировоззрение кшатриев, и их поддержало в определенной степени население Индии, недовольное засилием брахманов. Но община и похоронила буддизм.

Неру Д. Так объясняет причины падения буддизма. «Особое значение, которое буддизм и джайнизм придавали принципу ненасилия, привело к тому, что земледелие стало считаться низким занятием, ибо оно часто было связано с убоим животных. Это занятие, служившее некогда предметом гордости индоариев, стало считаться в некоторых районах страны не столь почетным, несмотря на его важнейшее значение, а те, кто непосредственно обрабатывал землю, заняли более низкую ступень на социальной лестнице».

2. Система ценностей индо-буддийской культуры

В основе всех ценностей индо-буддийской культуры лежит представление об Абсолютном духе, внешним выражением которого является земной мир. Вследствие этого во вселенной поддерживается порядок, господствует закономерная связь явлений и смена событий выдерживает ритм.

В рамках всемирного закона личность свободна, но она стоит перед вечностью жизни и переселением душ. Карма — это страж и переселения душ и причинности, закономерного воздаяния личности за ее прежние дела. Случайность и беспричинное зло в индо-буддийской культуре исключены. Каждому — свое.

Индуизм — широкое религиозно-культурное течение, распадающееся на ряд относительно независимых культов. Его цементирует тантризм, культ Брахмы, Вишну и Шивы. Правда, звезда Брахмы несколько померкла. На первый план выдвинулись Вишну и Шива.

Их культ — результат синтеза абстрактного представления об Абсолюте времен Упанишад и региональных богов крестьянских общин, которые наделяли природу различными духами, полагая, что именно они управляют сменой времен года, контролируют ритмы земледельческих работ.

Вишну — помощник людям. Он сообщает им истину, сохраняет их в опасности, избавляя их от зла. Такое участие Вишну в делах людей достигается за счет его перевоплощений. Одним из таких перевоплощений был Будда. Так Будда стал Богом.

Простые смертные достигают блаженства, делаясь духовно тождественными Вишну. Ясно, что без благочестивой жизни тут не обойтись.

Шива — суровое и страшное божество, бог — разрушитель. У него три глаза, вокруг тела — змеи, на шее — черепа. Но он же представляется индусам и как покровитель искусства и учености, разгульной жизни и любовных утех. Так, одна из его сект, учрежденная еще в XII в., получили название лагнаитов, так как ее представители имеют обычай носить при себе в качестве фетиша фаллос.

Индуистские боги принципиально отличаются как от христианского Бога, имеющего три ипостаси, так и от исламского Аллаха, предопределяющего судьбу каждого мусульманина. Они приближены к земным условиям, конкретизированы в своих качествах и постоянно находятся в центре земных событий. И Вишну, и Шива имеют жен. Жена Вишну — Лакшми, богиня красоты и счастья. Жена Шивы имеет ряд имен, и одно из них — Кали, богиня истребления и смерти.

Отношение к земному миру в индо-буддийской культуре противоречиво. В учении и сансаре он рисуется ужасным, полным страданий и боли. «Народная индийская мудрость гласит: «Куда вы не посмотрите, везде стремления и страсти, бешеная погоня за удовольствиями, поспешное бегство от боли и смерти, везде пустота и зной разрушающих желаний. Мир полон связей и изменений. Все это и есть сансара».

Проживающий в мире сансары, озабоченный конечной целью своего существования, обязан ориентироваться на гармоничное сочетание четырех этических норм: дхарма, артха, кама и мокша.

Дхарма — важнейшая часть основного морального закона, направляющего жизнь вселенной и всего, что содержится в ней, и как часть этого закона она определяет содержание долга и обязанностей людей. В индуистских священных книгах (смирти) содержатся перечни дхарм — функций и обязанностей различных каст, отступление от которых в обстановке кастовой системы просто невыносимо.

Артха представляет собой нормы практического поведения.

Кама определяет ценность удовлетворения чувственных побуждений.

Мокша — учение о том, как избавиться от сансары.

Так как Абсолютный дух во всем и каждое сущее в едином духе, долг каждого не относиться с презрением ни к одному созданию. Каждый должен жить и давать жить другим.

Дхарма зависит от верности истине и ахимасе, ненасилию. Ненасилие — не столько отказ от физического принуждения, сколько отсутствие злых и корыстных намерений, подчинение самодисциплине и обуздание гнева и ненависти.

Не отвечай злом на зло, всегда твори добро. Умение прощать — свойство сильных. Слабые никогда не прощают. Достойное поведение не в том, чтобы идти проторенным путем, а в том, чтобы самому найти правильный путь и бесстрашно ему следовать. Таким должен быть характер поведения людей.

Индуизм и буддизм различно понимают ценность земных удовольствий, сладострастия и неги. Кама подчеркивает значимость праведной жизни, чувственных радостей и плотских утех. Пренебрежение дарами камы — тяжкий грех. Герой Махабхараты смелый воин Арджуна, отвергнувший любовь Урваши, дочери Брахмы, обречен в течение года быть евнухом.

Буддизм проповедует умеренную жизнь, воздержание и верность в любви.

Важнейшей ценностью индо-буддийской культуры является мокша, как освобождение от сансары. Такое освобождение — высшее блаженство и достигается оно слиянием с Абсолютом, отождествлением с Брахманом. При этом индивид выпадает из цепи кармы, просветляется и выходит за пределы иллюзорного мира. Самосознание личности не уничтожается, а реализуется его фундаментальная потенция слиться с Абсолютным духом.

В буддизме упор делается на понимании нирваны как состояния отрешенности, достигаемом за счет отказа от земных стремлений. «В буддийской философии под нирваной понимают то непостижимое состояние блаженства, в котором окончательно устраняются все факторы бытия, обуславливающие индивидуальное существование. Сторонники поздней махаяны понимают под нирваной не полное прекращение существования, а состояние святости, в котором искоренена злоба и перестал действовать закон кармы и которое навечно стало благом для всех существ».

На систему ценностей индо-буддийской культуры наложил глубокий отпечаток кастовый строй. Каждая варна — это не только замкнутая социальная группа со своими традициями и представлениями, но и олицетворение определенной культурной ценности. Быть брахманом, служить брахманам, учиться у брахманов — высшая ценность. Брахман — это олицетворение премудрости и святости.

На второй ступени социальных ценностей стоит действие. Правители и воины ниже брахманов, но достаточно уважаемы в обществе, ибо выполняют нужные для общины функции. Так, в современной Индии почитают память Викрама, который в свое время отличился в борьбе с иноземными захватчиками. Но примечательно то, что его главным образом любят не как правителя и воина, а как создателя календаря, покровителя мудрости и искусства, за его легендарную доброту и великодушие.

Он герой народных преданий, близких сердцу каждого индийца.

Обладание богатством дает небольшие права на почет. Конечная цель жизни требует не собирания сокровищ, а освобождение от власти кармы. В Индии принято оценивать прожитую жизнь не на основании того, насколько она была моральна и благочестива.

Делая акцент на религиозно-моральной стороне поведения, на согласии индийца с общиной, самим собой и природой, индо-буддийская культура не ориентирует общинников на социальный протест, социальную активность и классовую борьбу с правящей верхушкой. «Для индуиста бессмысленны призывы к равенству либо социальной гармонии: то и другое противоречит идее кармы и индивидуальной ответственности за социальную неполноценность в данном перерождении. И наконец, индуист традиционно чужд насилию, активному социальному протесту: как можно спорить с судьбой?! Разве попытка силой добиться лучшего не приведет в конечном счете лишь к ухудшению кармы со всеми столь далеко идущими от этого последствиями?!»

Итак, внутренне прочная кастовая индийская община одновременно не культивирует на политической лояльности по отношению к государству, ни социальной солидарности, ни политической активности. «Отсюда — невиданный в других обществах политический вакуум, с легкостью заполнявшийся то одними, то другими, чаще всего внешними политическими силами. Отсюда же и отсутствие традиции организованного социального протеста либо энергичного социально-политического сопротивления внешним силам».

Индийское общество оказалось практически безоружным перед лицом сначала мусульманского вторжения, а потом английского империализма.

Мало того, в период Монгольского господства в Индии многие касты перешли в мусульманство. Особенно дружно меняли религиозную основу своей культуры низшие касты. Неру свидетельствует, что в ислам подались ткачи, портные, мясники и торговцы обувью.

В дальнейшем это обернулось напряженными отношениями внутри этнически родственного народа, между мусульманами и индусами.

В годы английского господства в Индии иноземные правители в свою армию -набирали представителей особых каст, главным образом из Северной Индии, которые назывались воинскими кастами, и те служили врагам своей Родины.

Хотя в принципе индуизм и буддизм во многом родственны и поддерживают единую индо-буддийскую культурную традицию, между ними имеются и некоторые существенные различия, выражающиеся, в частности, в социально-политических ориентирах. Индуизм глубоко национален, и в настоящее время его последователи обнаруживают фанатичный национализм и политическую нетерпимость к мусульманам. Буддизм индифферентен ко всему национальному. В качестве мировой религии он принимается представителями многих этносов.

Буддизм не связан с защитой кастового строя, и в этом отношении он обнаруживает большую гибкость в социально-политической сфере. Он даже может играть роль политического авангарда в национально-освободительных и социальных движениях. Буддийские монахи, как известно, в знак протеста против американской оккупации Южного Вьетнама сознательно шли на саможжение.

Однако социально-политические возможности буддизма существенно ограничены. Мировоззренческой основой буддизма, как и индуизма, является установка на спасение от сансары и непротивление злу насилием;

В рамках индо-буддийской культуры в Индии сформировалось и реформаторское движение Махатма Ганди (1869—1948). Он опирался в своих действиях на нравственный закон любви, якобы действующий в природе. «Закон любви действует, как действует закон гравитации, независимо от того, понимаем мы это или нет. Так же как ученый творит чудеса, по - разному применяя закон природы, так и человек,

применяющий закон любви с аккуратностью ученого, может творить еще большие чудеса. Сила ненасилия безгранично более тонка и чудесна, чем материальные силы природы, как, например, электричество».

Ганди встал во главе движения сатьяграхи («сат» — истина, «аграха» — твердость). Вместе с единомышленниками он разбудил народ от вековой политической спячки, обосновал с религиозно-этических позиций необходимость социально-политических преобразований в Индии. Но сам Ганди больше оставался лидером религиозно-реформаторского движения, чем политическим организатором в западноевропейском смысле. Для него главным в организации масс было научить их мужественно бороться за правое дело, а когда надо, встретить насильственную смерть радостно, с чувством исполненного долга.

В течение трех десятилетий Ганди проповедовал дхарму, истину и ненасилие во имя создания независимого индийского государства. Он не устал повторять, что ненасилие, правдивость, чистота помыслов, отсутствие зависти и стяжательства, доброта и мягкость приведут к изгнанию английских колонистов и ликвидации угнетения и эксплуатации.

Но на пути к возрождению индийского общества Ганди столкнулся с такими трудностями, которые повергли его в ужас. И эти трудности — не только бесчестная и вероломная политика английского империализма. Ганди увидел настоящего демона в образе религиозно-общинных лагерей. Началась кровавая драма слепой, звериной борьбы индуистов и мусульман. Кроткий и добрый индуист с неменьшим озлоблением колотил мусульманина, чем мусульманин - индуиста.

В жертву религиозно-общинному фанатизму было принесено единство нации и единое государство. На территории некогда единой страны возникли два государства: Индия и Пакистан.

Индуистская община обнаружила не только религиозный фанатизм, но и враждебность к социальному равенству. Кастовые предрассудки стали препятствием на пути равенства всех перед законом, без чего не может нормально функционировать ни одно современное государство. Добрый и отзывчивый индуист, исповедующий непричинение зла живому, равнодушен и черств по отношению к неприкасаемому, даже если тому остро нужна его помощь. Обнищавший брахман не осмелится отдать свою дочь замуж богатому из касты неприкасаемых. Закон кармы неизмеримо сильнее доводов западноевропейского разума.

Увидев во всей красе демонов религиозного фанатизма и кастовых предрассудков, Ганди писал: «Я призываю на помощь Всемогущую силу, чтобы она вызволила меня из этой "юдоли слез", чтобы я не был беспомощным свидетелем зверств, совершаемых одичавшим человеком, независимо от того, осмеливается он называть себя мусульманином или индуистом или не осмеливается».

Своей жизнью Ганди заплатил за то, чтобы ценности индо-буддийской культуры остались в

неприкосновенности. И его жизнь и дела свидетельствуют о том, что в этих ценностях содержится могучая сила, и они еще не сказали своего последнего слова в истории Индии.

Несомненно, что вековые традиции индо-буддийской культуры наполнятся новым содержанием, адекватным достижениям человечества в сфере научно-технического прогресса и социально – политического устройства. И одновременно лучшие достижения индо- буддийской культуры – отказ от насилия, нравственная чистота, благоговение перед жизнью, преклонение перед природой – обогатят мировую культуру.

3. Художественная культура

Искусство в Индии развивалось под -непосредственным влиянием религиозно-нравственных ценностей брахманизма, буддизма и индуизма. Первые художественные произведения одновременно были и сочинениями по вопросам веры, о смысле жизни и окружающего мира. И Веды и Упанишады — это литературные памятники, созданные на древнеиндийском языке — санскрите. Их художественные достоинства и по сей день радуют сердце читателя.

Неру Д. выделяет ряд особенностей индийской художественной культуры, отличающих ее, по его мнению, от западноевропейского искусства.

Это, во-первых, ее теснейшая связь с религией и философией. Связь настолько тесная, что индийскую художественную культуру нельзя понять, не зная соответствующих религиозно-философских идеалов. «В индийском искусстве всегда есть религиозный мотив, стремление заглянуть в потусторонний мир».

Во-вторых, индийское искусство обращено главным образом к крестьянину, чтобы донести до него возвышенные религиозно-философские идеалы, сделать для него понятными закон кармы, требования дхармы и т.д.

В-третьих, в поэзии, прозе, драме и музыке индийский художник как бы отождествляет себя «с природой во всех ее настроениях», выражает «присущую человеку гармонию с природой и вселенной». Так, живший в конце IV в. Калидаса в поэме «Облако-вестник» красочно передает состояние попавшего в плен и разлученного со своей возлюбленной индийца. Пленник обращается к облаку и просит его в дождливое время года передать любимой, как он томится по ней. Один из американских комментаторов этого произведения отмечает: «Калидаса в V в. понимал то, что Европа поняла только в XIX в., да и сейчас понимает еще ограниченно, а именно: мир не создан для человека и человек лишь тогда встает во весь свой рост, когда сознает достоинство и ценность жизни, не принадлежащей человеку»

В-четвертых, значительное влияние на развитие индийского искусства оказал религиозный предрассудок, направленный против изваяний богов. «Веды были против поклонения образу божества, и образ Будды был запечатлен в скульптуре и живописи лишь в сравнительно поздний период развития

буддизма».

В VII — VIII вв. н.э. в Индии сооружается храм Кайласы в Эллорских пещерах и создается изваяние Тримурти (триады из Брахмы, Вишну и Шивы) в Элефантских пещерах.

В период могольского правления в Индии эта буддийская традиция в скульптуре сурово подавлялась. Следуя исламу, потомки Бабура запрещали изображать богов и поощряли орнаментальное искусство. Шедевром индийских мастеров является беломраморный с инкрустацией мавзоль Тадж-Махал.

Буддийские монахи создали и фрески в пещере Аджанты, тем не менее, считает Неру, древних произведений живописи в Индии немного.

Одна из жемчужин древнеиндийской литературы — «Махабхарата». В ее центре — преклонение перед Богом, его всеилием. «Поистине Брахман — это бессмертие. Брахман — впереди, Брахман — позади, Брахман — справа и слева, он простирается вниз и вверх, он — всесущее, он величайший».

Мало кто знает, что содержательная заповедь «Не делай другому того, что было бы неприятно тебе самому», которую можно встретить у Конфуция, Аристотеля, а затем у Канта, впервые прозвучала на страницах «Мхабхараты».

«Бхагавадгита» — часть «Махабхараты», сравнительно небольшая поэма, насыщенная философскими размышлениями о смысле жизни. Ее герои — Кришна, земное воплощение верховного бога Брахмы, и Арджуна, идеальный воин, у которого сила и мужество сочетаются с благородством и великодушием. Кришна рассказывает Арджуне, что смерти нет, переселение душ делает жизнь вечной, а смерть мгновением:

Мудрец, исходя из законов всеобщих,
Не должен жалеть ни живых, ни усопших,
Мы были всегда — я и ты, и, всем людям
Подобно, вовеки и впредь мы пребудем.
Как в теле, что нам в сей юдоли досталось,
Сменяются детство, и зрелость, и старость,
— Сменяются наши тела, и смущенья
Не ведает мудрый в ином воплощенье!

Не менее знаменита и эпическая поэма «Рамаяна», в которой в красочной форме передаются приключения царя Рамы, озабоченного спасением своей возлюбленной Ситы. В ней фантастические сцены чередуются с изображением особенностей жизни древних индийцев, их быта и духовных терзаний.

Французский историк Мишле пишет о «Рамаяне»: «На Западе все мелко. Греция мала, и я задыхаюсь; Иудея суха, и я изнываю. Дайте мне бросить взгляд на величественную Азию и мудрый Восток. Там находится моя великая поэма, столь же обширная, как Индийский океан, благословенная, позлащенная солнцем, — книга божественной гармонии, в которой нет диссонансов. Там царит безмятежный мир и, в разгар конфликта, бесконечное благодушие, безграничное братство, которое охватывает все живое; там океан (бездонный и беспредельный) любви, сострадания, милосердия».

Веды, Упанишады, «Махабхарата», «Рамаяна» — энциклопедии индийской народной мудрости, которая и сейчас поражает своей емкостью, образностью и отточенностью художественной формы. «Словно отблеск луны в воде, непрочно жизнь смертных; зная это, непрестанно твори добро». «Украшение человека — мудрость, украшение мудрости — спокойствие, украшение спокойствия — отвага, украшение отваги — мягкость». У женщин тысячи недостатков и три достоинства: уход за домом, рождение детей и смерть вместе с супругом»; «Бесполезен собачий хвост, что не прикрывает срама и не способен отгонять комаров. Бесполезна и ученость, лишенная добродетели». «Здоровье, стойкость, могущество — великие блага, но они бесполезны, если нет наслаждения любовью». «Можно поймать тигра в чаще, птицу в небесах, рыбу в пучине вод, но нельзя поймать непостоянное сердце женщины».

Кстати, о любви и женщинах. Индийская художественная культура никогда не обходила эту тему. В игриво-ироническом тоне повествует миф о происхождении женщины. «Вначале, когда Тваштри (божественный творец) взялся за сотворение женщины, он обнаружил, что израсходовал все материалы на создание мужчины и что плотных материалов не осталось. Поразмыслив, он поступил так: взял округлость луны и изгибы ползучих растений, цепкость усиков вьюна и трепетание травы, гибкость тростника и прелесть цветка, легкость листьев и форму слоновьего хобота, взгляд лани и сплоченность пчелиного роя, веселую радость солнечных лучей, плач облаков и переменчивость ветра, робость зайца и тщеславие павлина, мягкость груди попугая и твердость алмаза, сладость меда и свирепость тигра, жар огня и холод снега, болтовню сойки и воркование голубя, вероломство журавля и верность дикой утки и, смешав все это, он сотворил женщину и дал ее мужчине».

Бог любви Кама и его жена Рати пользуются большим вниманием у индийских поэтов и драматургов. Его изображают посылающим стрелы в сердца людей и никто из смертных не может игнорировать его волю. Посылал он стрелу и в самого Шиву, но был обращен в пепел огнем, вспыхнувшим в его третьем глазу. Лишившись своего тела, Кама продолжает жить бестелесным, сохраняя свою власть над людьми.

Карма не запрещает негу и наслаждение, чувственные удовольствия, общение с куртизанками, этими «жрицами любви», владеющими также искусством пения, игры на музыкальных инструментах, сервировки стола и украшения цветами ложа. В V в. индийский поэт Махараши Вацияна написал стихотворное произведение «Кама-Сутра». В поэтической форме автор изложил культуру половой жизни,

отношений между мужем и женой, методы и способы усиления физической красоты и чувственных наслаждений. В XIX и XX вв. в странах западноевропейской культуры эта книга приобрела популярность и по ней было создано несколько кинофильмов.

Много произведений религиозно-эротического содержания появилось в Индии в период XVII — XIX вв. Здесь произведения Бихари Лала (XVII в.), Чинтамани (XVII в.), Бхаратчандро Рая (XVIII), Рангина (начало XIX в.), Джан Сахаба (XIX в.).

В буддизме подобная литература невозможна. Срединный путь Будды исключает сладострастие и негу. Сам Будда оставил жену и избежал искушений Мара и его дочерей. В буддизме симпатия к живущему означает: не убивать никакого живого существа, не красть, не нарушать супружеской верности (а монах не должен прикасаться к женщине), не говорить неправду, не пить алкогольных напитков. Правда, буддизм осуждает и аскетизм джайнизма, доходящий до неприличия, полного отказа от одежды.

В Индии получили широкое развитие театр и драматическая литература. Свои истоки театр берет от гимнов диалогов, содержащихся в Ведах. Затем театр становится пропагандистом многочисленных легенд о Кришне. Видными драматургами Индии были Бхаса, Ашвагхоши. Последний был поклонником Будды и прославлял его в своих произведениях. Его перу принадлежит жизнеописание Будды «Буддачарита», которое получило распространение в Китае и Тибете.

В Западной Европе хорошо известно творчество Калидаса, жившего в конце IV в. н.э. Он автор лирической поэмы «Облако-вестник» и драм «Малявика и Агнимитра», «Мужеством обретенная Урваши», «Шакунтала». С последней драмой Калидаса русская общественность познакомилась в 1792 г. в переводе Н.М.Карамзина.

Не менее знаменит и Бхавабхути (VIII в.) — автор ряда драм на темы Рамаяны: «Махавирачарита», «Утгара-рамачарита» и «Малатимадхава». Эти драмы — практически последние крупные вещи, написанные на санскрите. После этого начинается пробуждение литературных языков народов Индии: хинди, бенгали, маратхи, гуджарати, ория, ассамский и другие.

Санскрит дал начало не только индоарийским языкам, но оказал огромное влияние на дравидские языки юга Индии: тамильский, телугу, каннара и малаялам.

Выдающееся место в литературе Индии занимает Тулси Дас (1532—1624), автор поэмы «Рамаяна», основанной на фольклоре, и «Кришнавали», посвященной Кришне как воплощению божественного начала.

На иноземное владычество индо-буддийская культура отреагировала снижением творческой активности.

Новый подъем творческой активности в сфере искусства и литературы совпадает в начале национально-освободительной борьбы против английских захватчиков.

В XIX в. в Индии работали бенгальские писатели Динобандху Митро, Б.Чоттопадхайд, тамилыцы А. Навал ар и Р.Айр, гуджаратец Нармадасанкар и другие. Все они с большим сочувствием относились к бедствиям своего народа и, как могли, старались пробудить в нем гордость за свою тысячелетнюю культуру.

Этот исторический период отмечен большими успехами индийского художественного ремесла. Резчики по дереву и кости, чудотворцы по металлу, тонкие знатоки эмали и миниатюр, виртуозы ткачества — все они своим талантом и трудолюбием прославили на весь мир художественный гений индийского народа.

Из современных писателей особым уважением как в мире, так и в Индии пользуется Рабиндранат Тагор (1861—1941), писавший на бенгальском языке. Его стихи «На распутье», «Гитанджали» стали христоматийными в Индии, а его песня «Джанаганамана» — индийским государственным гимном. Его романы «Гора», «Дом и мир» приобрели всемирную известность, и в 1913 г. Тагору была присуждена Нобелевская премия по литературе.

В Тагоре органично сочетается литературный талант и философская мудрость. «Страдание — наша тяжкая плата за все, что есть ценного в этой жизни, — за силу, за мудрость, за любовь». «Главное, чему учит человека жизнь, это не тому, что в мире существует страдание, а тому, что от него самого зависит, обратит ли он страдания себе на благо, превратит ли он его в радость»

4. Научное знание в системе индо-буддийской культуры

В одном из своих писем А.Эйнштейн пишет: «Развитие западной науки основано на двух великих достижениях: на разработке греческими философами формально-логических систем (Евклидова геометрия) и на обнаружении в эпоху Возрождения того факта, что причинные отношения можно вскрыть с помощью систематического экспериментирования. Я лично не стал бы удивляться тому, что китайские мудрецы не сумели сделать этих открытий. Удивляться приходится другому: что эти открытия вообще были сделаны».

Это высказывание выдающегося физика XX в. помогает понять, почему при всем уважении к мудрости и просвещению в рамках индо-буддийской культуры не сложилась современная наука, а была привнесена из западноевропейских стран.

А почитание знаний — действительно отличительная черта индо-буддийской культуры. Древнеиндийские афоризмы гласят: «Высшим благом среди всех зовут знание: его не отнять, оно неопределимо, оно никогда не иссякает», «не сравнится власть с ученостью. Царя чтут лишь в его стране, ученого — повсюду», «лишенный знания — словно скотина».

Учиться в Индию приезжали из многих стран, а индийские специалисты по математике, медицине ценились в арабских, персидских и среднеазиатских странах. В ряде городов Индии функционировали университеты, в которых изучались религиозно-философские тексты, проблемы астрологии, астрономии, математики, медицины и санскрита. Бенарес же длительное время справедливо расценивался как один из авторитетнейших центров умственной жизни страны.

Особым почетом в Древней Индии пользовались астрономия и математика. А о том, что древнеиндийские мудрецы были проницательными в своих наблюдениях говорят Упанишады. ^Солнце никогда не заходит и не восходит. Когда люди думают, что солнце заходит, оно на самом деле лишь поворачивается, достигнув конца дня, и рождает ночь внизу и день по другую сторону. Затем, когда люди думают, что оно восходит по утрам, оно лишь поворачивается, достигнув конца ночи, и рождает день внизу и ночь по другую сторону».

Именно древнеиндийским мудрецам принадлежит честь изобретения десятичной системы счисления и знака «нуль». Примерно, в 200 г. до н.э. появляется нуль в одной из священных книг, а вероятно, в начале христианской веры — система десятичного счисления.

О ее значении хорошо сказал известный французский математик и астроном Лаплас: «Индия дала нам остроумный метод выражения всех чисел посредством десяти знаков, причем, кроме величины каждого знака, имеет значение и его расположение. Это глубокая и важная мысль кажется нам сейчас настолько простой, что мы не замечаем ее истинных достоинств, Но ведь сама ее простота и большая легкость, которую она придала всем вычислениям, делает нашу арифметику одним из самых полезных изобретений. Мы оценим все величие этого достижения, когда вспомним, что мимо него прошел даже гений Архимеда и Аполлония, двух величайших людей древности»

В V — XII вв. в Индии работали такие выдающиеся математики и астрономы, как: Ариабхатта (V в.), Брахмагупта (VII в.), Магавира (IX в.), Бхаскара (XII в.). Они разработали ряд решений квадратных и кубических уравнений, уравнения Диафанта, системы уравнений. Их также занимали вопросы геометрии и тригонометрии.

Но характерно для всей их работы то, что они не приблизились к аксиоматическому построению математического знания. Ничего подобного евклидовой геометрии индийские математики не создали.

И это не случайно. Индо-буддийская культурная традиция не отличается особым рационализмом. Индийских ученых не интересовали логические основы построения научного знания. Их больше волновали тайны вселенной и практические вопросы калькуляции, получения сложного процента, составления календаря и измерения пространственных форм.

Такой же религиозно-практический характер носили и занятия химией и медициной. Индийские химики достигли больших успехов в области термической обработки металлов, кальцинирования и

дистиляции. Химические знания применялись при изготовлении красок, лекарств, препаратов из ртути. Индийские врачи написали ряд работ по терапии и хирургии, и им же принадлежит догадка относительно кровообращения. В этом плане они опередили Гарвея.

Однако ни один индийский химик и медик не занимался биохимическими проблемами, синтезом лекарств, открытием новых химических элементов.

С трудом приживались на индо-буддийской почве и исторические исследования. Постулаты о вечности жизни, периодичности ее циклов и иллюзорности исторических событий снижали значимость хронологии хозяйственной жизни, миграции народов, царствующих династий, культурных достижений и прочих внешних проявлений Абсолютного духа. Вследствие этого единственной старинной исторической книгой является «Раджата-рангити» Калхани (XII в. н.э.), в которой излагается история Кашмира.

Игнорирование истории, отмечает Неру, имело «свои дурные последствия... Оно породило расплывчатость взглядов, оторванность от реальной жизни, легкое верие и некоторую неповоротливость ума там, где дело касалось фактов. Этот ум отнюдь не был неповоротливым в гораздо более трудной, но неизбежно более расплывчатой и неопределенной сфере — в философии. Он был в одно и то же время аналитическим и синтетическим, часто весьма критическим и иногда скептическим. Но когда дело касалось фактов, он был не критичен. Может быть, потому, что не придавал большого значения фактам как таковым»

В рамках индо-буддийской культуры не сложилось эмпирическое и теоретическое естествознание. Для этого нужно убеждение, что природа ценна сама по себе, а не как воплощение Абсолютного духа и ее свойствами можно пользоваться в практических целях, создавая на их основе технические конструкции. Самостоятельность науки в Западной Европе завоевывалась прежде всего путем философского обоснования автономности естественных закономерностей от творца и ценности их знания для ремесла и промышленности.

Не разорвав традиционную религиозно- философскую оболочку, научное сообщество в Индии не смогло подняться до систематического, самостоятельного, объективного, эмпирически обоснованного исследования природных процессов. Внушая человеку страх и чувство таинственности перед неизвестностью, и брахманизм, и буддизм, и индуизм, пишет Неру, «отбивали у него желание попытаться понять не только неизвестное, но и все то, что могло бы помешать социальным начинаниям. Вместо поощрения любознательности и развития мышления религиозные учения проповедывали философию подчинения природе, официальной церкви, господствующему социальному порядку и всему существующему. Вера в сверхъестественное существо, которое все предписывает, привела к некоторой безответственности в социальной области, причем эмоции и сентиментальность заняли место здравого смысла и исследования. Религия, хотя она, несомненно, принесла утешение несметному числу людей и

стабилизировала общество своими моральными критериями, пресекала тенденцию к изменениям и прогрессу, присущую человеческому обществу». И Неру заключает: «Индия должна умерить свою религиозность и обратиться к науке».

Сама по себе сельская община Индии не смогла подготовить условия для выхода из традиционного состояния и создания промышленного производства. За это она заплатила долгими тяжелыми годами Британского владычества.

Через громадные социально-политические потрясения индийский народ пришел к убеждению, что без науки и научно-технического прогресса невозможно обеспечить свое благосостояние и отстоять независимость, создать современную промышленность, поднять здравоохранение и образование. Наука и техника должны изменить как образ мышления, так и образ жизни.

Отставая в области конкретных научных исследований, Индия имеет огромный задел для стратегической линии развития науки. Западноевропейский рационализм находится в кризисе. Превратив природу в инструмент, западноевропейская цивилизация вызвала к жизни экологический кризис, породила бездумное потребительство и бездуховность. Человек индустриального общества мечется в поиске выхода из разлада с самим собой, с окружающими и природой.

Овладевая достижениями науки и техники, Индия способна вступить в новую цивилизацию, основанную как на завоеваниях научно-технической мысли, так и на религиозно-философских ценностях индо-буддийской культуры.

Тесные связи существуют между русской и индо-буддийской культурой. Достаточно вспомнить принципы ненасилия Л.Н.Толстого и Махатмы Ганди, творчество Н.К.Рериха и двух его сыновей. Посетивший в 1930 г. нашу страну Р.Тагор тепло отзывался о ее народе и достижениях в своей книге «Письма о России». Самые лестные слова о России можно встретить у Д.Неру и его дочери И.Ганди и многих других представителей индо-буддийской культуры.

И в настоящее время для русского народа сохраняют свою ценность достижения индийского искусства и индийской литературы. «Что остается мне делать там, где воруют и сам царь, и его советники, и главный жрец? Каков царь, таковы и подданные». И что можно возразить против мудрых слов Р.Тагора: «Зло не может позволить себе быть побежденным, Добро - может». Это не просто житейский совет, это принцип общественной жизни, которому, к сожалению, еще предстоит утвердиться в умах людей и стать/их политической прозорливостью и мудростью.

Глава. VI. Мир исламской культуры

1. Картина мира. Идея последовательного монотеизма

По сравнению с конфуцианско-даосистской, индо-буддийской и христианской культурами мир ислама относительно молод. Его возникновение относится к первой половине VII в. и полно драматических событий. Поскольку эти события оказались включенными в мусульманскую культуру и приобрели социально значимые черты, на них необходимо остановиться несколько подробнее.

Издревле в Аравии жили арабские племена, занятием которых преимущественно было скотоводство. Но существовали и оазисы, которые посредничали в торговых операциях между различными странами. Одним из этих торговых центров была Мекка, населенная в основном племенем курейш. Племенной бог курейшитов Аллах почитался особо. Считалось, что он воплотился в черном камне, который был вделан в стену храма Каабы, и по своей ритуальной значимости превосходил остальных племенных богов.

Курейшиты распадались на ряд родов: Хашим, Омейя и т.д. Омейя главенствовали в племени, а Хашим дал Мухаммеда, ставшего пророком Аллаха на земле. Прежде чем прославиться, Мухаммед поработал пастухом и посредником в торговых делах богатой вдовы Хадиджы. От брака с вдовой у него родилась дочь — Фатима, которая стала женой Али, кузена Мухаммеда.

Путь Мухаммеда к пророчеству был довольно извилист. Бросив торговые дела, он стал халифом, то есть пророком-проповедником. Постепенно к нему пришел успех. Он призывал отдать себя Аллаху, единому и всемилостивейшему, покориться его воле, а также соблюдать завешанные им нормы жизни, к числу которых он отнес борьбу против ростовщичества, соблюдение чести в торговле и справедливости в отношении бедных.

Но вместе с успехом он познал злобу богатых соплеменников, и ему в 622 г. с группой близких последователей пришлось бежать в Медину. Год переселения (хиджры) стал началом летоисчисления для всех мусульман мира, а группа переселившихся в Медину сторонников Мухаммеда получила почетное наименование мухаджиров, совершивших хиджру. Так были завязаны первые узлы исламской культуры.

В 630 г. Мухаммед торжественно въехал в Мекку. Племенная знать курейшитов почла за благо не продолжать спор". Мекка с Каабой становилась святыней ислама, а родственные Мухаммеду курейшиты получили важнейшие посты в социально-политической организации исламистов.

В 632 г. Мухаммед умер и был похоронен в Медине.»

Смерть Мухаммеда обнажила проблему религии и власти. Пока жив был пророк, не существовало сомнений, что ему принадлежит верховная политическая власть. Но кто заменит пророка? На пост халифа, заместителя пророка, был выбран Абу Бекр, который организовал ряд воинственных походов во имя Аллаха и стал главой обширного Арабского халифата. После него халифами были Омар и Осман, а затем в исламском мире возник глубокий раскол, ставший характерной особенностью мусульманской культуры.

Близкие родственники пророка полагали, что только религиозная святость дает право на власть, а эта святость падает лишь на прямых наследников Мухаммеда. Вокруг Али сплотились недовольные халифатом, создав свою партию шиитов (шиа — партия, группа). Осман был убит, и четвертым халифом был провозглашен Али.

Али положил начало имамату. Во главе государственной власти должен стоять представитель пророка. Только родство с пророком дает духовную власть, а вместе с ней и право нависший светский пост.

Курейшитский род Омейядов не смирился поражением. В 661г. был убит в мечети в Куфе. Халифом стал Муавия, основавший династию Омейядов. Ему удалось откупиться от внука пророка Хасана, старшего сына Али и Фатимы, и расправиться с его младшим братом Хусейном, поднявшим мятеж против халифа. Хусейн был буквально растерзан на части, ибо никто не хотел брать на себя ответственность за смерть внука пророка. После этого Хусейн стал святым мучеником всех шиитов, ежегодно отмечающих день его гибели торжественными процессиями с самобичеванием и даже самоубийством религиозных фанатиков — шахсей-вахсей.

Между тем торжество халифата над имаматом принесло свои богатые плоды. Началась довольно быстрая исламизация покоренных народов. В определенной степени народы были уже подготовлены к единобожию, отказывались от своих племенных богов и принимали культ единого великого Бога. К тому же арабские халифы экономически поощряли переход христиан и зороастрийцев в мусульманство. При переходе в ислам христиане Византийской империи и зороастрийцы Ирана платили в казну халифата только десятину — ушр. А немусульмане были обязаны выплачивать более тяжелый поземельный налог — харадж (от одной до двух третей урожая) и подушную подать — джизию. Естественно, что население завоеванных территорий от Испании до Средней Азии за экономическое послабление готово было поклоняться Аллаху.

Вторым важным фактором распространения и укрепления исламской культуры была арабизация. Этот процесс поддерживался расселением арабских племен на захваченной территории, уничтожением мужской части населения и приводом в гарем представительниц местного населения, благо многоженство поощрялось Кораном. Арабизации способствовало и то, что арамейское население Сирии и Ирака говорило на языке, близком арабскому.

Исламизация предполагала знакомство с Кораном, но эта мудрая книга написана по-арабски и переводить ее запрещалось. Волей-неволей и верующим приходилось изучать арабский и читать Коран в подлиннике. Знание арабского языка давало многочисленные преимущества. Арабский на территории халифата стал средством общения, и его знание открывало большие возможности в торговле, ростовщичестве, на службе и т.д. Приобщение к арабскому языку служило распространению арабо-исламской культуры.

Даже в Иране и Средней Азии, где существовали богатые местные культурные традиции, а языки значительно отличались от арабского, принадлежность к арабо-исламской культуре служила залогом успеха и процветания в жизни.

Тем не менее, распространение арабо-исламской культуры везде протекало по-разному. В Иране засилье арабов вызывало постоянное раздражение местного населения, которое обладало своими этнокультурными традициями. На почве этой оппозиции и получило широкое распространение движение шиитов. Его возглавляли потомки дяди пророка Аббаса. Опираясь на народное недовольство, Аббасиды в конце 749 г. захватили власть и учредили халифат Аббасидов (750—1258 гг.) Омейяды сохранили власть только в Испании, где учредили, так называемый, Кордовский эмират.

По мере того как заканчивались завоевательные походы и жизнь приходила в норму, складывались благоприятные условия для подъема арабо-мусульманской культуры. В центре этой культуры, естественно, находились богословские проблемы устройства мира, предопределения, свободы воли и т.д. В обсуждении этих проблем, в разработке исламских ценностей и культов, в обогащении арабо-исламской культуры принимали самое активное участие персы, таджики, греки, турки и другие.

В центре арабо-исламской, а затем и тюрко-исламской культуры находился Коран, в котором сосредоточено мировоззренческое ядро исламского мира.

Культ Аллаха включает признание его как всемогущего, бессмертного, милостивого и милосердного бога, от которого зависят жизнь и смерть всех живых существ. Именно такое признание и требовалось от желающего исповедовать ислам. Надо было при свидетелях сказать: «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник божий». Этот акт воспринимался как заключение договора с Аллахом, в силу чего вероотступничество исключалось. В подтверждение всемогущества Аллаха вероотступников карали смертью.

В Коране внушается, что весь окружающий мир своим существованием обязан воле Аллаха. Он же обуславливает саму возможность получения урожая, размножения скота и т.д. Он устроил небесные светила, чтобы люди находили по ним путь домой. Аллах никогда не оставит в беде своих сторонников, и они должны быть верны своему Богу, которому нет равных в мире.

Впрочем, у Аллаха есть противник. Это мусульманский сатана, шайтан, Иблис. В Коране говорится,

что Иблис — ангел, послушавшийся Аллаха и за это выброшенный с небес и строящий козни людям. Коран предостерегает: «Кто берет сатану заступником помимо Аллаха, тот потерпел явный убыток! Он обещает им и возбуждает в них мечты. Но обещает им сатана только обольщение! У этих убежище — геенна, и не найдут они от нее спасения!».

Среди мусульман широко распространено сказание о пророке Ибрахиме, который расправился с шайтаном в долине Мина близ Мекки. В память об этом и сейчас во время хаджжа, паломничества в Мекку, паломники совершают в этой долине обряд «побиения шайтана».

Аллаху помогают верные ему ангелы Джibriль (Джабраиль), Михаил, Исрафил и Азраиль, которые добросовестно выполняют приказания своего хозяина.

Говорится в Коране и о Даджжале. Он, согласно религиозному учению, прикован цепями к утесу на необитаемом острове посреди океана, где его кормят и охраняют джинны. Перед концом мира это чудовище установит свое жестокое царство на земле. Лишь спустившийся в это время с четвертого неба Иса ибн Мариам сможет восстановить чистоту и силу ислама.

Таковы особенности монотеизма, проповедуемого Кораном. Хотя Аллах и велик, он вынужден считаться с шайтаном и опираться на верных ангелов. Естественно, верующий не должен об этом забывать.

Шииты веруют и в наследственных имамов — глав своей общины и государства, которых было двенадцать. Последний из них — Мохаммед аль-Махди. По их представлению, этот имам еще мальчиком шести — девяти лет таинственно исчез. Это случилось еще в IX в.

Шииты верят, что он вернется и восстановит на земле справедливость. Они называют его Мунтазаром (ожидаемым) и считают мессией (махди).

Культ Аллаха логично переходит в идею предопределенности человеческих поступков. Аллах все знает и направляет правоверных в их жизни. У Аллаха «ключи тайного; знает их только он. Знает он, что на суше и на море; лист падает только с его ведома, и нет зерна во мраке земли, нет свежего и сухого, чего не было бы в книге ясной. И он — тот, который успокаивает вас ночью и знает, что вы добываете днем... Потом — к нему ваше возвращение, потом он сообщит вам, что вы делали. Он — властвующий над своими рабами, и посылает он над вами хранителей. А когда приходит к кому-нибудь из вас смерть, наши посланцы... возвращены будут к Аллаху... О да, у него власть, и он — самый быстрый из производящих расчет!»

Еще Адаму, первому человеку, сотворенному Аллахом, «он сказал: «Разве я вам не говорил, что знаю скрытое на небесах и на земле и знаю то, что вы обнаруживаете, и то, что скрываете?»

Вследствие своего всезнания Аллах решает судьбу каждого.

Идея абсолютной предопределенности человеческих поступков не раз становилась предметом

дискуссий в среде мусульман-богословов. Еще в первой половине IX в. мутазилиты с помощью логико-философских средств ставили под сомнение ценность предопределения, ссылаясь на свободу человеческой воли. Только это свободомыслие завершилось печально. Мутазилиты были разгромлены. Коран непогрешим. У Аллаха хранится его оригинал, содержание которого Мухаммед частями изложил своим последователям как откровение Бога.

Верным Аллаху предопределен рай. Коран говорит о верующих, которые «выполняют завет Аллаха и не нарушают обещания.., которые терпели, стремясь к лику своего господина, и простаивали молитву, и давали из того, чем мы их наделили, и тайно и явно, и отгоняют добром зло. Для этих — воздаяние жилища — сады вечности. Войдут в них те, кто был праведен из их отцов, и супруг, и их потомства. И ангелы входят к ним через все двери: «Мир вам за то, что вы терпели! И прекрасно воздаяние жилища!»

В IX в. Мухаммед ибн Карраму написал книгу «Могильные наказания», в которой дополнил культурные традиции ислама обрядом похорон. Этот обряд сохраняется и у суннитов, и у шиитов и заключается в том, что два ангела — спрашивающий и истязатель — являются на кладбище в момент похорон правоверного. И от того, как умерший ответит на вопросы спрашивающего ангела, будет складываться наказание усопшего. Для того, чтобы помочь опрашиваемому, на кладбище, после ухода провожающих, у свежей могилы остается мулла, чтобы помочь усопшему, как отвечать этим ангелам — Мункиру и Накиру.

Хотя в Коране нет имен Мункира и Накира, сам обряд вполне в духе ислама, не оставляющего правоверного ни на минуту без присмотра со стороны Аллаха и его помощников. Все в жизни мусульманина предопределено, даже помощь муллы умершему в час «могильного наказания».

Исламская картина мира была бы неполной без космологии, которая занимает в исламской культуре одно из ведущих мест. Надо помнить, что Коран создавался не на пустом месте. Христианская «Библия» получила распространение и в Аравии. И не мудрено, что в Коране говорится, что за шесть дней Аллах создал мир, «сотворил семь небес, одно над другим сводами», устроил небо так, что «нет в нем ни одной щели». Из семи небес «низшее небо» Аллах украсил светилами и поставил их для отражения шайтана. Он велел небу производить темноту ночи, «заставил его изводить утреннюю светозарность». Бог опустил также с «горных небес» на землю лестницу, «по которой ангелы и дух восходят к нему в течение дня, которого продолжение пятьдесят тысяч лет». Эта лестница только для небожителей: люди и шайтан, если бы и хотели влезть на небо, не были бы туда допущены. Понятно, что это даже для культуры VII в. выглядит несколько наивно.

Только ограниченностью культурного мира ислама можно объяснить утверждение Корана, что Земля — неподвижная плоскость. Но что же поддерживает эту плоскость? В одном из хадисов IX в. говорится: «Земля (держится) на роге быка, а бык на рыбе, а рыба на воде, а вода на воздухе, а воздух на влажности,

а на влажности обрывается знание знающих».

Исламская культура не исчерпывается догматами Корана и наивными комментариями к нему. В космологию ислама проникали и более мудрые мысли. В DC в. Ахмед Фергани склонялся считать, что Земля шаровидна. Тогда же математик аль-Баттани заявлял, что Земля круглая. В XI в. Абу Бируни учил, что «шарообразная форма для Земли есть естественная необходимость».

Постепенно и в исламской культуре пробила себе дорогу научная точка зрения на Вселенную. Однако путь этот был более длительным и трудным, чем в западноевропейских странах. Политическое влияние духовенства, застойный характер общественных отношений в странах исламского мира, отставание этих стран в области науки и техники — все это сдерживало проникновение в исламскую культуру научной картины мира. И по сей день для многих мусульман авторитетное слово Аллаха значительнее научных истин.

2. Система мусульманских ценностей. Идея абсолютного предопределения

человеческих поступков

Мировоззренческая сердцевина исламской культуры содержит ряд принципиальных положений о человеке. Аллах сотворил человека после ангелов и джиннов. Сначала он вылепил человеческую модель, и взялся обсуждать ее достоинства с ангелами. Один из ангелов, как рассказывается в Коране, пытался возражать и поплатился за это. Аллах сказал своим ангелам: «Я создаю человека из глины. А когда я его завершу и вдуну в него от моего духа, то падите, поклоняясь ему!» И пали ниц ангелы все вместе, кроме Иблиса, — он возгордился и оказался неверным. А возгордился Иблис от того, что он создан из огня, а человек — из глины. Только эта гордость Аллаху показалась неуместной, он проклял падшего ангела.

Итак, человек не последняя фигура в трудах Аллаха. На радость Адаму Бог создал Хаву, ставшую его женой. На радостную жизнь определил создатель своих подопечных.

Но Иблис совратил Адама и его жену. Поели они от дерева вечности, и совершили они грехопадение. Путь к радостной жизни стал невыносимо труден.

«Знайте, — обращается Коран к мусульманам, — что жизнь в здешнем мире есть обманчивая утеха, обольщение, суетный наряд, тщеславие между вами, желание отличиться множеством имущества и детей: она подобна тем произрастаниям при дожде, которые собой пленяют земледельца, потом увядают, после того видишь их пожелтевшими, напоследок делаются сухими стеблями... Жизнь в здешнем мире есть только обманчивое наслаждение»

Самый вместительный гарем в мире был зимний гарем Большого серая в Стамбуле (Турция), построенный в 1589 г. и имевший 400 помещений. Ко времени смещения с трона Абдула Хамида II в

1909 г. количество его обитательниц сократилось с 1200 до 370 наложниц. Так что обращение Корана к мусульманам отказаться от тщеславия отличиться имуществом, наложницами и детьми не лишено смысла. Жаль только, что это обращение часто игнорировалось. Мусульманская культура не отличается строгостью по отношению к тем правоверным, которые в своих гаремах способны содержать до 1000 наложниц.

Но в принципе Коран строг к человеку: «Здесьняя жизнь — только игра и забава; будущее жилье лучше для тех, которые богобоязненны»

Исламская культура не отвергает равенства всех мусульман перед Аллахом. Каждый правоверный может рассчитывать на справедливый суд и спасение. Но в исламе нет места для личности, для личности как ценности. Ради спасения людей Аллах не приносил жертву своего сына. Вследствие этого в мусульманской культуре невозможна идея Богочеловечества, равенства общества и личности.

Аллах — абсолютная ценность, и в жизни человека он не воплощается. Он постоянно остается чем-то внешним для людей, лежащим за пределами их личного опыта. К людям обращается лишь посланник Аллаха — мессия (махди). Такие махди появляются, чтобы исправить положение на Земле, восстановить справедливость. Но положение от одной эпохи к другой становится все хуже. Идея мессианства в мусульманской культуре дополняется эсхатологией — учением о конце света.

На Земле сила Аллаха воплощается в мусульманской общине, в умме. Умма символизирует собой, по существу, общность всех правоверных. Жизнь каждого мусульманина, его образ мыслей, быт и система ценностей строго контролировались уммой, вне которой индивид становился изгоем и не мог рассчитывать на благочестие и религиозное спасение.

Отношения мусульман внутри уммы регламентировались Кораном, Сунной и шариатом. Шариат — свод религиозно-этических предписаний ислама. Он был разработан в VII — XII вв. в Арабском халифате. Шариат исходит из принципа равенства мусульман и выступает в качестве мусульманского права. Мусульманское равенство предполагает, что все не более, чем песчинка по сравнению со всемогущим Аллахом, и каждый покорный воле Аллаха и судьбе является воином ислама (федайном).

Причастность к исламу, к умме в мусульманской культуре расценивается выше, чем деление на расы, народы, племена и языковые группы. Мусульманская культура практически не признает социальную замкнутость сословий, наследственное социальное неравенство. «Напротив, религиозно освящен и практически всегда реализовывался принцип социальной мобильности: сила, способности, случай открывают двери наверх перед каждым, достойным того. Раб мог стать эмиром и султаном, бедняк-крестьянин — уважаемым знатоком ислама, Высокопоставленным улемом, солдат — военачальником».

Вся система исламской культуры воспитывала в правоверном чувство превосходства над неверными.

Так, исламское государство облагало неверных более высоким налогом, чем поклонников Аллаха. Неверный всегда рассматривался в мусульманском государстве как неравный правоверному. И это старались подчеркнуть судьи-кади на всех процессах с участием мусульманина и немусульманина. В отношении к неверным культивировались хитрость и жестокость.

Воспитанию мусульманского фанатизма способствовала система молитв. Мусульманин должен пять раз в сутки совершать молитву: на рассвете, в полдень, во второй половине дня, после захода солнца, в начале ночи. Каждая молитва должна свидетельствовать о религиозном рвении и полном подчинении воле Аллаха.

Ислам нашел и особую форму оповещения верующих о времени намаза. В час молитвы раздается пение муэдзина, который, выйдя на балкончик минарета, громко, нараспев читает стихи азана: «Аллах велик! Свидетельствую, что Мухаммед — посланник Аллаха. Вставайте на молитву, идите к спасению. Молитва полезней сна». Стихи повторяются несколько раз. Заканчиваются словами: «Аллах велик! Нет бога, кроме Аллаха».

При сотворении молитвы должны соблюдаться правила. Одно из главных условий: молящийся должен сосредоточить все свое внимание, все душевные силы только на молитве. В одном из хадисов сказано, что Всевышний не услышит молитв человека порочного, снедаемого никчемными мыслями и обуреваемого низменными желаниями.

Молитва должна быть короткой, но глубокой по смыслу. Во время молитвы руки следует поднять до уровня плеч, а после прочтения ее совершить руками благославление Аллаху — провести ладонями по лицу, и это считается необходимым и непреложным ритуалом.

Намаз совершается не только в мечети, но и в любом другом месте, где застал верующего азан: в поле, в пути, на рабочем месте и т.д.

Кроме пятикратной молитвы существуют и другие виды общения с Аллахом: дуа — молитва, содержащая какую-либо конкретную просьбу к Аллаху: маулид — благодарственная или поминальная, ночные молитвы во время поста. Полуденная молитва в пятницу должна совершаться в мечети, ей предшествует проповедь — хутба, в которой трактуются не только религиозные или нравственные вопросы, но и освещаются с позиций ислама политические дела.

Особое место в ритуалах исламской культуры занимает пост рамазан. Он соблюдается в девятый месяц по мусульманскому лунному календарю, введенному Мухаммедом. В течение всего поста целый день нельзя ни есть, ни пить, ни прикасаться к женщине и т.д. Шариат утверждает, что пост будет нарушен, если в дневное время слизнуть хоть каплю дождя, случайно попавшую на губы. Все запреты снимаются на время ночи.

Пост предписывает и нравственную воздержанность. В этом месяце особенно предосудительно

браниться, врать, клеветать, оскорблять лиц духовного звания.

Пост прежде всего нацелен на укрепление веры в Аллаха. Каждый день до наступления рассвета мусульманин должен произносить особую формулу — нийа, в которой заявляет о намерении поститься и просит Аллаха благословить и укрепить его в этом богоугодном деле. Без произнесения нийи пост недействителен.

Общей ночной молитвой отмечается ночь с 26 на 27 рамадана — «ночь предопределения», когда, по преданию, с неба Мухаммеду спустился Коран.

Воспитанию фанатизма у мусульман содействует и путь паломничества (хадж). Каждый совершеннолетний мусульманин обязан хоть раз в жизни хаджж, то есть посетить Мекку, священный город ислама, где родился пророк Мухаммед. После этого он получает право на почетный титул «хаджжи».

Мекка известна своим храмом — Кааба. Считается что это древний языческий храм, известный тем, что там хранится Черный камень — аль-хаджар уль-асвад, упавший, по преданию, с неба. Для мусульман Черный камень — святыня, символ Аллаха. Кааба именуется «домом Аллаха».

Совершив ряд ритуальных действий, паломники получают право вернуться домой в зеленой чалме, арабском бурнусе или белой длиннополой тунике. Эта одежда символизирует свершение хаджжа.

Наряду с признанием Аллаха единственным богом и Мухаммеда — его пророком, пятиразовой молитвой, постом и паломничеством в основу мусульманского образа жизни и мышления включается и пятый элемент — налог в пользу бедных. В Коране это называется «закят» (очищение). Богач как бы очищается перед Аллахом за свои грехи, чрезмерное богатство.

Закят важен для мусульманского образа жизни, для исламской культуры. Он не только символизирует единство уммы, заботу богатых о бедных. В нем содержится оправдание политической и религиозной власти претендовать во имя Аллаха на имущество любого состоятельного мусульманина. Полный произвол властей, грабеж богатеющих торговцев — традиция исламской культуры. Ни один мусульманин не обладает правом уклониться от богоугодного дела помочь бедным, подготовить священную войну против неверных — джихад, содействовать умме своим имуществом.

Зато мусульманин, ощущая себя полноправным членом уммы, всегда был готов постоять за Аллаха. Политические и религиозные власти мусульманского мира всегда могли положиться на ревностных последователей Аллаха.

3. Теократическая идея социального мира

В отличие от христианства ислам никогда не был религией угнетенных. Он формировался как

идеология религиозно-политической организации арабских племен, вынужденных отстаивать свои экономические, торговые интересы. Поэтому в исламе сразу же сформировалось жесткое представление о власти и политической организации уммы. Можно сказать, что ислам оказался идеальной религиозно-политической основой для централизованного государства и ведения военных действий против неверных. Не случайно, что под зеленым знаменем Аллаха воинственные арабские племена быстро домчались до границ Франции и Индии. В X в. многие воинственные тюркские

племена нашли в исламе адекватную своим настроениям идеологию и культуру. Под зеленым знаменем Аллаха сначала сельджуки, а затем османы вели захватнические войны в Византии. Воины Османской империи штурмовали Вену. Кровавыми походами прославился Тамерлан. В XVI в. на завоеванной территории Индии Бабур основал исламскую империю Великих Моголов.

В силу своей специфики ислам буквально с момента своего возникновения оказался втянутым в постоянные политические распри и разногласия. Уже говорилось, что после смерти Мухаммеда появились шииты, которые претендовали на то, что власть в исламском государстве должна принадлежать родственникам, потомкам пророка. Так в мусульманской культуре сложилась проблема халифата и имамата.

Халифат — концепция исламской государственности, разработанная суннитами. Средневековые правоведы (факихи) истолковали Коран таким образом, что государственная власть должна принадлежать уважаемому мусульманину в силу особого договора (мубайи). Такой договор заключается между умой (вернее, ее признанными представителями) и претендентом на халифат. Условия, которым должен удовлетворять будущий халиф, сформулировал средневековый правовед аль — Маварди, и они сводятся к следующему: халиф должен быть муджтахидом, происходить из племени курейшитов, быть справедливым, мудрым, смелым, физически здоровым и заботиться о благе подданных.

Халиф не обладает полномочиями монарха и не может передать власть по наследству или своей волей назначить преемника. Умма смотрит на него как на своего представителя. Халиф обязан выполнять предписания Корана и может быть привлечен к ответственности за нарушение сунны и шариата. Исламская культура высоко оценивает институт халифата, полагая, что его отличает духовно-нравственная направленность, ставящая его выше западной демократии.

От суннитов более демократическим настроем отличаются хариджиты (от арабского слова «хаваридж» — вышедшие, возмущившиеся). Они стоят за равенство всех мусульман, за выборность имама-халифа. Главой уммы может быть избран любой ее член. За свои радикальные взгляды хариджиты подверглись разгрому, и в настоящее время их можно встретить главным образом в Омане и странах Северной Африки.

Сторонники имамата полагают, что государственная власть имеет божественную природу и должна принадлежать лишь родственникам пророка: потомкам Али, Фатимы, то есть святым имамам, а также их родственникам по боковой линии (алиды, фатимиды, сеиды, шерифы). Имам —

лицо исключительно духовное, и власть его носит теократический характер.

Шииты исмаилитского толка рассорились со своими единомышленниками из-за имама Исмаила, которого шестой имам Джафар, прямой потомок наследник Али и Фатимы, лишил права на имамат. Исмаилиты не ограничились протестами против несправедливости. В X в. имам Убейд-аллах, объявивший себя потомком Фатимы, провозгласил себя халифом и создал исмаилитский халифат Фатимидов, который, правда, просуществовал относительно недолго, чуть более двух с половиной веков.

В XI — XIII вв. на территории Ирана активно действовала исмаилитская секта ассасинов. Взбодренные гашишем, готовые идти на смерть во имя веры, воины-смертники (федаины) образовали ударную силу этой секты. Федаины создали свое исмаилитское государство. Но и оно просуществовало недолго. Вторгнувшиеся в Иран монголы разрушили государство ассасинов. В настоящее время исмаилиты сосредоточены главным образом в Индии и Иране, а также в Таджикистане.

В силу своей внутренней сплоченности, устойчивости к внешним переменам и преданности исламским ценностям, мусульманская умма оказалась способной противостоять западноевропейскому колониализму. Мусульманская культура нашла в себе силы для содействия национально-освободительному движению. Огромный авторитет Корана и политических лидеров, одновременно выступавших в качестве проповедников ислама, магически действовал на умы и сердца верующих.

Но исламской культуре пришлось обнаружить свои потенциальные силы в различных условиях. Колонизация Египта сопровождалась его относительной европеизацией. К 1923 г. он стал независимой конституционной монархией. В 1936 г. англичане вывели войска из страны, а в 1956 г. произошла национализация Суэцкого канала. Европеизация Египта встречает сопротивление исламских фундаменталистов («братья мусульмане»). Еще дальше по пути европеизации ушла Турция. Ислам отделен от государства, но тюрко-исламская культура полностью сохранила позиции. В стране буржуазно- демократические порядки сочетаются с исламскими традициями в духовной жизни и быту.

Наиболее влиятелен ислам как религия в Иране. Здесь абсолютно господствует шиитское религиозное мировоззрение. Непримиримость шиитского духовенства и ведомого им народа к переменам, угрожающим позициям ислама, — направляющий политический вектор силы в Иране.

Проблема мусульманского культурного наследия — одна из ключевых в национально-освободительном движении стран исламского мира. Неоднозначное понимание особенностей и специфики мусульманской культуры обуславливает острую полемику вокруг этой проблемы, столкновение различных социально-политических сил — от прогрессивных деятелей культуры до представителей панисламизма и мусульманского национализма. Тезис о единой мусульманской культуре нередко используется реакционными силами для разжигания национализма, противопоставления мусульманских народов немусульманским, при этом игнорируется специфика

4. Художественные традиции исламского мира

Исламская культура богата философскими и художественными традициями. Философия (фалсафа), представленная Фараби, Ибн Синой, Ибн Рушдом и другими, внесла весомый вклад в мировую мысль. Фараби (870—950) развивал идеи Аристотеля. К нему восходит распространенное в средневековой арабо-исламской философии деление рассуждений на пять типов, исходя из которого решался вопрос о соотношении философии, теологии и религии. Фараби разрабатывал учение об идеальном обществе. Оно должно основываться на принципах, общих и человеческой душе, и отдельному индивиду, и жизни в целом, космосу. Естественно, что это учение отличалось энциклопедичностью.

Ибн-Сина (Авиценна) жил в XI в. Он автор фундаментальных трудов, в которых систематизировались все современные ему научные знания. В этой систематизации он — последователь Аристотеля. Философское и медицинское наследие Ибн-Сины оказало большое влияние на развитие науки в странах Востока и Запада.

Ибн Рушд (Аверроэс, 1126—1198) — арабо-испанский философ. Большинство его философских трудов — комментарии к сочинениям Аристотеля. Он утверждал, что истина постигается лишь учеными, так как только они оперируют доказательствами, но отнюдь не теологами. Ибн Рушд доказывал извечность мира, отвергал чудеса, индивидуальное бессмертие, первоначало сущего (бога) отождествлял с природой вещей.

В целом философия мусульманского средневековья ориентирована на античные модели. Отдавая должное Платону и другим древнегреческим философам, представители фалсафы главным достижением считали учение Аристотеля. Основное содержание фалсафы составили идеи единства бытия, безначальности. и вечности мира и подчинения его действию естественных законов. Нацеленная на земную жизнь человека, философия Востока была связана с развитием наук о природе, выработкой научных методов исследования и утверждением рационалистического мировоззрения, выдвижением разума в качестве мерила истины, а логики — в качестве способа ее получения и обоснования.

Но в философии Востока существует и несколько иная традиция, связанная с возникновением в IX в. в Аббасидском халифате суфизма. Суфизм — мистико-аскетическое течение внутри ислама. В нем переплетаются идеи зороастризма, пантеизма, неоплатонизма и мистики каббалы. Зороастризм предшествовал исламу на территории Ирана. Назван по имени пророка Зороастра. Священный канон — «Авеста». В зороастризме противопоставляется добро и зло, борьба между которыми составляет основное содержание исторического процесса. Неоплатонизм — учение последователей Платона. Каббала — мистическое течение в иудаизме, заимствовавшее у неоплатонизма учение об эманации и дополнившее

это учение верой в то, что можно при помощи особых ритуалов вмешиваться в божественно-космический процесс.

Суфизм конкурировал с ортодоксальной мусульманской философией, доказывая, что божество порождает мироздание путем излияния (эманации) и что цель человеческой жизни — в полном растворении в божестве. Суфизм оказал огромное воздействие на исламскую поэзию и художественную культуру Востока.

Художественная культура исламского мира своеобразна. В ней нет живописи, так как запрещалось изображать Аллаха и все божественное. Но в ней получает самое широкое распространение поэзия. Халифы, шахи и султаны содержали армию придворных поэтов и не жалели средств, чтобы приблизить к себе поэтическую знаменитость. На поэзию они смотрели как на средство прославления собственной персоны и собственных деяний и хорошо понимали, что прекрасные стихи сразу же становятся достоянием базара — средоточия религиозно-культурной и политической жизни того времени.

Показательно в этом отношении творчество Абуль-каси́ма Фирдоуси (934—1030), великого персидского поэта, создавшего бессмертную эпопею «Шах-намэ» («Книга царей»). В ней он воспевал иранских царей — мифических и исторических, но в центре находится эпический герой Рустам, сын своего народа. Славя человека, Фирдоуси писал:

В цепи человек стал последним звеном,
И лучшее все воплощается в нем.
Как тополь вознесся он гордой главой,
Умом одаренный и речью благой.
Вместилище духа и разума он,
И мир бессловесных ему подчинен.
Ты разумом вникни поглубже, пойми,
Что значит для нас называться людьми.
Ужель человек столь ничтожен и мал,
Что высших ты в нем ни приметил начал?
Земное с небесным в тебе сплетено;
Два мира связать не тебе ли дано?

Полны восточной мудрости и философской глубины слова Фирдоуси из «Речи в похвалу разума»:

О мудрый, не надо поэтому слов.
Поведай нам лучше начало миров.
Верховным создателем ты сотворен

И в явном и в тайном равно умудрен.

Пусть разум твой наполняет дела;

Он душу твою не допустить до зла.

По слову изведавших путь избери,

Ходи по вселенной, с людьми говори.

Какую б науку твой ум не постиг,

Покоя в ученье не знай не на миг.

Но, ветви увидев, поймешь все равно.

Что знанью до корня дойти не дано.

Всемирно известно творчество Омар Хайяма (1040— 1123), ученого, философа и бессмертного поэта, создавшего незабываемые рубай. Каждое четверостишие Хайяма — это маленькая поэма с философским подтекстом.

Много лет размышлял я над жизнью земной.

Непонятного нет для меня под луной.

Мне известно, что мне ничего не известно! —

Вот последняя правда, открытая мной.

О. Хайяма приглашали многие тогдашние правители мусульманского мира. Правитель Бухары, беседуя с Хайямом, «сажал его с собой рядом на престол в знак наивысшего уважения». Султан сельджукской империи Низам-ул-мульк пригласил Хайяма в Исфаган и даже предложил ему в управление одну из своих областей. Но Хайям никогда не писал хвалебных од правителям, никогда не был придворным льстецом. Он отклонил предложение сельджукского, султана. Ему были милей поэзия, математика и философия.

Погиб от ножа Низам-ул-мульк, как это часто бывало на исламском Востоке, и жизнь Хайяма круто изменилась. Чтобы не погибнуть от рук завистников, он совершает хадж. После этого поэт возвращается в свой родной Нишапур и там умирает в окружении искренних почитателей его философско-поэтического таланта.

Современник Хайяма пишет: «Однажды в городе Балхе, на улице работорговцев, во дворце эмира, на пиру за веселой беседой наш учитель Омар Хайям сказал: «Меня похоронят в таком месте, где всегда в

дни весеннего равноденствия свежий ветер будет осыпать цветы плодовых ветвей». Через двадцать четыре года я побывал в Нишапуре, где был похоронен этот великий человек, и попросил указать мне его могилу. Меня привели на кладбище Хайры, и я увидел могилу у подножия садовой стены, осененную грушевыми и абрикосовыми деревьями и осыпанную лепестками цветов так, что она была совершенно скрыта под ними, Я вспомнил слова, сказанные в Балхе, и заплакал. Нигде во всем мире до обитаемых его границ не бывало человека, подобного ему». Вот его гениальные рубаи:

Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и с низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом

Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,
Дел сегодняшних завтрашней меркой не мерь,
Ни былой, ни грядущей минуте не верь,
Верь минуте текущей — будь счастлив теперь!

Лучше впасть в нищету, голодать или красть.
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сластями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

Творчество Джами (1414—1492) является как бы логическим завершением замечательного поэтического движения, начатого Рудаки и Фирдоуси. Поэзию он сочетал с философией, суфизмом, музыкой. Всю свою жизнь он провел в Герате.

И в поэзии Джами преобладают темы любви и жизни, смерти и страданий:

В огне страстей я сердце сжег,
Искал я тщетно, сердце не берег.
Лишь под конец, вниманья недостойный,
Истерзанный, пришел на твой порог.
Я без тебя поднес бокал к губам,

Но пью вино с печалью пополам.

Ты черным оком дни мои смутила, —

Расстались мы, конца нет черным дням.

Воспевая соловья и розу, вино и красавиц, Джами восклицает:

Христианство появилось в период острого социально-экономического кризиса рабовладельческой Римской империи. Этот кризис охватил как беднейшую часть общества, так и состоятельные слои населения. В страхе перед римскими императорами, которых она же и создала, рабовладельческая аристократия спешила забыться в беспробудном пьянстве, разврате и доносительстве. «Рядом с этим господствующим классом, который частью вырождался в бешеной погоне за наслаждениями и не знал пределов своей жадности и жестокости, а частью охвачен был состраданием к беднякам и отвращением к деньгам и наслаждениям, все больше увеличивалась армия трудящихся рабов, с которыми обращались хуже, чем с вьючными животными».

Социально-экономический кризис рабовладельчества сопровождался разложением традиционных религиозных верований и широким распространением суеверий и мистики. Известный римский историк Тацит (ок. 55 г. — ок. 120 г.), впервые упомянувший о христианах, отмечал полный разброд в умах современного ему общества. «Среди величайших мыслителей древности и их учеников и последователей можно обнаружить приверженцев противоположных взглядов, и многие твердо держатся мнения, что богам нет ни малейшего дела ни до нашего возникновения, ни до нашего конца, ни вообще до смертных: вот почему так часто жизнь хороших людей так безрадостна, а счастье выпадает в удел дурным».

Ясно, что при таком умонастроении теряло всякий смысл обращаться к традиционным богам в решении жизненных задач. Нужны были более действенные ценности.

Падение авторитета античных богов сопровождалось распространением фантастических слухов, мистики, суеверий, шарлатанства, веры в колдовство и магию. Все это, с одной стороны, было следствием разложения социально-экономических порядков Римской империи, а с другой, содействовало дальнейшей дезорганизации общественной жизни, падению нравов и процветанию цинизма. Общественность изнемогала под бременем безверья и всеобщего одичания и страстно надеялась на спасение от беззакония и беспутства.

Уже задолго до христианства сложилась идея мессианства. Представления о божественном спасителе можно найти в древнеегипетских текстах, в религиозных мифах Вавилона, иранской религии зороастризма, иудаизме.

С идеей мессианства связана эсхатология — мистическое учение о конце мира, о его

предопределенном закате и последующем обновлении. Закат или гибель мира мыслились необходимым завершением цикла, своего рода чертой, подводящей итог предшествующему ходу истории и открывающей новый цикл. Этот этап во всех эсхатологических системах оказывается своего рода золотым веком, временем господства правды и блаженной жизни.

На философском уровне религиозные искания приобрели ярко выраженную «богостроительную» направленность. Много в этом отношении сделал Филон Александрийский (ок. 20 г. до н.э. — 54 г. н.э.), которого Ф.Энгельс называл «настоящим отцом христианства». В трудах Филона синтезируется греческая идеалистическая философия и иудейское мифологическое мировоззрение. Иудаистский бог Яхве из жестокого антропоморфного существа переосмысливается Филоном в высшее духовное абстрактное начало. Под влиянием Платона Филон наделяет воображаемого им бога благом, красотой и разумностью.

Филон разрабатывал идею о сотворении мира богом, о существовании бога вне сотворенного им мира, учение о «сыне божьем», как посреднике между богом и миром и о человеческой греховности.

Филон осуждал богатство, утверждал равенство всех людей перед богом. Его социальные идеи ценны для раннего христианства.

На формирование христианства оказал влияние и Сенека (ок. 4г. до н.э. — 65г. до н. э.). Он учил, что природная материя — низшее начало. Она инертна и мертва, бесформенна и беспредметна. То, что делает ее предметом, — это разум, который есть бог — причина всех вещей. Он же и судьба, он же и провидение. Бесполезно спорить с судьбой. Ничья мольба ею не услышана, ничьи страдания ее не трогают. Он идет своим «невозвратным путем» и того, кто подчиняется ей, ведет, а того, кто упирается, тащит. Разум человека, его дух — это частица, «искорка» божьего духа, внедренная в материальное тело». Наше тело — это «оковы духа и тьма». Они подавляют, затемняют, уводят от истины, навязывают ложь. Душа, заключенная в своей мрачной темнице, в теле, всеми силами стремится на волю. Поэтому мудрец спокойно относится как к жизни, так и к смерти. Прекрасно передал мысли и настроения Сенеки А.Майков:

Есть смысл в Платоновом ученье —

Что это миг перерождения,

Пусть здесь убьет меня недуг, —

Но, как мерцание Авроры,

Как лилий чистый фимиам,

Как лир торжественные хоры,

Иная жизнь нас встретит — там!

В душе — за сим земным пределом,

Проснутся, выглянут на свет

Иные чувства роем целым,

Которым органа здесь нет.

Мы — боги, скованные телом,

И в этом дивный перелом,

Когда я покидаю землю,

Я прежний образ свой приемлю,

Вступая в небо — божеством!.

На христианскую культуру оказали заметное влияние рассуждения Сенеки о равенстве в душевном отношении всех людей. У всех общий родитель — мир: к нему восходит род к каждого, независимо от того, пришел ли он по «блестящим» или «грязным ступеням общественной лестницы». Рабство — это состояние тела, а не души. В ней заложены достоинство, мужество, добродетель, и нередко господа стоят в этом отношении ниже своих рабов. «Нет рабства позорнее добровольного».

Хотя в среде образованных слоев общества было много противников традиционных религиозных культов и многие философы своими работами готовили мировоззренческие принципы христианства, все же первые христианские общины рекрутировались главным образом из среды обездоленных и угнетенных. В Христианских принципах они находили поддержку и утешение. Шаг за шагом христианские общины укрепляли свои позиции. Взаимная выручка и поддержка христиан привлекали на их сторону массы трудящихся. Эта характеристика христианских общин находит свое подтверждение в послании апостола Павла коринфянам: «Посмотрите, братия: кто вы призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрое, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; И незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — Для того, чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом».

По мере того, как росло число христианских общин, усиливалась необходимость в упорядочении и канонизации христианских догматов. Основные положения христианского вероучения выведены из Библии, а также трудов наиболее авторитетных церковных деятелей, так называемых, «отцов церкви» и закреплены решениями Вселенских соборов. Главный программный документ христианства – «Новый завет», который содержит четыре самостоятельных рассказа о жизни Иисуса Христа (евангелия, то есть

«благие вести» от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна; были и другие, но они не вошли в канон, например, евангелие от Фомы), «Деяние апостолов» - рассказ о том, что было в жизни апостолов после вознесения Христа, «Послание апостолов» (Иакова, Петра, Иоанна, Иуды и особенно Павла) и, наконец, «Откровение от Иоанна Богослова», или «Апокалипсис».

Суть христианства изложена в 12 пунктах «Символа веры», принятого на Никейском (325 г.) и Константинопольском (381 г.) соборах.

Первый Вселенский собор постановил: «Сын Божий есть истинный Бог, рожденный от Бога Отца прежде всех веков и так же вечен, как Бог Отец; Он рожден, а не сотворен, и единосущен с Богом Отцом». Второй собор утвердил догмат о равенстве и единосущии Бога Духа Святого с Богом Отцом и Богом Сыном.

Внесли свой вклад в христианскую культуру и последующие соборы. На Третьем Вселенском признано соединение в Иисусе Христе со времени воплощения двух естеств: Божеского и человеческого. Иисуса Христа исповедовать совершенным Богом и совершенным Человеком, а Пресвятую Деву Марию — Богородицею. Собор строго запретил делать какие-либо изменения в семи положениях Символа Веры, утвержденного Никейским собором, и в пяти положениях Символа Веры, утвержденного Константинопольским собором, а также дополнять эти положения.

В 787 г. состоялся Седьмой Вселенский собор, имевший большое значение для православной культуры. На нем было осуждено иконоборчество. Собор определил: поставлять и полагать в св. храмах вместе с изображением Честного и Животворящего Креста Господня и святые иконы и воздавать им поклонение, возводя ум и сердце к Господу Богу, Божьей Материи и Святым, на них изображенным.

Христианство явилось качественно новой религией, способной влиять на огромные массы людей. Она обращалась к ним, неся новые ценности, новые убеждения и надежды. Все это получало глубокий отклик в сердцах обездоленных и растерянных людей. Пробуждалась вера в

Заступника, способного обуздать земную власть, формировалось фанатичное желание пострадать за Избавителя от неволи, умножалось доверие к Богу, который во имя любви к людям пожертвовал своим Сыном, чтобы искупить грехи смертных. Апостолы христианства, обращаясь ко всем людям и народам, создавали вероисповедную связь людей, независимо от их этнической, языковой, политической и социальной принадлежности — связь единоверцев. Послушайте послание к Колоссянам святого апостола Павла: «Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога, О горнем помышляйте, а не о земном. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге; Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе. Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления, в которых и вы некогда обращались, когда жили между ними. А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара. Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос».

Христианство положило начало совершенно новой культуре — культуре, признавшей в человеке личность, смотревшей на человека как на земное воплощение Бога и на Бога как на высшую любовь к людям, как на небесное воплощение человека, Иисуса Христа.

Новая религия запретила жертвоприношения и отказалась от жесткой регламентации поведения человека в быту. Вместе с тем, христианская церковь не отказалась от наиболее распространенных, привычных обрядов, обосновала правомерность их заимствования, что облегчало переход в христианскую веру. «Христиане меньше чем кто бы то ни было не должны отвергать что-либо хорошее только потому, что оно принадлежит тому или другому... Продолжать хорошие обычаи, практиковавшиеся у идолопоклонников, — значит отобрать у них то, что им не принадлежит, и вернуть истинному владельцу, Богу», — писал Августин Блаженный (354—430).

Христианство совершило великий исторический синтез, наследуя и по-своему преобразуя интеллектуальные завоевания предшествующих эпох, идеи и образы различных религий Ближнего Востока, традиции греко-римской античной философии. При этом освоение существовавшей ранее философской и религиозной мысли шло в русле духовно-нравственных исканий эпохи, что придавало христианству особую привлекательность.

Существенно изменился в христианстве сам образ Бога. Языческие боги, например, в античной Греции, отличались от людей бессмертием и могуществом, но были телесны и жили в том предметном мире, что и смертные: они ели, пили, рожали детей и т.д. Зевс, Гера, Афина, как и люди, были жизнелюбивы, завистливы, тщеславны, порою злобны и коварны, порождая у людей страх и стремление

обезопасить себя с помощью жертвоприношений.

Христианский Бог — глубочайшая тайна. Он не существует таким же образом, каким существуют вещи и люди. Он таинственно объемлет людей со всех сторон. Библия именует его «Богом Сокровенным», живущим в «свете неприступном». Сами будучи конечными, люди не могут объять бесконечное, то, что Бог все объемлет. «Дивно для меня ведение Твое, — высоко, не могу постигнуть его!». Человек не может снять покрывала с божественной тайны, исходя из тайны человеческого существования.» Ведь Бог — не производное от человека, не идол, не воплощение человеческих желаний. Он существует абсолютно независимо от человека. Апостол Павел восклицает: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, Аминь».

По христианскому учению. «Бог есть любовь», и «мы Им живем и движемся и существуем». Любовь Бога к человеку носит всеобъемлющий характер. Бог не делает человеку зла. Зло — результат «первородного греха» и несправедливой жизни человека.

2. Христианская картина мира

Картина мира — это целостный образ действительности. Формирующийся в обществе в рамках определенных мировоззренческих установок. Являясь необходимым моментом жизнедеятельности людей, картина мира обуславливает специфический способ восприятия мира. Исторически первыми были мифологические и религиозные картины мира. С накоплением научных знаний возникли различного рода естественнонаучные представления о мире (например, гелиоцентрическая, геоцентрическая теории и т.д.).

Не лишено своей картины мира и христианство. В сущности, такая картина мира теоцентрична и антропоцентрична.

В центр мироздания христианство поставило единого Бога, не создателя, а творца всего мироздания. Идея бога-творца складывалась по мере того, как возникали и формировались два различных взгляда на происхождение мира. Первую мифо-гипотезу можно назвать генетической (эволюционистской), поскольку она полагала, что мир сформировался из каких-то первоначальных элементов. Вторую — креационистской (от лат. «креационизм» — созидание), поскольку главной причиной в происхождении мира, по мнению ее сторонников, является некое мистическое начало, свободно производящее все многообразие бытия и господствующее над ним, как над своим созданием.

В процессе генезиса христианской идеи бога-творца можно выделить два этапа: раннеантичный (дохристианский), упорно отрицаемый богословами, когда на почве античных образов и понятий

происходило зарождение и становление понятия демиурга, и позднеантичный (собственно христианский), связанный с предыдущим и являющийся его теологическим развитием.

В отличие от всех предыдущих религиозных и философских представлений о божестве-творце, христианство сформировало идею творения Богом мира из ничего.

«Бог сотворил весь мир из ничего, одним Своим словом. Он все может сделать, что пожелает. Бог — высочайшее существо. Ему нет равного никогда и нигде, ни на земле, ни на небе».

Следует отметить, что эта идея существовала в иудаизме, на базе которого, как отмечалось выше, возникло христианство. Однако там оно существовало на уровне констатации: «В начале сотворил Бог небо и землю». На основе этого ветхозаветного принципа христианские богословы разработали довольно разветвленную систему теоретико-богословских рассуждений.

Характер теоретико-богословских рассуждений о творении Богом мира из ничего можно проиллюстрировать на примере статьи современного православного богослова. Н.П.Иванова «Библейское Откровение о творении из ничего». «Творение, — пишет Н.Иванов, — есть акт возникновения чего-либо из небытия к бытию, т.е. возникновение, того, чего ранее не было совсем, не существовало в первоэлементах, даже в потенции. Принцип творения не допускает, таким образом, возникновения бытия из какого-либо «хаоса», т.е. чего-то такого, из чего сотворение могло бы образоваться. Этим библейская религия резко отличается от других древних религий, которые не только допускали существование многих первопричин бытия и говорили о некотором предсуществовании, которое можно назвать хаосом, но и допускали возникновение из первобытного хаоса самих богов». Автор статьи, следуя христианской традиции, различает понятия «творение» и «создание». Он отмечает: «От «творения» автор Книги Бытия отличает «создание» (библейское «аса») всех форм, которые наполняют мир. То, что «создано», возникает не из небытия, а из предшествующей, ранее сотворенной основы, из того, что уже хранит в себе потенциальную возможность бытия того, что создается. Например, о происхождении «тверди небесной», Солнца и прочих небесных тел говорится, что они не сотворены, а только созданы, так как они суть только разные формы ранее предшествующей материи. Возможность их возникновения (создания) потенциально имела в недрах ранее сотворенного материального мира». И автор статьи заключает: «Библейское Откровение называет творение возникновение принципиально новой ценности в силу Первопричины, именуемой Богом, т.е. Причины, пребывающей вне творимой сущности. Мы не можем говорить о какой-то внутренней причине возникновения к бытию новой сущности, если эта сущность сама еще не существует. Если мы говорим о творении мира, т.е., если признаем как исходное данное, что мир мог не существовать, то причиной его бытия можем мыслить только некую Силу, пребывающую вне этого мира».

Разделив мир на невидимый (божественный) и видимый (материальный), христианство в центр последнего поставило человека. Пожалуй, никакая другая религия не содержит таких подчеркнута антропоцентрических представлений о мире, как христианство. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле».

Так гласит основополагающий принцип христианского антропоцентризма. Но это, как видно из ветхозаветного текста, только благодаря той частице божества, которая находится в человеке: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою».

Разделив человека на два начала — тело и душу, христианство безоговорочно отдало приоритет духовному началу. В христианстве подлинная красота человека выражается в торжестве его духа над телом. На смену одаренному силой атлету, как символу античной культуры, приходит образ одухотворенного человека.

Центральной пружиной исторического процесса, по христианству, является «первородный грех» и его фатальные последствия — унаследованная человечеством всеобщая греховность. Другое следствие «первородного греха» — смертность индивида. Христианство, которое декларируется как богоданная религия, включает в себе мистическую потенцию преодоления этих последствий. Первый этап на этом пути, и с него начинается сама новая религия, — нисхождение на землю бога-сына Иисуса Христа и его искупительные страдания, символизирующие искупление «первородного греха». Заключительный акт, сроки которого в новозаветных произведениях нигде конкретно не указаны, — второе пришествие бога-сына Иисуса Христа, всеобщий страшный суд, гибель старого мира и чудесное возникновение на его развалинах нового мистического божьего царства, свободного от проклятия «первородного греха» и смертности индивида.

Намеченная Библией и апостолами Иисуса Христа христианская картина мира получает свое дальнейшее уточнение в трудах отцов церкви, среди которых выделяется Августин Блаженный, чьи произведения «Исповедь» и «О . граде божьем» стали достоянием мировой культуры. Физические характеристики мира не волнуют автора «Исповеди». Он целиком поглощен проблемой Бога и личности.

Бог — абсолютное начало всего. Он творит природу. При этом его ничто не понуждает к этому. Акт творения — абсолютно свободен, произволен. Как художник, руководствуясь своей волей, может нарисовать на холсте все, что ему придет на ум, так и Бог без особой нужды создает вещество, пространство и время.

Но Бог не только творец природы, он ее и субстанция. В основе всех материальных вещей лежит Бог.

Он движет миром, поддерживает изменения в нем, не позволяет ему провалиться в небытие. Своим всемогуществом, премудростью и всеблагостью Бог обволакивает всю Вселенную, пронизывает все ее части.

И человеческая душа — творение Бога. Души бессмертны. И им свойственны разум, воля и память. Главная составляющая часть души — воля.

Августин дополняет христианскую картину мира учением о предопределении, которое вызвало неоднозначную оценку в католической церкви. Человек, по мнению Августина, несвободен. Все от Бога. Даже вера — дар Бога. Если индивид верит в Бога, то это происходит не потому, что он такой умный, а потому, что он заранее приговорен Богом к спасению, зачислен всевышним в легион избранных. Выбор Бога произволен, ничем не определен.

В философии Августина Бог — высшее благо, но в мире существует и зло. Источник зла — это «порча» бытия. Такая «порча» происходит как на уровне ангелов, так и на уровне людей. Ангел, который отпал от Бога, поставил себя выше Бога, превращается в демона, И люди не все выбрали сторону Бога. Адам и Ева положили начало злу. Иисус Христос, утверждает Августин, искупил своей мученической смертью на кресте грехи не всех христиан, а только тех, кто избран его Отцом к спасению.

В книге «О граде божьем» Августин сформулировал положение о двух мирах: Бога и дьявола. К первому принадлежат несогрешившие ангелы и те люди, которых Бог избрал к благодати. Ко второму — демоны и те люди, которые поставлены Богом в состояние греха и вины. Олицетворением царства дьявола является государство. Государство — это большая шайка разбойников. Государству Августин противопоставляет церковь. Падение и позор Рима — закономерный исход всей его дьявольской истории

Варвары победили Римское государство, а христианская церковь победила варваров.

В победе христианства Августин видит смысл истории. История начинается Адамом и Евой, включает себя пришествие Иисуса Христа, распространение христианства ради спасения избранных Богом и завершается страшным судом. В уме Августина зарождается идея прогресса, которая становится достоянием христианского мира и только его.

Августин, пишет известный знаток западной культуры и философии В.Виндельбанд, — «истинный учитель средних веков. В его философии не только сплетаются нити христианского и неоплатонистского мышления, идеи Оригена и Плотина, но, кроме того, в ней же он с творческой энергией концентрирует и все мысли своего времени вокруг потребности в спасении и веры в удовлетворении этой потребности при помощи церковной общины; его учение это — философия христианской церкви. В нем он дал строго объединенную систему, которая и легла в основу научного образования европейских народов; и в этой-то форме наследство греков стало достоянием романских и германских народов»

Христианская картина мира не может быть полной без Фомы Аквинского (1225—1274), который, не

затрагивая Символов Веры, нашел в христианской картине мира нишу для оживления научных и технических занятий. В трудах Фомы Аквинского христианская культура обнаружила удивительную гибкость и прозорливость.

В XIII в. пробудившаяся тяга к естественнонаучному знанию стала приходить в противоречие с августианинством, для которого только внутренний опыт личности, вера в чудеса и откровения представляли интерес. Естественно, что среди образованных людей зрела неудовлетворенность учением Августина. И эта неудовлетворенность скоро нашла поддержку в учении Аристотеля, которое, естественно, подверглось новому прочтению и было поставлено на службу христианскому миру. И заслуга в этом принадлежит прежде всего Фоме Аквинскому.

Бог — это чистая актуальность, само бытие, первопричина и первообразец всего. В нем нет ни грана материи, он сгусток энергии, динамизма, и он раздает бытие, чтобы появились отдельные материальные вещи.

Материальные вещи состоят из сущности и существования. Сущность вещей определяет их особенности, но не существование. Существование дано Богом.

Каждая вещь — единство формы и материи, созданной Богом из ничего. Соединение материи с формой — это переход от потенции к действительности. В отличие от Августина Фома вводит в христианские представления понятие естественных причин, посредством которых Бог правит миром. Принимая существование естественных, инструментальных причин, Фома тем самым невольно расширяет поле деятельности естествознания. Оказывается, что и наука может быть полезна людям, так как она позволяет активизировать их, научить пользоваться естественными, инструментальными причинами.

Разумеется, что признавая известную полезность науки, Фома не предполагал, что именно естествознание подорвет позиции религиозной картины мира. Он надеялся на то, что знание укрепит веру, а исследователи дадут новые аргументы в пользу Библии.

3. Ценностные ориентации христианства

Ценностные ориентации — это важнейшие элементы внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний и отграничивающие значимое, существенное для человека от незначимого, несущественного. Совокупность сложившихся, устоявшихся ценностных ориентаций образует своего рода ось сознания, обеспечивающую устойчивость личности, преобладание определенного типа поведения и деятельности. В силу этого ценностные ориентации выступают важнейшим, детерминирующим мотивом поведения человека. Ценностные ориентации представляют собой совокупность философских, политических, эстетических, нравственных убеждений

человека, глубокие и постоянные привязанности, нравственные принципы поведения. В любом обществе ценностные, ориентации личности оказываются объектом воспитания, целенаправленного воздействия.

Христианство содержит весь набор ценностных ориентаций. Ведущее место среди них занимает морально-этическая проблематика. Фигурально выражаясь, христианство — это не столько религия об устройстве мироздания и общества, сколько религия о том, как жить человеку, о смысле человеческого бытия, о совести, долге, чести и т.д. Даже сугубо культовым богослужебным действиям христианство придало морально-этическую направленность.

Главная этическая ценность в христианстве — это сам Бог. Бог — это любовь, любовь ко всем народам, признающим и почитающим его. Для него нет избранного народа. Сама идея превосходства одного народа над другим чужда христианству.

В этом отношении христианство коренным образом отличается от иудейства, в котором признается превосходство евреев над остальными народами. Благочестивый и ученый священник иудеев Ездра, обращаясь к своему богу Яхве, говорил: «Для нас, Господи, создал Ты век сей, о прочих же народах, происшедших от Адама, Ты сказал, что они ничто, но подобны слюне, и все множество их Ты уподобил каплям, капающим из сосуда. Господи, вот эти народы, за ничто Тобою признанные, начали владычествовать над нами. Мы же, народ Твой, которого Ты назвал Твоим первенцем, единокровным, возлюбленным Твоим, преданы в руки их. Если для нас создан век сей, то почему не получаем мы наследия с веком? и доколь это?».

«Каким ужасающим холодом веет от этих слов, какая странная отчужденность от всех людей слышится здесь! — пишет русский культуролог В.В.Розанов. — Кроме своего народа, все остальные племена земные не только пренебрежены, но почти забыты. Во всемирной истории и во всемирной литературе, где было так много унижения и гордости, возвеличения и падения, вероятно, никогда не были сказаны слова такой презрительности, как эти».

Сущность христианской нравственности сформулирована в Нагорной проповеди Иисуса Христа. Наиболее полно она изложена в евангелии от Матфея. К числу основных заповедей Нагорной проповеди относятся следующие: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее ври на поправление людям. Вы — свет мира.

Не может укрыться город, стоящий на верху горы».

Следует отметить, что христианство впервые в истории религиозной мысли сформировало нравственные заповеди не в запретительном (чего не стоит делать), а в положительном плане (как надо поступать). Нравственные заповеди христианства обращены прежде всего к совести человека.

Учение о совести в Новом Завете следует понимать, исходя из положений Ветхого Завета. Хотя в четырех евангелиях используется терминология Ветхого Завета, например, слово «сердце», апостол Павел ввел слово «совесть», заимствовав его из античной культуры. Апостол Павел как бы перевел евангельское учение о сердце в контекст нравственных понятий культуры античного мира. Как пишет современный православный богослов архимандрит Платон (Игумнов), апостол Павел «заимствовал термин «совесть» с целью наиболее точно и полно выразить центральную идею христианского учения о спасении верой и связал понятие совести с верой, любовью и действием Святого Духа в жизни отдельного человека».

Следуя в вопросе о совести новозаветным высказываниям, «отцы церкви» рассматривали совесть как важнейшее достоинство нравственного сознания и вообще всей духовной целостности человеческой личности.

"Из множества нравственных предписаний христианства главными, основными считаются любовь к Богу и любовь к ближнему. В евангелии от Матфея читаем: «И один из них, законник, искушая Его, спросил, говоря: Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим»: Сия есть первая и наибольшая заповедь; Вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя»; На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки».

Важной чертой христианской нравственности является ее активный характер, направленность на преобразование не только отдельного человека, но и всего окружающего социума. Отсюда неоднократные призывы Иисуса Христа проповедовать евангелие всем «языкам» (народам). Исходя из этого, нельзя согласиться с мнением, будто христианство глубоко индивидуалистично. Внутренне, имманентно христианство пронизано идеями коллективизма.

Особенно это касается первоначального христианства. На страницах Нового Завета мы находим много свидетельств о попытках первых христиан построить жизнь на принципах общности имущества. «Все же верующие были вместе и имели все общее: И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого»; «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее». «Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду».

Для первоначального христианства было характерно крайне негативное отношение к богатству. Юноше, пожелавшему последовать за Иисусом Христом, было сказано: «...Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною». В другом месте Иисус Христос говорит: «Как трудно надеющимся на богатство войти в царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие».

Апостол Иаков с пафосом пишет: «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся (на вас). Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни».

Лояльное, а потом в целом доброжелательное отношение к богатству сформировалось позже, в период адаптации христианства к реальным социальным условиям. Начало этому процессу положил апостол Павел. Завершили его Вселенские соборы IV—VIII вв.

Согласно христианскому учению, целью жизни человека является спасение. Достигается это каждым человеком при условии непрерывного духовного совершенствования, требующего аскетического подвига. Превращение в нового человека, созданного по образу и подобию Бога, реально может осуществляться путем вытеснения извращенного направления в его наличном бытии. Для осуществления евангельских норм жизни человек должен бороться против греха — притом «до крови». Борьба со страстями и победа над ними составляет необходимую обязанность, задачу и цель земной жизни человека.

Как наиболее эффективный путь осуществления евангельских норм жизни христианство предложило монашество. «Монашество представляет собой одно из величайших и, пожалуй, самых ярких явлений христианской жизни и христианского религиозного опыта», — пишет современный православный богослов архимандрит Платон (Игуменов).

Родиной монашества стал Египет. Преподобный Антоний Великий, совершивший подвиг поста и молитвы в пустынном уединении, явился основоположником отшельнической формы монашества. Чуть позднее свой монашеский подвиг начал преподобный Пахомий Великий, в прошлом римский воин, ставший родоначальником мужских общежительных монастырей. В Египте же возникло и женское монашество, основоположницей которого считается святая Пахомия. К концу IV в. весь Египет покрылся густой сетью монастырей.

Из Египта монашество проникло в Палестину. В начале IV в. ученик преподобного Антония Великого преподобный Илларион Великий основал близ Газы первую монашескую общину! Позднее Палестина прославилась деяниями многих наставников монашества, из которых наиболее известны Ефимий Великий, Савва Освященный.

В VI в. монашество распространилось и в других провинциях Римской империи.¹ Своеобразный характер имело развитие сирийского монашества. Отличительной его чертой явилась исключительность средств в умерщвлении «плоти». В Сирии возникла особая разновидность монашеского подвига — столпничество.

Василий Великий создал устав монашеский общежительной жизни, который имел решающее значение в истории формирования как восточного, так и западного монашества.

В поздневизантийский период центром монашества на Востоке стала гора Афон. По преданию, здесь закончила свою земную жизнь Богородица дева Мария. Особенностью афонского монашества было соединение аскетических подвигов и активного духовного творчества. Из Афона монашество распространилось в Болгарию, Валахию, Сербию и Россию.

На Западе монашество возникло позже, чем на Востоке. Его подлинным основателем стал Бенедикт Нурсийский, который в VI в. основал Бенедиктинский орден - централизованное объединение монастырей с единым уставом. Согласно «Правилам» Бенедикта, монастырской братии предписывалась строгая дисциплина по воинскому образцу («воины Господни»), а их служение Богу было более обращено в мир. Бенедикт требовал, чтобы монашеская община полностью содержала; себя и, по возможности, обеспечивала всю округу, являясь примером практического христианского милосердия. Главными особенностями монахов-бенедиктинцев были не только воздержание, молитва, но и возделывание земли, разведение садов и т.д. При этом время, отводимое для труда, было вдвое больше того, что предписывалось для молитвы.

В VI в. по образцу Бенедиктинского ордена была создана обитель Флавия Кассиодора, которая сыграла важную роль в становлении средневековой культуры. Кассиодор ставил монахам задачу практического милосердия, которую он связывал с просветительством.

Именно в его обители сложилась та трехчастная структура монастыря, как просветительского центра, которая стала традиционной для всего Средневековья: библиотека (книгохранилище), книжная мастерская (где делались новые списки книг не только для себя, но и на продажу) и школа.

Сыграв выдающуюся роль в утверждении христианских ценностей, монашество, однако, постоянно менялось в направлении обмирщения. Церкви и монастыри превращались в доходные предприятия, где торговали, чем можно: должностями, индульгенциями, реликвиями и т.д. Это не могло не извратить образ жизни духовенства, и монашества в том числе. Забвение строгой монашеской дисциплины и «чистой» жизни, падение нравов становились буднями монастырей. Все это рождало критику «продажной» церкви, требование ее духовного очищения. Подобная критика имела место среди части духовенства, внутри монашества, но главное — в народных антифеодальных движениях.

Крайне противоречивую роль в истории христианской культуры сыграли так называемые крестовые

походы в Святую землю. «...Вместо того, чтобы смягчить нравы, священная война в своем неистовстве привела крестоносцев к худшим эксцессам, начиная еврейскими погромами, которыми отмечены пути их следования, и кончая массовыми избиениями и грабежами, например, в Иерусалиме в 1099 г. или в Константинополе в 1204 г.; финансирование крестовых походов стало причиной или предлогом увеличения бремени папских поборов и появления опрометчивой практики продажи индульгенций, а духовно-рыцарские ордена, оказавшиеся в конечном итоге неспособными защитить и сохранить Святые земли, осели на Западе, чтобы предаться там всем видам финансовых и военных злоупотреблений».

Таким образом, христианский образ человека в целом остался нереализованным даже у монахов, и главная причина этого — логика самой реальной жизни, включения монашества в реальные отношения феодального общества с его войнами, крестовыми походами, борьбой за светскую церковную власть. В этих условиях интересы и функции самой церкви и духовенства требовали порою от монахов деятельности весьма далекой от христианского идеала.

Еще очевиднее это расхождение было в светской среде, где, с одной стороны, была более тесная связь с практическими, «земными» нуждами общества, а с другой, — под внешним покровом христианства сохранялись культурные традиции германских, славянских общин с их стереотипами мышления и языческими верованиями. Все это своеобразно преломляло христианский идеал человека в народной культуре.

Жизнь простых людей была пронизана религиозностью до мелочей, но сама эта религиозность выглядела богохульством из-за потери дистанции между «божественным» и «человеческим». К Богу относились как к человеку с его грубой натурой.

Следует иметь в виду также и то, что сама вера простого народа существенно отличалась от догматических установлений христианства. Это можно проиллюстрировать на примере русского православия. Так, обер-прокурор Святейшего Синода К.П.Победоносцев в одном из писем Александру III отмечал, что крестьяне России «вырастают, не получая первых, самых основных, понятий о Боге, церкви, о заповедях».

А вот как характеризовал религиозные представления крестьян Херсонской епархии священник-миссионер И.Недзельницкий: «...Ничему неученый, неграмотный крестьянин называет себя христианином и не может дать ответа, почему так называется... На христианских святых он переносит представления язычества, называя их богами. В Херсонской епархии один полуневежественный в вере приходится на семь совершенно темных, для которых всякий образ — Бог».

А ведь это имело место не только в России, но и в странах Западной Европы, особенно в период средневековья. Насаждая христианскую мораль, человеколюбие, католическая церковь уже в 1022 г. отправила в Орлеане (Франция), так называемых, еретиков на костер. Еще более жестоко расправилась

церковь - с альбигойцами, для которых порядки католической церкви представлялись ненормальными. Потребовались столетия для того, чтобы установилось подобие мира между Римскими папами и королями Священной Римской империи и Франции. И тем не менее христианство образовало то пространство, в рамках которого постепенно сложилась христианская культура, давшая миру научно-технический прогресс, демократические порядки и искусство.

Но на пути к своим историческим завоеваниям христианский тип культуры пережил не один глубокий духовный кризис.

4. Протестантская версия христиан и новоевропейская культура

В XVI—XVII вв. в Западной Европе интенсивно протекает становление буржуазных отношений. Идеологическим выражением и оправданием новых социальных и политических процессов явился протестантизм.

Протестантизм — буржуазная версия христианства. Он возник в XVI в. в результате мощного антифеодального и антикатолического движения широких масс в ряде западноевропейских стран. Бесцеремонная продажа католической церковью индульгенций послужила поводом к открытому выступлению против нее немецкого богослова М. Лютера (1483—1546), который 31 октября 1517 г. прибил на дверях дворцовой церкви в Виттенберге 95 тезисов против учения о спасении заслугами святых, о чистилище, посреднической роли духовенства между людьми и Богом и т.п. Лютер отверг папскую власть, противопоставив авторитету иерархии Священное Писание (Библию) и учение о том, что каждый христианин может спастись только верой в искупительную жертву Иисуса Христа. Лютер выдвинул требование упростить обрядность, ликвидировать монашество, подчинить церковь светской власти. Все это отвечало интересам городской буржуазии, составившей под водительством Лютера умеренное направление Реформации.

В реформаторском движении участвовали и крестьяне, возглавляемые Т. Мюнцером (1490—1525), учение которого о «царстве божьем на земле» положило начало утопическому социализму. Вождями реформации в Швейцарии были У. Цвингли (1484—1531) и Ж. Кальвин (1509—1564), осуществившие наиболее радикальные преобразования христианского вероучения и церковного устройства.

В реформе католического христианства были заинтересованы и некоторые феодальные князья, настроенные против непомерно разросшегося церковного землевладения, монашества, выплат крупных денежных средств папской казне и вмешательства папы в политические дела. Группа немецких князей в 1529 г. заявила «протест» против отмены Шпейерским рейхстагом их права решать вопрос о религии подданных, которого они добились в 1526 г. С этим событием связано возникновение термина

Центральная мысль протестантизма состоит в том, что Евангелию идея искупительных жертвований глубоко чужда. Людям не надо ни покупать индульгенции, ни истязать себя в монастырях. Бог Евангелия не требует от согрешившего ничего, кроме чистосердечного раскаяния в содеянном. Лютер утверждал, что христианин спасется только через полное самоуничтожение, символ которого Голгофа.

По католическому вероучению, человек — греховное существо по природе, и без помощи церкви он не может спастись. Согласно же Лютеру, человек — существо, сознающее греховность своей природы. И этого достаточно, чтобы он непосредственно обратился к Богу с молитвой о спасении. Никакой церковной организации в качестве посредника не надо. Молитва о спасении должна быть подтверждена добросовестным выполнением своих обязанностей, прилежным трудом, ибо по степени такой добросовестности Бог судит о крепости веры и желании обрести спасение.

В понимании путей спасения и в оценке роли церкви на этом пути — начало перестройки христианского мировоззрения на новый протестантский лад. Лютер свидетельствовал о человеке как о грешном и обвиняемом, но обращался к человеку судящему. Он хотел бы, чтобы вся присутствующая в человеке энергия ненависти ко злу была обращена во внутрь — против того нравственного убожества, которое каждый должен найти в себе самом.

Человек всего лишь земля и грязь. Вот лейтмотив протестантизма. Человек греховен и ничтожен. Он должен постоянно помнить об этом и нести личную ответственность за это.

Такое унижение человека в протестантизме резко расходится с традициями Возрождения. Культура Возрождения утверждала независимость и самоценность личности. Однако не культура Возрождения, а протестантизм сформировал предпринимателя. Навязав людям мысль, что они в полной зависимости от воли могущественного творца, протестантизм одновременно убедил их в том, что они способны достичь многого, если будут шаг за шагом искоренять свою греховность в работе на общество. «Не я, но Бог во мне» — вот самооценка человека эпохи Реформации. Так Бог из внешней опоры, коей он был для католика, превращается во внутреннюю опору и позволяет человеку преодолеть все драмы своей жизни и обрести спасение.

Внушая представление о необходимости безусловного послушания Богу, протестантизм одновременно выступает как религия автономного человека, требующая инициативы и ответственности. Все это приводит к тому, что, с одной стороны, религия сводится к вере, осуждается монашество, безбрачие духовенства, упрощается культ. С другой стороны, повседневная практическая деятельность приобретает религиозный смысл. «..Лютер, — писал К.Маркс, — победил рабство по набожности только тем, что поставил рабство по убеждению. Он разбил веру в авторитет веры. Он превратил попов в мирян, превратив мирян в попов. Он освободил человека от внешней религиозности, сделав религиозность

внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека».

Протестантизм начал с того, что «раздавил» человека. Но в этой раздавленности как бы уравнил людей и их шансы на стартовой площадке жизни. Лютер спрашивал, почему «твое тело, твоя жизнь, достоинство и честь так свободны, а мои — нет, хотя мы одинаково являемся христианами, одинаково крещены, имеем единую веру, одинаковые души и все остальное у нас одинаково? Откуда происходит столь большое неравенство среди одинаковых христиан?» Этим Лютер и вслед за ним другие реформаторы лишили идею неравенства религиозной санкции. Протестантизм создал социально-психологические условия, способствующие конкуренции и состязательности в обогащении, развитию буржуазных отношений.

Поскольку человеческая природа изначально повреждена, по мысли протестантов, то она требует очистки и радикальной переделки. Потенциальная возможность этого давно обусловлена присутствием Бога в человеческой душе. А вот реализация такой возможности целиком во власти человека. Возникает неизвестная ни Античности, ни Средневековью проблема формирования личности. Индивид перестает быть «заданным» своим социальным статусом и набором социальных ролей в иерархической организации общества, а становится чем-то в результате своих собственных усилий.

Правила веры и жизни, ведущие индивида к спасению, по учению протестантов, следующие: не доверяй каким бы то ни было авторитетам: ни церкви, ни ортодоксам-схоластам, ни античным мудрецам, ни современным гуманистам; доверяй собственному разуму, укрепленному личной верой, но знай, что его выводы должны проверяться Библией и при несоответствии ей должны быть отброшены; помни, что Библия — истинна, но ее поверхностный смысл не соответствует глубинному, внутреннему; процесс познания Библии бесконечен. Абсолютная истина недостижима. Помни, что авторитет реформатора безмерно ниже авторитета Библии.

Лютер отрицал фундаментальное положение католицизма о сословно-кастовом разделении людей на священников и мирян. Опираясь на тексты Евангелия, он утверждал, что там нет речи об особом духовном сословии, а потому каждый христианин правомочен толковать и проповедовать Божье Слово, отправлять обряды и таинства.

Лютер отстаивал принцип «всеобщего священства». Пасторская деятельность трактуется им как служба, на которую уполномочивает община. Безусловно, должность пастора требует известной специальной подготовки в толковании Священного Писания. Но только эта квалификация и отличает церковнослужителя, а не сверхъестественная миссия посредничества между грешным человеком и Богом, сообщаемая через рукоположение папы. Каждый человек может непосредственно общаться с Богом, и каждый может быть выбран своей общиной на должность пастора и исполнять ее до тех пор, пока община будет считать его достойным ее.

Культовые нововведения протестантизма шли в основном по линии «удешевления» церкви и

церковного ритуала. Протестантизм отказался от поклонения мощам, реликвиям, кресту, статуям и иконам, оставив почитание библейских праведников. Богослужение стало вестись не на латыни, а на народных языках и состояло в проповеди, пении псалмов и чтении тех или иных глав Библии, преимущественно Нового Завета. В 1534 г. Лютер сделал полный перевод Библии с древнееврейского и греческого языков на немецкий. Библия стала доступной пониманию рядового гражданина, а книгопечатание превратило ее в настольное произведение бюргерской семьи.

Наиболее важные обряды католицизма также подверглись решительному пересмотру. Лютеранство из семи таинств оставило только два: крещение и причастие.

Конечно, культурное значение протестантизма не сводится к внутрехристианским и внутрицерковным новациям. Оно значительнее, так как протестантство положительно влияло на формирование капиталистических общественных отношений, развитие науки и техники, предпринимательства и рационализации экономической деятельности. Результатом протестантизма было появление нового типа гей.

«Эти люди, отличающиеся от окружающих темной простотой одежды, коротко остриженными волосами, суровой и постной внешностью, неразговорчивостью, враждебные всем удовольствиям и всем искусствам, вечно с молитвой, псалмом или текстом Писания на устах, повсюду несли фанатическую уверенность в правоте своего дела и колоссальную энергию, подстерегаемую сознанием греховности каждого часа, проведенного без пользы и трудов во славу Божию».

М.Вебер, известный социолог, исследователь протестантизма, отмечает, что предпринимательство, понимаемое им как стремление к прибыли, сопровождает историю везде, где имущество может измеряться в денежном выражении. Но в рамках протестантизма, его этических норм совершается качественный сдвиг в отношении к прибыли. Он совершается «не отважными и беспринципными спекулянтами или авантюристами, которых мы встречаем на протяжении всей человеческой истории, не обладателями «больших» денег, а людьми... осмотрительными и решительными одновременно, людьми сдержанными, умеренными и упорными по своей природе, полностью преданными своему делу, для которых дело становится «необходимым условием существования, образом жизни, при котором не человек существует для человека а человек для дела»

Протестантизм породил относительно единые типологические черты предпринимателя и работника, чьи отношения зиждутся на развитом материальном интересе, неведомом предшествующим системам. Это стимулирует идеологию высокоэффективного производства, участники которого сознают необходимость усилий, добросовестности в выполнении взаимных обязательств, дисциплинированности, базирующихся на осознании ценности совместно осуществляемого дела. И если отношение к трудовой деятельности как к признанию со временем лишается религиозной окраски, то это не исключает личного

смысла и ощущения «призванности» человека к той роли, которую он играет.

Последствия Реформации отмечены печатью той же противоречивости, что и сам протестантизм. Было бы ошибочным ставить знак равенства между общекультурными последствиями деятельности Лютера и непосредственно-историческими последствиями протестантизма. К числу негативных последствий Виттенбергских тезисов относится эскалация религиозных междоусобиц. На долгие годы Франция и Германия опустились в пучину варварства и насилия. В Германии разразилась 30-летняя война, сократившая население страны почти вдвое. Франция прославилась Варфоломеевской ночью. Десятки тысяч гугенотов под одобрительные возгласы Ватикана были буквально вырезаны.

И тем не менее Реформация способствовала социально-культурным переменам в странах Западной Европы. Монополия католической церкви на истину была основательно подорвана. Поднялся авторитет разума, рационального отношения к хозяйственной и политической деятельности. Стало возможным критическое восприятие Библии. Католицизм утратил свои позиции во многих странах Европы. Легальным стал религиозный плюрализм, а это открывало дорогу свободомыслию, демократизму в общественной жизни и научному исследованию. Нельзя забывать и того, что протестантизм обосновал доверие к личности и недоверие к любой инстанции, претендующей на окончательное знание и стремящейся возвыситься над личностью и обществом.

5. Художественная практика христианства

Непосредственным выражением художественной практики христианства является искусство. Христианство и искусство в ходе их длительного, нередко противоречивого взаимодействия породили своеобразное явление мировой культуры, которое принято обозначать термином «христианское искусство». Следует подчеркнуть, что то или иное художественное произведение нельзя отнести к христианскому искусству только потому, что его тема, сюжет, образы заимствованы из Библии. В искусстве народов Европы имеется много произведений живописи, скульптуры, литературы, которые используют библейские сюжеты, но по своей идейной направленности, по мироощущению очень далеки от христианства, а иногда и противоположны ему. Так, в картине русского художника Н.Ге «Тайная вечеря» образ Иисуса Христа трактуется не как образ Бога-сына, возвышающегося над людьми, а как образ страдающего человека. Царский цензор считал эту картину выражением «грубого материализма». Современники восприняли картину Н.Крамского «Христос в пустыне» как своеобразное отражение трагических исканий революционно настроенных русских интеллигентов, как образ человека, оставшегося наедине со своей совестью и твердо решившего следовать своим путем, каким бы мучительным он ни был.

Некоторые произведения искусства на библейские сюжеты вступали в открытый антагонизм с

официальной церковной доктриной. Так, роман французского писателя Лео Тасиля «Забавное евангелие, или Жизнь Иисуса» является, по существу, памфлетом на евангельские повествования об Иисусе Христе. Или взять, к примеру, картину русского художника М.А.Врубеля «Демон»,

О ней С.Булгаков писал, что с христианской точки зрения, она не может восприниматься как явление христианской культуры, ибо в ней прославляется гордыня, си[^]да греха, а сам художник видит красоту в падении.

При характеристике христианского искусства решающими являются два момента: во-первых, общая идейная направленность произведения и, во-вторых, его место в системе христианского культа. Следовательно, о христианском искусстве можно говорить в двух смыслах: широком и узком.

Христианское искусство, понимаемое в широком смысле, включает в себя те произведения, в которых художественными средствами выражены религиозные идеи и устремления, то есть произведения, имеющие религиозную направленность, прививающие людям мысль о всемогуществе Бога, о необходимости поклоняться ему и соблюдать его заповеди. Так, христианский храм, его архитектура и убранство — это не только место Богослужения, но и своеобразное произведение искусства, призванное в наглядно-образной форме донести до верующего сущность и содержание христианской догматики.! Вот как описывает эти два аспекта православного храма протоиерей В.Федоров: «Внутренность русского храма, как и внутренность византийского храма, олицетворяет Вселенную. Наверху, в куполе Христос Вседержатель благословляет мир из темно-синего неба. Под главою в четырех углах изображаются четыре евангелиста. На стенах — события Священной истории, а на западной стене часто изображался Всеобщий Суд над миром, престолу Судии предстоят небесные силы и сонмы святых. В таких храмах с исключительной силой выражается ощущение от встречи Божеского и человеческого, через которую мир собирается воедино и превращается в дом Божий».

В христианской литературе может содержаться и богатейший нравственный опыт человечества, выраженный в виде заповедей Моисея или поучений Иисуса Христа. И в книге З.Косидовского «Библейские сказания», и в книге А.Павловского «Ночь в Гефсиманском саду» не только художественно излагаются библейские события, но и целенаправленно культивируется интерес к христианству и его истории.

В более узком смысле к сфере христианского искусства можно отнести те произведения, которые включены в систему религиозного культа и выполняют в нем определенные функции. Иначе говоря, христианское искусство в узком смысле — это сугубо культовое искусство. Естественно, что всякое культовое искусство имеет ярко выраженную догматическую направленность. Культовое искусство религиозно еще и в специфическом смысле, поскольку выступает как объект поклонения (например, икона) или средство реализации культовых действий (например, пение хора).

Но говоря об иконе как объекте поклонения, нельзя забывать, что к этому виду искусства отношение -христиан неоднозначное. Христианам Византии пришлось выдержать упорную борьбу с иконоборчеством. И в наше время в своей книге «Икона и ее культ» С.Булгаков солидаризируется с иконоборцами, полагая, что они правы в своем убеждении в «невообразимости божества».

Христианское искусство, включенное в систему культа, выполняет две различные функции. Во-первых, специфически религиозную, культовую функцию, поскольку оно возбуждает религиозные переживания и мотивы, возобновляет и подкрепляет религиозные верования. Во-вторых, ему присуща эстетическая функция, ибо оно есть продукт художественного творчества и формирует у воспринимающих его людей чувства прекрасного.

Между указанными двумя функциями существует весьма сложное и противоречивое соотношение: с одной стороны, при определенных условиях эстетическая функция может усиливать религиозное воздействие того или иного произведения культового искусства, а эстетические чувства могут вливаться в общий поток религиозных переживаний, активизируя и углубляя их; с другой стороны, в некоторых ситуациях эстетическая функция может прийти в конфликт с религиозной, оттеснив на задний план культовое значение данного произведения, его религиозную нравственность. Нередки случаи, когда верующие посещают церковные богослужения, чтобы послушать пение хора, органную музыку.

Формирование христианского искусства представляет собой длительный и сложный путь. Раннее христианство, по существу, не имело своего специфического искусства. Молитвенные собрания первых христиан проходили в помещениях, не снабженных никакой религиозной атрибутикой. Они складывались из чтения и толкования библейских текстов и совместной трапезы.

По отношению к античному искусству в раннем христианстве существовало две тенденции. Первоначально многие «отцы церкви», активно боровшиеся с проявлениями языческой культуры, выступали против любых изображений Бога и вообще против изобразительного искусства, расценивая его как пагубное идолопоклонство. «Бог равно запрещает и делать идолов, и поклоняться им», — писал христианский богослов Тертуллиан (ок. 160 г.—ок. 222 г.), известный своим изречением: «Верю потому, что абсурдно».

Наивысшей точкой развития этой тенденции было движение византийских иконоборцев в VIII в. Утверждая, что божественное невыразимо материальными средствами, иконоборцы восстали против идолопоклонства.

Как уже отмечалось, на Седьмом Вселенском соборе иконоборчество потерпело поражение. С этого времени начинается бурное развитие христианского изобразительного искусства. Оно превратилось в мощное средство идейного и психологического воздействия на верующих людей. Иконопись получила широкое распространение на Руси. На Западе сложилась церковная живопись.

Почти двухтысячелетняя история христианства породила многообразие видов искусства: архитектуру, музыку, хоровое пение, живопись, церковную литературу и т.д. Культовое искусство христианства оказало существенное влияние на светское искусство европейских народов. Многие выдающиеся писатели, поэты, композиторы, художники создавали произведения, раскрывающие и углубляющие смысл библейских, особенно новозаветных, событий. Идея спасения — одна из ведущих тем гуманистической литературы. Известное изречение Ф.М.Достоевского «Красота спасет мир» с лучшей стороны характеризует мир христианской культуры.

Глава VIII. Русская культура

1. Социально-исторические условия формирования русской культуры

При рассмотрении такого сложного и многообразного явления, каким видится русская культура, неизбежно встает необходимость четкого определения его специфики. Без этого трудно доказать уникальность русской культуры в системе мировой культуры. Повторения бессмертных тютчевских строк:

Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить:

У ней особенная статья —

В Россию можно только верить, —

явно недостаточно.

Всякая культура синтетична. Эта же характеристика относится и к русской культуре, которой приходилось взаимодействовать с Западом и Востоком, образуя как бы мост от первой ко второй. Само формирование древнерусского государства и этноса на границе двух географических зон — степи и лесостепи, как указывал Л.Н.Гумилев, определило уникальность и политической, и экономической, и культурной истории Древней Руси.

В формировании древнерусского этноса принимали участие как восточнославянские племена (поляне, вятичи, древляне, радимичи, новгородские словены и т.д.), так и угрофинские народы (мурома, меря, весь), а также тюркские (берендеи, торки, черные клобуки). П.Н.Милюков отмечает, что «население Сквирского уезда Киевской губ. (в верховьях Роси) еще в XVI в. называло себя половцами».

Эти факты позволили некоторым этнографам, например, видному ученому начала XX в. Д.Зеленину, утверждать, что русский народ обходимо делить на две ветви — южнорусскую и северорусскую. Как

аргумент он приводит разность языковых диалектов, типов жилищ, одежды, некоторых обрядов. В истории это подтверждается наличием двух центров Древней Руси — Киева и Новгорода.

Но постепенно язык, быт обеих ветвей сближались. Так, в XVII в. сформировался, кроме южного и северного диалектов, так называемый московский говор, легший в основу русского литературного языка. Он равно близок обоим диалектам.

Сам процесс формирования Древней Руси шел в непрерывном взаимодействии с соседями — этому способствовало то, что Русь лежала на пересечении важных торговых путей — из «варяг в греки», через Волгу и Каспий — в Среднюю Азию и Китай. Время формирования древнерусского государства совпало с периодом становления других европейских объединений, и Русь была одной из самых могущественных из новообразовавшихся держав, что подтверждалось договорами между Византией и Русью. В X—XII вв. Русь была связана династическими браками с крупнейшими дворами Европы — Византией, Германией, Францией, Англией, не говоря уже о соседях — Польше, Венгрии, Норвегии.

Конечно, в ряд европейских государств Русь окончательно встала, приняв христианство, но христианство, главным образом, дополнило и усилило достижения духовной жизни славян, заменив языческую форму их выражения более цивилизованной и культурной.

Особое место в этом отношении занимает устное народное творчество, создавшее духовную почву для дальнейшего развития литературы, причем пришедшая с христианством письменная культура не вытеснила фольклорные обряды, традиции, а органично слилась с ними. Надо сказать, что письменных памятников, из которых можно было бы почерпнуть понимание духовной жизни русичей, осталось мало, а имеющиеся иностранные малоценны, поскольку в них подчеркивается язычество славян и делается вывод об их изначальной дикости. Да и христианские письменные источники не описывали язычество, а бичевали его. Пожалуй, наиболее ценным письменным источником можно считать древнерусские летописи. Содержательная реконструкция языческих верований восточных славян сделана академиком Б.А.Рыбаковым.

Он приходит к выводу, что относительная быстрота и легкость принятия христианства на огромном пространстве Древней Руси объясняются тем, что долгое время язычество и христианство сосуществовали в быту, особенно в сельской местности. Этому способствовало то, что «существенных, принципиальных отличий нового от старого не было: одинаково признавался единый владыка Вселенной; и там, и здесь производились моления — богослужения и магические обряды; там и здесь каркасом годичного цикла празднеств были солнечные фазы; там и здесь существовало понятие «души» и ее бессмертия, ее существования в загробном мире. Поэтому перемена веры расценивалась внутренне не как смена убеждений, а как перемена формы обрядности и замена имен божеств».

В целом единственным заметным новшеством в религиозном быте русской деревни X—XII вв. было

прекращение обрядов трупосожжения, которые отмечаются в это время только на русском Севере.

Окончательную победу христианского учения о посмертном воздаянии можно относить только ко времени

город и княжеско-боярские круги, приняв многое церковной сферы и широко пользуясь социальной стороной христианства, не только не забывали своего язычества, с его богатой мифологией, укоренившимися обрядами и жизнерадостными карнавалами-игрищами с их танцами, музыкой гусликов, пением, но и поднимали свои старые религиозные верования на более высокий уровень, соответствующий расцвету русских земель в XII в.

Немецкий этнограф В.Маннарт, исследуя язычество западноевропейских народов, выделяет два уровня мифологии — высший (мифы о богах-героях, космология) и низший (культуры, обряды, гадания, фольклор). Высшая мифология у европейских народов вытеснялась христианством, а низшая осталась, постепенно приспосабливаясь к христианской теологии.

Низший уровень дал огромные богатства устного народного творчества — пословицы, поговорки, сказки — своеобразные обобщения жизненного опыта, передававшиеся из поколения в поколение. Особенно интересен и своеобразен присутствующий во многих русских сказках образ Ивана-дурака, своим смехом и спокойно-насмешливым поведением разрушающего классово-сословные отношения. Этот образ подрывает бытующее в западноевропейской литературе представление о предрасположенности русских к покорности. Иван-дурак свободен во всех своих проявлениях, и одерживает верх над противниками только благодаря веселому и острому языку.

Главное, что дало Руси христианство — это письменная, книжная культура. Первые книги, появившиеся на Руси — церковные тексты. Священного писания, использовавшиеся во время богослужения. Особой популярностью пользовалась Псалтырь. По ней чаще всего учились грамоте. Полная же Библия в русском перевод появилась к концу XV в. Первые книги приходят на Русь из Болгарии и Византии. Это апокрифы, византийские хроники. «Повесть о разорении Иерусалима» И.Флавия, «Александрия», «Девъенево Деяние» и другие на греческом и славянском языках.

Некоторое время на Руси сосуществуют два литературных языка (так называемая диглоссия) — церковно-книжный (церковно-славянский на основе староболгарского) и светско-государственный (на основе бытового). Так, на бытовом языке писались договоры киевских князей с соседями, летописи, первый Свод законов — «Русская Правда». Подобного противопоставления не было у других славянских народов. Греческий Язык в церкви не вытеснил славянский, хотя в X—XI вв. в соборах одновременно пели два клироса — на греческом и церковно-славянском языках, подчеркивая их равноправие. Постепенно греческий язык вышел из церковного употребления.

О взаимодействии русского и греческого языков замечательно сказал А.С.Пушкин: «Как материал

словесности язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими... В XI в. древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя, таким образом, от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимеет он гибкость и правильность... Такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей».

От Византии Русь получила в готовом виде основные идеи и принципы феодального мировоззрения, переводную литературу, являющуюся наследницей античной культуры. Правда, в Византийской литературе постоянно присутствует противоречие — византийское миропонимание многое взяло от античности при формально внешнем отказе от античного наследия.

Поразительно, что с самого начала своего существования русская книжность впитывала в себя не столько литературу развлекательную, не только религиозно-богословские руды, но и работы по философии. Особенно широко были на Руси знакомы с сочинениями Иоанна Дамаскина, делающего обширные ссылки не только на Аристотеля, Платона, Гераклита, Парменида, но и на Демокрита и Диогена. И это сказалось на том, что оригинальные русские сочинения появляются уже в X в. Первое произведение русской литературы — так называемая «Речь философа», в которой на основе разных переводных источников кратко рассказывалась история мира от его сотворения до возникновения вселенской христианской церкви. Большинство из трудов дошедшей, до нас русской письменности домонгольского периода — религиозные сочинения, но, как отмечает Д.С.Лихачев, в этом нет ничего удивительного: «Мы представляем древнерусскую литературу значительно более церковной, чем она была на самом деле»

И действительно, книги в основном переписывались в монастырях и большинство из них были церковными, а частые пожары, нашествия врагов не способствовали сохранности рукописей. Так, «Поучение Владимира Мономаха» и «Слово о полку Игореве» дошли до нас в единственных экземплярах.

Большое влияние на формирование русской культуры оказало взаимодействие с древнеболгарской культурой. Особая способность к восприятию иных культур воспитывалась в болгарском народе потому, что Болгария издавна была территорией великих культур и соседствовала с самыми просвещенными народами тогдашней Европы. Уже в силу своего географического положения она не могла иметь резко обозначенных и непреодолимых культурных и политических границ.

Регулярная письменность и литература появились в Болгарии на столетие раньше, чем на Руси, и в сходных условиях: болгары также не знали рабовладения, также приняли христианство от византийцев. Русь получила византийский опыт не только в его непосредственном виде, но и в «адаптированном» Болгарией.

Произнесенная в Болгарии проповедь Кирилла и Мефодия изначально не была узконациональной, но общеславянской. Широкий взгляд на судьбы славянства и человечества вообще характерен для первых южнославянских писателей. Древнеболгарская литература быстро стала зрелой, философски глубокой и сложной. Она служила посредницей в знакомстве всех славянских народов с литературой Византии. В Болгарии переводились труды не только с греческого, но и с сирийского, арамейского, латыни.

Существенную роль играла близость славянских языков, отсутствие языкового барьера, когда рукописи не только переводились на Руси, но и просто привозились туда из Болгарии. Обширная общая литература и общеславянский язык у народов православного славянства сохранялся до самого XVIII в.

Важно отметить, что из Византии родственные национальные тенденции передались и в древнерусскую литературу. Последняя также способна была осознавать интересы человечества и всего христианства, восприняла этот же болгарский и византийский дух. Взгляд на русскую историю как на часть мировой и чувство ответственности за весь мир стали также отличительной чертой древнерусской литературы и отчасти были унаследованы ею от просветителей — Кирилла и Мефодия. Это им принадлежит мысль о единстве человечества и ответственности каждой страны, каждого народа за общечеловеческий порядок и просвещение отсталых этносов.

В русской литературе ее «общеευропейскость» и общечеловечность в силу ряда благоприятных причин дожили до нового времени. Именно эта черта русской культуры определила успех петровских реформ и резкий поворот в XVII в. всей русской культуры к Западной Европе.

С развитием национальных начал в жизни всех славянских культур к XVII в. южнославянские и греко-славянские связи русской литературы несколько ослабевают и возникают более интенсивные связи с литературами западнославянскими, но тип этих связей уже иной. Они идут не столько по линии церковных отношений, сколько по линии светской литературы, предназначавшейся для индивидуального чтения.

Самый незначительный след в русской культуре, несмотря на ее открытый характер, оставили контакты со скандинавами. Весьма примечательно, что до сих пор норманисты не могут ответить на те вопросы, которые когда-то поставил перед ними М.В.Ломоносов. Каким образом так мало скандинавских слов осталось в русском языке? Это остается непонятным, если варягам приписывать ту великую роль в создании древнерусского государства и формировании русского народа, о которой говорят норманисты. В этом случае «должен бы русский язык иметь в себе великое множество слов скандинавских».

Новейшие изыскания полностью подтверждали правоту М.В.Ломоносова. Достаточно сказать, что во всей Древней Руси не было ни одного города, который восходил бы к временам первых русских князей и носил бы скандинавское название. Даже название Ладоги не может быть без натяжек выведено из скандинавских корней. Ни в одной области лингвистических изысканий не было проведено столь

глубокого изучения древнерусского словаря, как в области славяно-скандинавских связей, и оказалось сравнительно немного слов с их, вероятно, скандинавским происхождением, тогда как в русском словаре пестрят слова греческого и восточного происхождения.

В начальный период формирования русской культуры заметное влияние на нее оказали связи с Востоком. С самых древнейших времен русской истории не были на Руси редкостью арабские купцы, география кладов арабских монет на Руси необычайно широка. Правда, прямая связь с арабскими и персидскими торговыми центрами несколько ослабла с началом господства в степях Восточного Причерноморья печенегов, а затем половцев. С половцами русские князья то воевали, то мирились, очень часто они женились на дочерях половецких ханов, но не зафиксирован ни один факт выдачи их дочерей за половцев. Сложный и противоречивый период взаимоотношений с Востоком начинается с монголо-татарского нашествия.

Позднее, несмотря на «сожительство» с татаро-монголами, культурной общности с ними не создалось. Важно отметить, что следы влияния восточного эпоса, имевшиеся в русских летописях в XII — начале XIII в., совершенно исчезают после татаро-монгольского нашествия. В период зависимости русских княжеств от Золотой Орды восточное влияние не обнаруживается ни в письменности, ни в искусстве. Насилие не создает ни культуры, ни культурных взаимодействий. Этот исторический урок навсегда остался в памяти русского народа, остро воспринимающего несчастье других. Сразу после завоевания Казани в середине XVI в. составляется «История Казанского взятия», где рассказывается и о храбрости защитников Казани, и с сочувствием передается плач казанской царицы Сююмбеке о потере татарами государственной независимости.

2. Система ценностей русской культуры

Развиваясь на стыке двух цивилизаций, Россия испытала такое экономическое, политическое и духовное влияние Востока, какое не могла испытать ни одна страна Европы. Азиатский способ производства с присущей ему спецификой классового образования оказывал определенное время решающее воздействие на формирование национального характера, социальную психологию представителей всех национальностей, населявших Россию. Азиатский способ производства определил и индифферентное отношение к свободе и самой жизни личности, которое для нашей страны трансформировалось в крепкое право и самодержавие.

В Западной же Европе политика, экономика, религия, искусство развивались как относительно самостоятельные сферы общественной жизни. Наряду с этим быстрый распад общины повлиял на развитие социальной активности, так как человек в условиях личной свободы и незащищенности вынужден был обустривать себя на свой страх и риск. Это наложило на культуру западной цивилизации

соответствующий отпечаток. В западноевропейской культуре подчеркивалась ценность личности, ее автономность по отношению к государственной власти.

В России, в отличие от Европы, личностное начало не стало самостоятельным фактором, определяющим историческое развитие. Вместе с тем, в обществе, ограниченном традиционной самодержавной властью, постоянно накапливалась избыточная энергия, которая при достижении «критической массы» нарушала равновесие. Достичь же стабильности можно было лишь на новом уровне, пройдя через внутреннюю культурную трансформацию. Такие трансформации стимулировались вмешательством государства. Таким образом, особая миссия государства заключалась прежде всего в том, что именно оно было главным фактором, обеспечивающим культурный процесс нации.

При этом на протяжении всего исторического процесса российское государство попеременно являлось то созидающей силой, то тормозом, что приводило к стагнации и разрушению государственной формы. Это воспринималось сознанием русского народа очень болезненно. И такая реакция объяснима: утрата государственности для России означала потерю исторической перспективы, так как власть была «ресурсом, который питал эволюцию культуры, не давая ей застыть наподобие многих культур Востока»

Две противоположных тенденции — Западная и Восточная — весьма существенно повлияли на формирование русского национального характера. Под национальным характером Н.А.Бердяев понимал устойчивые качества, присущие представителям данной нации и возникающие под влиянием природных и исторических факторов, проявляющихся не только в нравах, поведении, образе жизни, культуре, но и в судьбе нации, государства.

В своей работе «Характер русского народа» Н.О.Лосский отмечает в качестве фундаментальных качеств русского человека свободолобие, могучую силу воли, доброту и талантливость.

В качестве ценности свободолобие вырабатывалось русской культурой в обстановке постоянной внешней опасности. Татаро-монгольское иго, польско-шведская интервенция в начале XVII в., нашествие Наполеона и т.д., грозили потерей независимости русскому народу. Мужественная борьба с интервентами воспитывала у населения страны патриотизм и свободолобие.

Свободолобие в русском народе развивалось и под влиянием внутренних факторов. «Бедный крестьянин! На него обрушиваются всевозможные несправедливости, — писал А.И.Герцен. — Император преследует его рекрутскими наборами. Помещик крадет у него труд, чиновник — последний рубль».

Крепостное право и самодержавие не превратили русского крестьянина в раба. Казачество возникло как результат бегства смелых, предприимчивых людей, ищущих свободы от помещика и государства. Вольнолюбивые русские люди освоили суровые земли Сибири и Севера России.

Суровая жизнь русского человека воспитала в нем глубокое уважение к сильной воле, упорству в достижении цели и бурным эмоциональным переживаниям. Н.О.Лосский отмечает, что «в политической

жизни России массовые проявления страстности могучей воли весьма многочисленны. Например, в Смутное время, когда Московскому государству угрожало подчинение Польше и Швеции, король польский Сигизмунд осадил Смоленск. Жители Смоленска, опасаясь власти иноземцев и насаждения польским королем католицизма, оказали неприятелю отчаянное сопротивление. Из 80 тыс. жителей осталось в живых только 8 тыс.; они «заперлись в соборной церкви Богородицы, зажгли порох в погребах и взлетели на воздух».

В духе русской культуры широка и крайность в выражении эмоционального состояния. А.К.Толстой прекрасно выразил эту особенность национального характера:

Коль любить, так без рассудку,

Коль грозить, так не на шутку,

Коль ругнуть, так сгоряча,

Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,

Коль карать, так уж за дело,

Коль простить, так всей душой,

Коли пир, так пир горой!

Ключевский отмечает, что условия жизни убедили русского, что «надобно дорожить ясным летним рабочим днем, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и в пору убрать с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжении вынужденного осеннего и зимнего безделья».

«К числу первичных, основных свойств русского народа принадлежит выдающаяся доброта его,- пишет Н.О.Лосский. — Она поддерживается и углубляется исканием абсолютного добра и связанной с нею религиозностью народа»

Лосский возражает тем, что приписывает русскому народу женственную природу. «Это неверно: русский народ, особенно великорусская ветвь его, народ, создавший в суровых исторических условиях великое государство, в высшей степени мужественен; но в нем особенно примечательно сочетание

мужественной природы с женственной мягкостью. Кто жил в деревне и вступал в общение с крестьянами, у того, наверное, всплывут в уме живые воспоминания об этом прекрасном сочетании мужества и мягкости».

Находясь между двумя культурами — Западной и Восточной — и впитывая их, Россия объединила восточное подчинение индивида родовому клану, общине и западный индивидуализм, уважительное⁴ отношение к личности. Эти два культурных начала были синтезированы в идее соборности.

В русской философии идея соборности разрабатывалась А.С.Хомяковым, И.В.Киреевским, Ю.Ф.Самариным, К.С.Аксаковым и многими другими мыслителями.

Хомяков А.С. разрабатывал соборность как ценность русской культуры в противовес католицизму и протестантизму. По его мнению, католицизм требует от индивидуального сознания покорности и послушания церкви, не развивает в личности познавательной работы и даже подавляет ее. Одновременно он отвергает и индивидуализм, к которому склоняется протестантизм, объявляющий индивидуальный разум вполне способным к познанию истины. С точки зрения Хомякова, для того, чтобы достичь «истинного знания, нужно «соборование» «многих», нужна общая, согреваемая а освещаемая любовью познавательная работа».

Соборность предполагает нравственную общность коллектива, подчиненную интересам церкви, религии. Только такая нравственная общность может служить основой, опорой индивидуальных действий.

Самарин Ю.Ф. понимает соборность как отказ личности от своего полновластия и ее сознательное подчинение религиозной общине, вере в индивидуальное отношение Бога к каждому отдельному человеку. Такая вера не разъединяет, а соединяет людей, направляет их в сторону общей нравственно-практической жизни.

Аксаков К.С. выступает за органическое включение личности в русскую общину, в которой она свободна, как хорист в хоре. Аксаков за развитие социальной сферы, которую он противопоставляет государству. Соборность не нуждается в правовом регулировании отношений между членами общины. Общая нравственная жизнь вполне достаточна для достижения справедливости.

Трубецкой С., развивая идеи Хомякова и Киреевского, выдвинул положение о «соборной природе сознания». Его известная формула гласит: мы, люди, во всех актах (теоретического и морального характера) «держим внутри себя сбор со всеми».

Длительное время в систему ценностей русской культуры официально включались «православие», «народность» и «самодержавие».

В истории России православие сыграло исключительно большую роль. Оно сплачивало русских людей в борьбе с татаро-монгольским игом. Защита «святой Руси» от «поганых» была делом чести и славы.

Разгром Золотой Орды укрепил позиции православия. Оно все больше превращалось в духовный стержень поднимающейся нации. С ним русские люди связывали свои надежды на воссоединение всех восточно-славянских территорий. Им измеряли свою духовную самобытность. В нем видели источник государственной силы.

Обращаясь к Василию III, псковский инок Филофей писал, что два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать. Рим и Византия потерпели поражение потому, что они изменили духу православия. Религиозная непоколебимость Москвы — гарантия ее политического величия и силы.

Православие отличается большой терпимостью к другим верам. В самом начале XVI в. Боярская дума разрешила строительство протестантской кирхи в Москве. Несколько позднее Боярская дума дала разрешение и на строительство католического костела вблизи от царского дворца. В XIX в. в Петербурге функционировали католические, протестантские, армянские церкви, а в XX в. там уже были сооружены буддийский храм и мусульманская мечеть.

Такая веротерпимость православия зиждется на идее соборности. «Соборное единение различных народов предполагает возможность взаимопроникновения национальных культур. Как аромат ландыша, голубой свет и гармоничные звуки могут наполнять одно и то же пространство и сочетаться воедино, не утрачивая своей определенности, так и творения различных национальных культур могут проникать друг в друга и образовать высшее единство».

Характеризуя народность как ценность русской культуры, Хомяков отмечал, что, «признавая принцип народности, мы только признали то понятие, что он лежит в основании всякой полезной, на пользу всего человечества, деятельности; или говоря более точно, всякая частная деятельность как личная, так и народная, общечеловечески полезна, лишь когда она проникнута народной индивидуальностью: всякое же искание общечеловеческого, достижимого, будто бы, помимо народного, есть самоосуждение на бесплодие».

Народность предполагает любовь к своему народу, единство духовное и практически-политическое с ним. В русской культуре народность гармонически сочетается с патриотизмом и национализмом. Характеризуя соотношение народности и национализма в русской культуре, И.А.Ильин писал: «Творческий человек творит всегда от лица своего народа и обращается прежде всего и больше всего к своему народу. Народность есть как бы климат души и почва духа, а национализм есть верная, естественная тяга к своему климату и к своей почве».

На протяжении тысячелетней истории в России сложилась определенная форма жестко централизованной авторитарной власти. Самодержавие вполне вписывалось в систему ценностных ориентации русского человека, но оно противоречило демократизму и законности. Как ценность самодержавие не могло быть базой для разработки юридических норм, ограничивающих произвол царя и

помещиков.

Но политический опыт русского народа нельзя сводить к самодержавию. Этот опыт более богатый. Послушаем П.А.Сорокина, который считает, что изобретательность русской нации «в политической и военной областях выразилась в ее способности устанавливать политический режим, наиболее подходящий для защиты своей независимости и национальных ценностей, а также в способности изменять существующий режим, в случае потери его жизнеспособности, на более подходящий, отвечающий изменившимся условиям. С момента своего возникновения эта нация имела и испытывала в различные периоды своей истории все виды политической организации: монархическую и республиканскую, демократическую и самодержавную и другие, включая режим Советского Союза».

Самодержавие никогда не имело абсолютной ценности. Крайне тяжелые условия развития России требовали централизации и концентрации политической власти в одних руках. Часто такая централизация оборачивалась для русской культуры самодурством а произволом монархов. Иван IV, Петр I, Анна Иоанновна, Николай I прославились своим деспотизмом, нарушением традиций русской культуры.

Русская культура жила идеалом «народного царя», способного пострадать за интересы нации, организовать отпор внешнему врагу и защитить народ от произвола чиновников. Известный славянофил К.Аксаков выступал против ограничения самодержавной власти царя, будучи в то же время сторонником свободы индивида. Он упрекал правительство за подавление «нравственной свободы народа и деспотизм, который привел к нравственной деградации нации». Он предостерегал Александра II, что крайние меры могут сделать в народе популярной идею политической свободы и породить стремление к достижению свободы революционным путем. Ради предотвращения подобной опасности Аксаков советовал царю даровать свободу мысли и слова, а также вернуть к жизни практику созыва земских соборов.

Самодержавие изжило себя в системе русской культуры. «В нашем столетии неумелая и устаревшая самодержавная монархия была преобразована в 1901—1908 гг. в конституционную монархию; в 1917 г. монархия была заменена демократическим режимом; республиканский режим сменил Союз Советских Социалистических Республик, который постоянно подвергается изменениям, вплоть до настоящего времени»

Предсказания П.Сорокина об изменении режима СССР оправдались в начале 90-х годов нашего столетия. Россия восстановила свой суверенитет и республиканский строй.

3. Искусство в системе русской культуры

Характеризуя особенности русской нации, Н.О.Лосский писал: «Русский народ поражает многосторонностью своих способностей. Ему присуща высокая религиозная одаренность, способность к высшим формам опыта, наблюдательность, теоретический и практический ум, творческая переимчивость, изобретательность, тонкое восприятие красоты и связанная с нею артистичность, выражающаяся как в повседневной жизни, так и в творении великих произведений искусства»

И художественная культура русского народа развивалась в диалоге с Востоком и Западом как самобытное творчество духовно одаренного этноса, остро воспринимающего красоту природного мира и человеческих отношений.

На Руси всегда уделяли большое внимание строительству религиозных храмов. Это строительство усилилось в XVI в. Московские власти охотно шли на приглашение иноземных мастеров, обладавших значительными познаниями в архитектуре. П.Солари и М.Руффо построили Грановитую палату. Алевиз Новый соорудил усыпальницу Московских государей — Архангельский собор. Но все эти архитектурные шедевры создавались с учетом русских традиций. Опыт итальянских мастеров обогатил местных строителей, но не изменил их почерк, художественное видение.

То же относится и к русской живописи. Начав с подражания византийским иконам, русские мастера создали совершенно уникальное явление в истории мирового искусства — русскую икону. В ней нет западноевропейской экспрессии. Она наполнена светлым и глубоким религиозным чувством. Для русских иконописцев совершенно не важно выражение собственного «я». Не случайно мы знаем имена только самых выдающихся мастеров иконописной живописи. Не для прославления себя, а для возвышения нравственных устоев народа творили они, расписывая иконостасы и стены храмов.

Те же тенденции обнаруживаются и в творчестве писателей и поэтов. Воспитательный характер русской литературы несомненен. В ней нет назидательности и менторства. Она целиком посвятила себя культивированию в русском народе доброты и правды. Вспомним А.С. Пушкина:

И долго буду тем любезен я народу,

Что чувства добрые я лирой пробуждал,

Что в мой жестокий век восславил я свободу

И милость к падшим призывал.

Культивирование высокой нравственности и художественности, справедливости и правды в русской литературе тесно связано с обличением невежества, жестокости, бюрократизма и произвола. Горячим сторонником самобытности России был славянофил Хомяков. Однако это не помешало ему бросить

гневный упрек стране и существовавшим в ней обычаям и порядкам:

В судах черна неправдой черной

И игом рабства клеймена;

Безбожной лести, лжи тлетворной,

И лени мертвой и позорной,

И всякой мерзости полна!

За искоренение из русского народа мерзости и рабской лести боролись лучшие представители художественной интеллигенции.

Русская литература дала миру таких гигантов художественного слова и общечеловеческой нравственности, как Л.Н.Толстой и Ф.М.Достоевский. Толстого прославили не только «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресенье», «Крейцера соната» и другие, но и нравственно - философские размышления. Его исповедь потрясла мировую общественность. Современная цивилизация лжива, надо отказаться от ложных ценностей культуры. Культ насилия Толстой противопоставляет культ ненасилия. Толстовский лозунг непротивления злу насилием приобретает общечеловеческое звучание. По всему миру у него оказываются друзья и последователи.

Заслугой Толстого является его мысль о том, что современная культура теряет свой нравственный фундамент и рассыпается на части, которые не подчинены благу человека, а часто оказываются враждебными людям. «Наука и философия трактуют о чем хотите, но только не о том, как человеку самому быть лучше и как ему жить лучше... Современная наука обладает массой знаний, нам не нужных, — о химическом составе звезд, о движении солнца к созвездию Геркулеса, о происхождении видов и человека и т.д., но на вопрос о смысле жизни она не может ничего сказать и даже считает этот вопрос не входящим в ее компетенцию».

Не меньшую славу принес русской литературе и Ф.М.Достоевский. Его роман «Братья Карамазовы» известен во всем мире. В нем, в частности, раскрывается диалектика души человека, диалогичность добра и зла в самой основе сознания личности. Человек в своей основе свободен, но в ней он должен самоутвердиться. И без нравственного ориентира такое самоутверждение не может состояться.

«Основная тайна человека в том и состоит, по Достоевскому, что он есть существо этическое, что он неизменно и непобедимо стоит перед дилеммой добра и зла, от которой он не может никуда уйти: кто не

идет путем добра, тот необходимо становится на путь зла. Эта этическая сущность человека, основная его этическая направленность есть не предвзятая идея у Достоевского, а вывод из его наблюдений над людьми».

Таким образом, русская литература глубоко антропологична. В ее центре не развлекательные сюжеты и детективные истории, а трагедия и сущность человека, поиск смысла и оправдания личностного бытия.

В «Истории русской музыки» отмечается: «Русский народ отличается исключительной музыкальностью. Поэзия и музыка — в частности, песня — занимают в его жизни большое место. Песня сопровождала все основные моменты жизни русского крестьянства». Колыбельная песня, причитания при похоронах, свадебные песни, песни ямщиков, богатырский эпос, исторические песни, а также частушки, хороводные, плясовые и игровые песни — таков набор музыкального народного творчества.

Выражая существо русской культуры, образа жизни и быта, народная песня глубоко западает в душу, чарует и не отпускает ее, куда бы не заносила судьба русского человека. Трудно об этом сказать лучше, чем это сделал Н.В.Гоголь: «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросано и неприятно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства, города с многооконными, высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные деревья и плющи, вросшие в дома, в шуме и в вечной пыли водопадов; не опрокинется назад голова посмотреть на громоздящиеся без конца над нею и в вышине каменные глыбы; не блеснут сквозь наброшенные одна на другую темные арки, опутанные виноградными сучьями, плющом и несметными миллионами диких роз, не блеснут сквозь них вдаль вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные, ясные небеса. Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит а не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря и до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу и выются около моего сердца?».

Было бы странно, если у такого народа не сложилась великолепная классическая музыка. Глинка, Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков, Чайковский, Глазунов, Скрябин, Прокофьев — все это звезды первой величины мирового музыкального искусства.

Известны всему миру и достижения русского балета. Неизгладимый след в этом виде искусства оставили Павлова, Т.Карсавина, Нежинский, Г.Уланова, Е.Максимова и В.Васильев. На их мастерство равняются артисты балета всего мира. Русский балет стал своеобразным эталоном совершенства и артистизма.

Оценивая в целом духовную культуру русского народа, П.Сорокин в 1967 г. писал: «В науке,

философии, религии, этике, праве, литературе, музыке, живописи, театре и других областях культурного творчества русская нация сейчас занимает второе место среди всех наций и народов»

Конечно, сохранить и приумножить достигнутое далеко не просто. Не раз русская нация оказывалась в критической ситуации. Но тем и сильна русская культура, что она не позволяла россиянам утратить самобытность и самостоятельность, свободолюбие и патриотизм, творческий дух и доброту. Блок, выбрав символом России русскую женщину, в поэтической форме выразил самосознание русского человека:

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!
Пускай заманит и обманет,-
Не пропадешь, не сгинешь ты
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...
Ну, что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней.
А ты все та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И здесь необходимо отметить еще одну черту русской национальной культуры — ее оптимизм. Этот оптимизм основан на ясном уме и замечательном мужестве. Такая культура смело может смотреть в XXI в.

1. Спор о технике и его значение для культуры XX в.

Вряд ли кто усомнится в том, что техника лежит в основе культуры. Человек обязан ей своим становлением. Хотя технические устройства — природные тела, все они суть материальные ценности. Каждое из них обладает полезностью, которая не падает с неба, а формируется мастером. И вследствие этого оно не только явление культуры, но и мера культурного развития общества.

Кроме того, техническое устройство — инструмент целесообразной деятельности человека. Гегель писал: «Средство есть объект, находящийся на стороне цели и содержащий ее деятельность».

Прогрессируя, техника определила культурный образ жизни человека. Она содействовала повышению эффективности трудовых усилий работника и рационализации хозяйственного и бытового уклада.

Положительная роль техники была зафиксирована еще в античном обществе. Демокрит отмечал, что когда «ничего полезного для человека не было изобретено», люди вели трудную жизнь. По мнению древнеримского мыслителя Лукреция, общество обогатили нововведениями те, кто «даровитее был и умом среди всех выделялся»

Техника детерминировала развитие и общественных отношений, влиявших на формирование социальных качеств граждан. Не природа, а общественное отношение делает одного рабом, а другого — рабовладельцем. Так надо ли только расхваливать технику?

Древнегреческий мудрец Диоген Синопский говорил, что первые люди были счастливы жить в девственной природе. «Последующим поколениям не принесли пользы для жизни ни их хитроумие, ни многочисленные изобретения, ни их машины».

Таким образом, уже в античном обществе обнаружилось, что исторический путь, на который вступил человек, полон риска и достаточно извилист и что крупные повороты социальной истории способны преподносить неожиданные сюрпризы.

Не вдаваясь в вопрос, как социальные отношения могут влиять на использование техники, Аристотель высказал ряд глубоких соображений о ее принципиальных, как бы врожденных, отличиях. Автор «Метафизики» различал: а) божественную деятельность; б) бессознательное осуществление цели (понятия), когда форма и материя не отделены друг от друга; в) искусство, ремесло, когда творец и материя отделены друг от друга, а продукты созидания — нечто внешнее по отношению к творцу.

Аристотель зафиксировал глубокое различие между природой и техникой. Естественные объекты возникают сами по себе, в результате реализации заложенных в природе возможностей. Часть своих

возможностей природа сама по себе не может реализовать. А самое главное, продукты ее эволюции, стихийного и целесообразного процесса не отделены от нее самой, а принципиально включены в ее структуру. Все, что не укладывается в ее локальную систему, отсеивается.

Иное дело социально-исторический процесс. «Искусство в одних случаях завершает то, что природа не в состоянии произвести, в других же подражает ей». И то, что человек оказывается способным завершать то, что природа не может сделать, таит в себе огромную опасность. Конечно, этого Аристотель еще не видел, не довел он до конца и свою глубокую мысль о завершении человеком природных потенций.

Закон рычага объективен, но в природе он не выражен в отдельном, специализированном инструменте, взаимодействующие части которого делают его весами, мачтой парусника и т.д. Природные тела могут выполнять функцию рычага, но они далеко не совершенны в этой функции, в выражении закона рычага.

Человек же своим мастерством превращает физические законы в «совершенную объективность». Закону статической подъемной силы он придал предметность монгольфьера, а динамической — самолета. Целостность взаимоограничивающих, определяющих и дополняющих друг друга компонентов придает конструкции нужную устойчивость, эффективность, рациональность, функциональную полезность и относительную самостоятельность. Именно это и осознал в полную меру Гегель: процесс «конечного познания и действия превращает вначале абстрактную всеобщность в целокупность, благодаря чему она становится совершенной объективностью».

Именно это «врожденное» свойство техники и позволяет ей быть, по словам Аристотеля, «внешним по отношению к творцу». В природе этого нет. В природе естественная автономность структурно связанных явлений не делает ее искусственной, культурной, целесообразно функционирующей ради достижения целей, внешних для биологических, химических и физических процессов. И это «врожденное» свойство техники не следствие ее природной фактуры. В природе, как утверждал Аристотель, форма и материя не отделены друг от друга. В социально-историческом же процессе форма — нечто относительно внешнее для материала. Формообразованием занимается мастер. Он навязывает природной фактуре конструкцию, полезность, ценность. Форма и материал оказываются разведенными по разные стороны объективного процесса, единство этого объективного процесса оказывается принципиально нарушенным.

И наконец, формообразовательный процесс имеет собственное основание. Это духовные и физические потенции творца, предмет труда и средства. Конечно, в это основание входят и социальные отношения. Когда речь заходит о творце, то его следует понимать не просто как сгусток интеллектуальной и физической энергии, а как выражение, проявление социальных отношений, социально-исторического, культурного мира.

Собственное основание формообразовательного процесса, с одной стороны, открывает безграничные перспективы для социального прогресса, но с другой — таит все возрастающую опасность.

Формообразование затрагивает не только предмет труда. Сам мастер становится культурной ценностью и, совершенствуясь в своем искусстве, способен под влиянием общественных потребностей конструировать все более дерзкие для природной материи творческие формы. Именно это чудесное свойство мастера и обнаружил Аристотель, когда писал: «Если бы каждое орудие могло выполнять свойственную ему работу само, по данному ему приказанию или даже предвосхищая...; если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были бы рабы».

В этом высказывании Аристотеля и великая мечта, и заказ на проектирование автоматизированной техники, и вера в безграничные возможности культуры.

Итак, человек, создав технику, получил возможность менять условия своего существования и меняться сам. При этом он стал основоположником принципиально нового объективного процесса — культурного, когда форма и материал оказались в разных руках (человека и природы), а изделия мастера обрели собственную основу и получили возможность функционировать наряду с человеком и в определенной степени дистанцироваться от природы.

Все эти последствия технического прогресса не могли не стать предметом дальнейшего культурологического анализа, который, разумеется, следовал за изобретательством и стал особенно интенсивным, когда обозначился культ техники. Подчиняется ли деятельность человека структуре природного мира или же она автономна и человек может, уверовав в хитрость своего разума, наделать глупостей в отношении природы, в чем особенность тех возможностей, которые сама природа не в состоянии реализовать, и является ли человек адекватным дополнением этих возможностей — все эти вопросы постепенно встали перед культурологией в последующие столетия.

Если техника — законное достояние всей культуры, каждый народ в той или иной степени создал соответствующие своим возможностям и потребностям технические средства, то только западноевропейская культура обогатила себя культом техники. Культ техники готовился на протяжении ряда столетий. Роджер Бэкон, Френсис Бэкон, Р.Декарт, французские материалисты XVIII в. и многие другие сулили обществу и господство над природой, и материальное благополучие, и здоровое существование и т.д., если оно возьмет на вооружение формулу «знание — сила», познает законы природы и материализует их в разнообразных машинах.

Культ техники укоренился в обществе в результате технической революции конца XVIII — начала XIX в. Машина стала идиолом для западноевропейского политика и обывателя. Одним из первых сделал из нее абсолютного героя французский философ А.Бергсон. «Через тысячи лет, когда прошлое отодвинется далеко назад и будет вырисовываться только в главных своих очертаниях, наши войны и наши революции покажутся совсем незначительной вещью, — если допустить, что еще будут вспоминать о них,

— но о паровой машине со всеми сопутствующими ее изобретениями будут, может быть, говорить как мы говорим о бронзе и тесаном камне: она послужит для определения эпохи».

Первая техническая революция вызвала к жизни и целую армию инженеров, которые объективно стали выполнять роль жрецов технического бога. Техническая грамотность стала теснить художественную литературу, живопись и музыку. В развитых странах появились мощные политехнические институты, ставшие своеобразными храмами культа техники.

Культ техники породил многочисленную философскую литературу, в которой нашло свое отражение противоречивое отношение общества и к самой технике, и к ее культу. Спор о технике фактически начал Э.Капп, автор книги «Основы философии техники». Он придерживался антропологического подхода к проблеме и полагал, что машина — это счастливая проекция человеческого организма.

Свою метафизику машины Капп построил на убеждении, что биологическая эволюция — творческий фактор становления человека. Взаимодействие целостности организма и его органов лежит в основе эволюции. В конце концов активность природной души, воплощающейся в функциональной целостности организма, достигает некоторой критической отметки и начинает экспансию вовне. Техника — это и есть органопроекция, знаменующая собой возникновение человека.

Конечно, с некоторой натяжкой можно органопроекцию трактовать как начало культуры, так как Капп делает акцент не на том, что техника включена в природу, а на том, что она возникает из нее как качественно новое реальное состояние. Но только в этом случае сам культурный процесс надо понимать как ступень жизненной силы. Именно витализм и оттолкнул от него многих культурологов.

Социально-культурную роль техники Капп преувеличивает. Для него инженерные новации — абсолютное лекарство от всех болезней, а паровые машины даже возглавляют штурм грозного замка, в котором укрываются рыцари насилия, и способны сами по себе разрушить систему крупного капитала, возродить традиционное производство и гарантировать успех мелкому предпринимателю.

Оценку техники с позиций культуры продолжил А.Дюбуа-Реймон. В своей книге «Изобретение и изобретатель» он поставил вопрос о соотношении общественных потребностей и явлений природы. Между ними предустановлено частичное совпадение, инвентат. Инвентат — это источник изобретений. В изобретении или для существующей общественной потребности открывается соответствующее явление природы, или же существующее явление природы, выражаясь в конструкции, обогащает общество новой потребностью.

Дюбуа-Реймон полагает, что инвентат — это объединяющее общество и природу начало. Но в природе могут быть явления, которые в принципе неиспользуемы для техники, а в обществе — потребности, навечно осужденные быть несбыточной мечтой.

В данном случае Дюбуа-Реймон изменяет существу формообразующей деятельности. Абстрактно

говоря, человек способен все использовать для удовлетворения своих потребностей. В самой природе на это ограничений нет. Ограничения, как учит современная история, должна диктовать культура. В противном случае в погоне за технизацией природы человек неминуемо погибнет.

Не так прост, как представляется автору книги «Изобретение и изобретатель», и вопрос об общественной потребности. Культура повлияла на потребности людей. Из объективных они в определенной степени стали трансформироваться в субъективные. Полезность, престижность, прихоть и каприз деформирующим образом воздействовали на мотивы изобретательства. Культура не обнаружила в себе механизма запрета на политические амбиции, национальный и классовый эгоизм, потребительство и погоню за престижем и модой. Культурные запреты смогли бы избавить общество от многих бесполезных и вредных технических изделий.

Идея Дюбуа-Реймона о предустановленной гармонии между общественными потребностями и явлениями природы натолкнула Ф.Дессауэра на мысль о том, что в технике реализуются божественные планы. В своей обобщающей книге «Спор о технике» он объявил культуру продолжением божественного акта творения. Инженер доделывает то, чем Бог не стал заниматься. Существуют, так называемые, заранее установленные, предопределенные (престабилизированные) идеи, которые образуют фундамент культурной миссии инженера.

Попытка Дессауэра в споре о технике опереться на Платона и Августина Блаженного поставила его в понимании технического прогресса ниже Аристотеля. Малоубедительна его апология культа техники ссылкой на то, что «Бог находится в машине, в шахте, в лекарстве, в самолете, в любом техническом создании можно найти его».

Дессауэр в своем понимании техники так и не нашел горячих поклонников. Наоборот, его оппоненты обвинили его в идеализме, а также в дискредитации Бога, якобы ответственного за атомную бомбу.

Метафизический спор о технике продолжил М.Хай-деггер. Он отверг технику в качестве человеческой деятельности и ее инструмента. С его точки зрения, техника — вид раскрытия, обнаружения чего-то сокрытого в природных вещах. Простое наличное бытие, т.е. существующие сами по себе природные явления, есть несовершенный вид подручности, т.е. созданных человеком изделий, предназначенных служить ему. Человек своей озабоченностью поднимает существующее до уровня подручного, инструмента, обнаруживая в наличном существенное, совершенное.

В таком способе раскрытия еще нет ничего опасного для человека. Он содержит лишь произведение инструмента. Но люди не довольствуются им и попадают под власть производяще-добывающего раскрытия потаенного. В результате этого они создают машины, с помощью которых человек, по мнению Гегеля, обманывает природу, и обман мстит обманщику. В машине человек заставляет природу работать на себя, и это не остается безнаказанным.

Машинная техника — это состояние-в-наличии. Этим термином Хайдеггер называет техническое устройство, готовое к выполнению некоторой функции. Самолет готов транспортировать пассажиров. Атомная бомба — произвести разрушения. И т.д.

Производяще-добывающее раскрытие потаенного образует, по мнению Хайдеггера, сущность техники. Ее Хайдеггер называет Ge-stell. Гештель — это понятие, обозначающее сущность техники, захватывающей человека, подчиняющей его себе. Человек сам оказывается затребованным и обезличенным машинной техникой.

Идеи Хайдеггера перекликаются с тем, что в свое время говорил Аристотель. Техника материальна, обладает особым онтологическим статусом. С одной стороны, она природное тело, но с другой, — социальная полезность. Оставаясь культурной ценностью, машинная техника во все большей степени реализует природные потенции.

Природа не создает кентавров, в ней форма и материал едины. С самыми лучшими побуждениями человек пытается обмануть природу, навязать ей такую форму, которая чужда ее естеству. Но физико-химическое содержание природных процессов нельзя формально изменить. Через технику в социально-исторический процесс врываются радиация и микроволновая вибрация, агрессивность химических реакций и электромагнитные поля. При этом перевод природных потенций в мир человека *ib*s техничен, а социален. И этот перевод не прихоть человека, он онтологически предопределен. Природные потенции можно актуализировать лишь с помощью техники. Как покоряющие души людей силу золота можно перевести из сферы сокрытости в сферу истины только с помощью меновых отношений, так и силу пара, электричества и т.д. можно ввести в предметный мир человека с помощью конструирования соответствующих деталей, узлов и механизмов. В своем взаимоограничении, определении и дополнении технические компоненты и превращаются в кентавров, получеловека, полулошадь, воплощение неводержанности, бездуховности и буйства. И человек оказывается затребованным в этот полуестественный, полуискусственный мир. И не он хозяин этого мира, его человеческая сущность испытывает страх и беспокойство.

Включая в социально-исторический процесс природные силы, человек не может с уверенностью сказать, что он культурно адекватен этим силам. В природе подобная ситуация невозможна. Все, что стихийно реализуется в естественном царстве, адекватно природной системе. Стихийное конструирование природой ядерных процессов регулируется природной системой. Всему свое время и место. Естественные на Солнце, термоядерные процессы на Земле превращаются в состояние-в-наличии, ждущее своего часа, хотя для них уже давно прошло время и им нет места на нашей планете.

Включение в социально-исторический процесс атомной энергии группой американских физиков не дополнялось адекватно подготовленным человеком. В социально-культурном отношении общество и до

сих пор не готово к безопасному для людей использованию атомной энергии. И атомная техника стала без вины виноватой.

Таким образом, Хайдеггер по-своему объясняет, что далеко не все нереализованное природой безопасно для человека. Многим потенциям природы в социально-культурном плане человек просто не адекватен. И сам способ перевода природных сил в общественную жизнь — своеобразный вызов ему и судьбе, от которой он не может уйти. И в этом отношении человек в зависимости от техники, хотя ему кажется, что он ее создатель и хозяин. «Опасна не техника сама по себе. Нет никакого демонизма техники; но есть тайна ее существа. Существо техники как миссия раскрытия потаенности — это риск»

В дальнейшем в спор о технике включились последователи и поклонники критического рационализма и философской антропологии. С нападками на сущностный подход к технике выступили С.Мозер и Г.Ленк. По их мнению, не надо спорить по метафизическим проблемам машины. Философия должна быть прагматичной, помогать опытно-конструкторским разработкам и держать технический прогресс в рамках научной разумности.

Несколько по-другому к технике подходят сторонники философской антропологии. В книге «Творчество инженера. К философии техники» А.Хунинг в какой-то мере возрождает Каппа, утверждая, что техника носит антропологический характер, выражает волю к жизни и власти и должна в конечном счете стать саморегулируемой, как бы воспроизвести своего создателя.

Высказывая свое понимание техники и комментируя ее отношение к культуре, Хунинг отмечает необходимость «параллельного или опережающего развития общечеловеческого духа и человеческой души». Только так человек всегда будет социально-культурно подготовлен к техническим новшествам, избежит разрушения своего здоровья и наследственности и решит экологические проблемы. «Возможности техники связаны с совершенствованием человека и его окружающего мира. В этом согласны Дессауэр и Маркс»

Итак, спор о технике исключительно полезен для мнения существа культуры. Само возникновение культуры неразрывно связано с техникой. Техника лежит в основе культуры и является культурной ценностью.

Техника — это особое явление культуры, это сформированная мастером природная материя. Тем самым объективный процесс как бы раздваивается на естественный и культурный. Естественный характеризуется единством формы и материала; культурный же — их разрывом. Форма оказывается на стороне человека, субъекта, а материал — на стороне природы, объекта. Беря на себя ответственность формирования природной материи, человек вступает на рискованный путь развития. Созданные инженером устройства — «нечто внешнее по отношению к творцу» (Аристотель), обладающее своими законами функционирования, с которыми вынужден считаться их создатель. Искусственно созданные

материальные устройства, объекты, цивилизация набирают силу и становятся в определенном отношении чуждыми человеку, его культуре.

Техника — это социально полезная функциональная целостность. Ее компоненты, взаимодополняя, ограничивая и определяя друг друга, образуют ее основу со всеми вытекающими отсюда последствиями. Техника — это «совершенная объективность», обладающая собственной основой, позволяющей как бы самосовершенствоваться, модифицироваться, перестраиваться, оптимизироваться и т.д. В свою очередь, «совершенная объективность» — это и есть мастерство, искусство, культура. Таким образом, культура оказывается внутренне противоречивой; ее успехи одновременно ее же слабость и риск.

«Совершенная объективность» пьянит головы недальновидных, лишенных подлинной культуры политиков, экономистов, философов. Культ техники обнаруживает неадекватность социально-культурного развития человека его индустриальной мощи.

Не менее страшный провал в культуре обнаруживается в тот момент, когда техника приходит в острое противоречие природой человека. Заложенный в культурном развитии разрыв между формой и материалом в полную меру обнаруживает себя в экологическом кризисе. Человеческий разум хитер, но природа мудра. В естественном процессе форма и материя не отделены друг от друга, и поэтому в ней невозможны кентавры, способные погубить самих себя.

«Вопрошание есть благочестие мысли». Эти слова принадлежат Хайдеггеру, и в них заложен глубокий смысл. Только озабоченный благочестив в своих мыслях и достоин быть человеком.

Хайдеггер напоминает слова любимого им поэта Гельдерлина: «Но где опасность, там вырастает и спасительное».

Немецкий философ Г.Глокнер спасительное видел в природе. «Сила не у нас. Мы только пользуемся ею, и это возлагает на нас тяжелую ответственность. Но даже в том случае, когда мы все начинаем разрушать, вечные законы сохраняют бытие от впадения в хаос. Для техника, равно и для философа, в этом скрыто глубокое чувство успокоения».

Вряд ли спасительное следует связывать с вечными законами природы, с убеждением, что природа неуничтожима и вечна. Опасность в самой культуре, и спасительное следует искать в ней же. Общество должно отказаться от абсолютизации субъективно-объективного отношения в своей научной и практической деятельности. Его следует дополнить принципом выживания, что требует как внесения в культуру запрета на многие инженерные проекты, так и экологизации всей техники. Культ техники должен быть существенно ограничен.

Особенно опасен он в научно-техническом познании, инженерном проектировании и техническом творчестве. Техническая грамотность населения необходима, но техническое творчество должно изменить свою мировоззренческую направленность. Как земледелие нуждается в биологизации, так и техническое

творчество – в экологизации, в природной мудрости, исключаящей отдельные формы и материи друг от друга.

2. Экология и экологическая культура

В культурологии уже давно зафиксировано, что непосредственный источник забот, тревог и мучений человека лежит не вне его, а в нем самом, не в среде обитания, а в дисгармонии между потребностями, способами и возможностями их удовлетворения. И потребности часто оказываются недостаточно культурными, и способы их удовлетворения бывают малокультурными и просто варварскими, и возможности удовлетворения стихийно растущих потребностей безграничны. В конечном счете обнаруживается, что социокультурные программы постоянно завышены и не имеют естественных тормозов, а в своей биологии человек намертво привязан к природе и биологическое в человеке не выдерживает социокультурных капризов и прихотей. И тогда становится ясно, что эти капризы и прихоти — выражение не культуры, а малокультурности людей, их социального эгоизма и исторической ограниченности. И вся тяжесть борьбы за будущее общества таким образом переносится в сферу субъективного. В настоящее время эта борьба разворачивается по линии формирования экологического сознания, разработки экологических принципов управления современной цивилизацией и ревизии культурных ценностей в соответствии с рекомендациями экологической науки, оптимизации культурных ценностей под воздействием экологического кризиса.

Экология — наука, изучающая связи между живыми существами и окружающей средой. Ее интересует эволюция экосистем и биосферы в целом. С середины 20-х годов XX в. она оформилась как основа рационального природопользования и охраны живых организмов. А в конце XX в. складывается и социальная экология, изучающая закономерности взаимодействия общества и окружающей среды, а также практические проблемы ее охраны. Одним из ее разделов стала экологическая этика, значение которой для культурного развития человечества непрерывно возрастает.

Как наука экология опирается на ряд понятий. Среди этих понятий ведущее место занимает биосфера. Биосфера — это область активной жизни, включающая в себя как живые организмы, так и среду их обитания. Биоценоз — совокупность растений, животных и микроорганизмов, населяющих данный участок суши или водоема и характеризующихся определенными отношениями между собой и приспособленностью к условиям окружающей среды. Непременным участником биосферы и биоценоза является человек.

Человек занимает достаточно определенное место в биосфере и образует своеобразную вершину биоценоза. Он не может не пользоваться дарами растительного и животного миров и своей производственной деятельностью вносит существенные изменения в биосферу и особенно в биоценозы

тех регионов Земли где сосредоточены центры его промышленной и сельскохозяйственной деятельности. Создав современную индустрию, человек поставил биосферу в трудное положение.

Расселение человека на Земле сопровождалось его адаптацией к различным ландшафтам. Ландшафт понимается как природный территориальный комплекс, характеризующийся рельефом, климатом, растительным и животным мирами и т.д. Ландшафт — это своеобразная природная система, структуру которой определяют процессы обмена веществом и энергией. В настоящее время ландшафты носят преимущественно антропогенный характер. Своей целенаправленной деятельностью человек значительно изменил лик природы на нашей планете.

Выделившись из природы, человек создал собственный мир, называемый социосферой, в которую входят как техносфера, так и общественные отношения и духовные ценности. Но он не утратил, да и не мог утратить, своей связи с природой. Это фиксируется в понятии антропосфера, включающем в себя созданную людьми технику, домашних животных и культурные растения.

Составной частью антропосферы является агросфера. К ней относятся почвенное плодородие, агробиоценоз, набор домашних животных и культурных растений, их генетический потенциал, структура землепользования и т.д. Агросфера — это та часть биосферы, которая освоена человеком и превращена им в средство своей производственной деятельности. Центральное место в агросфере занимает агробиоценоз — сообщество растений, животных и микроорганизмов, созданное и регулярно поддерживаемое человеком для получения сельскохозяйственной продукции.

Формирование культуры связано с земледелием. Обработывая землю, окультуривая растения и получая урожай, человек невольно противопоставлял себя природе и оценивал свою деятельность и ее результаты как культуру. Но уже в древности обнаружилось, что культура каждого народа, развиваясь традиционно, соответствует ландшафту, природному региону проживания этноса. Привнесение в нее чуждых традиций опасно для ландшафта. Вот как Л.Н.Гумилев описывает последствия экспериментирования захвативших Месопотамию правителей. В 582 г. до н.э. Царь Навуходоносор скрепил мир с Египтом женитьбой на царевне Нитокрис. Вместе с ней в Вавилон прибыла свита из образованных египтян. Нитокрис предложила мужу, не без консультации со своими приближенными, построить канал и увеличить орошаемую площадь. Царь-халдей принял предложение Царицы-египтянки, и канал был сооружен. Если бы Царем был местный житель, он понял бы, какие губительные последствия несет непродуманная мелиорация, либо посоветовался с земляками и отказался от проекта. Но царь был халдей, войско составляли арабы, советники были евреи. В результате земледелие было подорвано. Евфрат утратил нужную способность к самоочищению, аллювий оседал в оросительных каналах. К тому же начался быстрый процесс засоления почвы.

То, что в древности было неудачами отдельных народов, в наше время стало трагедией мировой

цивилизации. Научно-технический прогресс привел к тому, что в XX в. вся биосфера оказалась вовлеченной в жизнедеятельность человека и на планете вдобавок к геологическому и биологическому факторам сложился сравнимый с ними антропогенный. Антропогенный круговорот вещества и энергии навис Дамокловым мечом над механизмами естественной саморегуляции биосферы. Мировая цивилизация обнаружила свои слабости, свою неадекватность природе Земли.

Каждая страна имеет свои темпы прироста населения, но в глобальном масштабе срок, за которым происходит удвоение численности населения на планете, быстро сокращается. В неолите он составлял 2500 лет, в 1900 г. — 100, а в 1960 г. — 35 лет. А ведь человек — часть биосферы и живет ее продуктивностью, которая, к сожалению, существенно ограничена. У биосферы свои законы эволюции и механизмы регулирования численности популяций растений и животных. Так, формирование южно-русских черноземов заняло у биосферы от двухсот пятидесяти до четырехсот тысяч лет, а человек ухитрился их истощить за считанные десятилетия. Когда не хватало продуктов питания, биосфера предоставляла первобытным племенам возможность самостоятельно регулировать свою численность. Ландшафт становился ареной жестокости и насилия.

С годами человек нашел способы повышать продуктивность биосферы, и гуманизм стал его ведущим принципом. Казалось, что на этом пути у людей не будет проблем. XX век развеял эти надежды.

В современных условиях обозначился предел интенсивному воздействию на почву и растение. Рост урожаев в мире продолжался до 1984 г., а затем последовала их стабилизация вследствие истощенности ресурсов новых технологий и даже их снижение в результате ухудшения общей экологической обстановки. В США, например, загрязнение окружающей среды снижает урожайность на 5—10%.

Ограниченность продуктивности биосферы не единственное тревожное облако на общественном горизонте. К ней добавляются истощение почвенного плодородия и расхищение естественных богатств.

Деформация биосферы человеком колоссальна. Если для сноса 20 см почвы в лесу требуется 174 000 лет, то при монокультуре кукурузы — всего 15 лет. В настоящее время эрозия ежегодно уносит в США 2 млрд. тонн пахотной земли. Правительство Индии признало, что около 50% ее земель истощены, т.е. непригодны для использования в сельском и лесном хозяйствах или для каких-либо других целей. По оценкам экспертов, в 70-е годы нашего столетия по вине человека на земном шаре в общей сложности потеряны 5 млн. кв. км культурных земель.

Известный французский исследователь ЖДорст отмечает, что «деятельность человека всегда направлена на упрощение экосистем и утилизацию их продукции». Подобная практика, в частности, выражается в монокультурном ведении хозяйства и деформации экосистем, к подрыву биологической основы урожайности.

Свое малокультурное и просто варварское отношение к сельскохозяйственным экосистемам практики пытаются оправдать тем, что, во-первых, рано или поздно удастся наладить биотехнологическое, промышленное изготовление питательных веществ как для животных, так и для людей, а, во-вторых, можно покопаться в существующих видах растений и животных и найти среди них «много более полезных» человеку и «более высокопродуктивных»; чем те, которые он использует сейчас».

Человеку свойственно надеяться и переоценивать свои способности. Еще в конце XIX в. ученые считали, что не за горами химическое получение разнообразных таблеток, потребление которых заменит животную и растительную пищу. Завершается XX в., а продовольственная программа для человечества так и остается до конца нерешенной. Не постигнет ли такая же участь и надежды энтузиастов найти более высокопродуктивные виды растений? Во всяком случае, при всей полезности мечтать человеку приходится больше полагаться на реальные средства удовлетворения своих потребностей, чем на фантазии.

Возможности не тождественны действительности, а она такова, что получаемая планетой солнечная энергия практически полностью расходуется на фотосинтез, который достиг своего предела. Видимо, следует вспомнить о том, что культура содержит в себе не только культ разума и мечты, но и систему запретов, и распространить эту систему запретов на агрессивные, разрушительные, утилитарные, чисто потребительские импульсы человека в отношении биосферы. Одна из трагедий культуры состоит в том, что она способна трансформировать необходимость в эгоистическое желание индивида, сделать естественную необходимость прихотью и престижем.

Еще древнегреческие мудрецы советовали: «Во всем знай меру». Пора этот принцип культуры включить в качестве фундаментального в экологическое сознание. Биосфера, ее продуктивность накладывают верхний и нижний предел оптимальному использованию продукции растительного и животного миров. Мировое сообщество просто не может не ввести в принудительном порядке систему

норм, квот, пределов и т. д. на пользование дарами природы.

Общество обеспокоено нарушением стабильности агроэкосистем и биоценозов. В задачу экологической науки входит путем научных исследований разобраться с агроценозом и дать рекомендации, какие агроценозы соответствуют данным почвам и в каких направлениях их следует менять. Такие рекомендации способствуют сохранению экологического разнообразия человеческих сообществ. Само же экологическое разнообразие позволяет каждому народу поддерживать только тот вид хозяйства, который основывается на неистощительном природопользовании. И кроме того, противостоять усреднению бытовых условий жизни и сохранять самобытность своей культуры.

В ведении экологической науки находятся меры по оптимизации соотношения между почвенным плодородием и продуктивностью агроценозов, достижению их гармонии в интересах благополучия человечества. Общество ждет от науки и соответствующих рекомендаций по технологии возделывания сельскохозяйственных культур, такой технологии, которая обеспечит соответствие между почвенным плодородием и продуктивностью агроценоза. Эти рекомендации должны обеспечить устойчивость агроценозов, исключить минимизацию входящих в него видов. И наконец, экологическая наука не может ориентироваться лишь на немедленную прибыль. В конечном счете только сбалансированный экологический подход к сельскохозяйственному производству оказывается рациональным и экономически перспективным.

В сбалансированном экологическом подходе к проблемам сельского хозяйства не исключены рекомендации по нерациональности дальнейшего роста урожайности сельскохозяйственных культур и о всемерном использовании планеты для аграрного производства. Чуждая биосфере индустрия должна быть вынесена в космическое пространство.

Человек не может, как этого требовал Руссо, вернуться в лоно первобытной культуры, ибо и сама природа стала в значительной мере антропогенна, да и у человека сложились такие потребности, отказаться от которых он уже не сможет, не теряя свои человеческие качества. А вот строгий учет запретов социальной экологии становится объективной необходимостью.

Ухудшающаяся экологическая обстановка самым суровым образом бьет по биологии человека. Его здоровье, наследственность, будущность — под вопросом. Здоровье человека лишь, приблизительно, на 20% зависит от качества врачебной помощи, а все остальное в немалой степени определяется тем, каким воздухом человек дышит, как и чем питается, а каком режиме живет. При снижении загрязнения среды вдвое заболеваемость раком уменьшается на четверть.

Медицинские обследования в нашей стране показывают, что практически здоровых школьников всего 25—30%. У 25—30% учащихся — хронические болезни. При этом в экологически неблагоприятных районах заболеваемость детей в 1,5—2 раза выше, чем в более благоприятных местах.

Что же касается здоровья юношей, призываемых в ряды армии, то только 12—15 % здоровы. Это прямое следствие ухудшения экологической обстановки в стране.

Экологическая проблема затрагивает всю планету. Конечно, в разной степени и в разных формах. В нашей стране экологическое неблагополучие обострено непродуманностью гайдаровских реформ и политическими просчетами президентской власти. Но экологическая культура, в конечном счете, — забота всего человечества. Биосфера не знает национальных границ, и решать алогическую проблему человеческое сообщество должно сообща.

Экологическая культура на нашей планете складывается в определенной степени как противовес культу техники, сформировавшемуся в европейских странах. Дорст - один из инициаторов экологического направления в христианской культуре – предостерегает: Мы живем в эпоху техники, когда гуманитарий уступил место технократу, когда цивилизация человека постепенно заменяется цивилизацией машин и роботов, которые, быть может, поглотят нас когда-нибудь, совсем как в романе какого-нибудь писателя-фантаста».

Итак, культ биосферы, жизни и человека в противовес культу техники. Вот первый принцип экологической культуры.

«Человек появился, как червяк в плоде, как моль в клубке шерсти, и выгрыз себе место обитания, выделяя из себя теории, чтобы оправдать свои действия». Резкая оценка практической жизни человечества Дорстом, к сожалению, вполне справедлива в своей сущности. Хотя человек и поднялся на вершину биосферы и претендует на роль ее организатора, в своей практической жизни он остается хищником.

Второй фундаментальный принцип экологической культуры — это защита человека как олицетворения биосферы и жизни от человека-хищника, защита чело века от него самого и его физико-технических теорий, лишенных гуманитарного, жизненно-биологического содержания.

Экологическая культура подчеркивает ограниченность человека. Даже если он и создаст экологическую цивилизацию в противовес технической и сможет на определенный период времени в определенной степени гармонизировать свои взаимоотношения с природой, он остается зависимым от природы, от ее фундаментальных космических сил.

На пути к экологическому обществу общественное сознание неминуемо перестроится за счет повышение удельного веса биологии в системе как фундаментальных исследований, так и прикладных разработок. Этого требует создание экологически чистых технологий, поиск эффективных биологических средств борьбы с вредителями, сорняками и болезнями, выведение новых культур с высокой устойчивостью к вредителям, болезням и засухе, получение с помощью биотехнологических методов культур, которые органически могут дополнить существующие агробиоценозы и повысить их

устойчивость и т.д.

Экологическое общество должно исключить нарушение разнообразия природной среды — этой основы эко систем нашей планеты. Без экологического разнообразия трудно надеяться на поддержание национальных культур.

Экологическая культура требует коренного изменения хозяйственной деятельности. Человек должен от казаться от упрощения экосистем и утилизации их продукта.

Безусловно, приоритет в создании экологического общества принадлежит материальному производству. Но и экологическая этика — мощная сила, способная революционизировать общественное сознание, сломать косность в мышлении технократов. Не делай природе ничего такого, что ты сам не пожелал бы получить от нее. Благоговение перед природой — это благоговение перед мудростью человека, способного к самоограничению, к самодисциплине, к отказу от животного эгоизма и собственнического прагматизма, унаследованного от уходящей в прошлое культуры.

3. Социальное равенство как ценность современной культуры

В производственной деятельности человек не только научился поддерживать свое существование, но и стал умелым и социальным. Общественные отношения воздействуют на его природу, и под их влиянием у людей формируются нравственные, политические, гражданские и экономические свойства. Вступая в общественную жизнь, все индивиды изначально получают минимум социальных привычек, позволяющих им жить в обществе, другими словами, культуру жить обществом. И в этом плане, можно сказать, все люди равны.

Но приходится считаться с тем, что производственные успехи и социумы этносов неодинаковы. Фактически одни народы оказываются более цивилизованными и культурными, чем другие. Древний грек мог с гордостью заявлять, что он не равен варвару-скифу.

Разделение труда, в том числе раскол общества на классы, обостряет проблему равенства. В рабовладельческом обществе биологические различия становятся социально значимыми. Белый противопоставляется черному. Горе тому, кто из иного этноса. И в своем этносе физические и психические черты становятся поводом для отчуждения богатых от бедных. Женщине находят место ниже мужчины. Одним словом, природное разнообразие особей — одна из мудростей естественного мира — в рабовладельческом обществе становится бедствием. Имущественное неравенство поощряет произвол в отношениях между людьми, нравственное уродство, гражданскую спесь и нетерпимость к другим этносам.

Биосоциальность человека становится предметом острых споров между натуралистическими

культурологическими концепциями в оценке неравенства людей. Природа или культура делают людей неравными? Или, может быть, по природе все люди равны, а культура разрушила это идеальное состояние? А может быть, культура лишь усилила естественное неравенство людей? Целая лавина далеко не праздных вопросов обрушилась на античных мудрецов, столкнувшихся с вопиющим произволом и насилием в древнегреческом обществе.

Прежде всего надо было отделить естественное от искусственного, природное от социального, а затем найти правильное толкование их соотношения. На этом пути античных мыслителей подстерегали многочисленные трудности. Как понимать человека? Как природное или социальное существо? И где грань между природным социальным в человеке? И не является ли социально искусственным, пороком природы человека?

Сторонники натуралистического подхода к человеку подчеркивали фундаментальность природы, но приходили ли к прямо противоположным результатам.

В своем произведении «Горгий» Платон словами Калликла нападает на культуру и демократию и отстаивает естественное право сильного. «Ежели ты доподлинно муж, то не станешь терпеть страдание, переносит несправедливость — это дело раба, которому лучше умереть, чем жить, который терпит страдание, несправедливость и поношения потому, что не в силах защитить ни себя самого, ни того, кто ему дорог. Но, по-моему, законы как раз и устанавливают слабосильные, а их большинство. Ради себя и собственной выгоды устанавливают они законы, расточая и похвалы и порицания. Стараясь запугать более сильных, тех, кто способен над ними возвыситься, страшась этого возвышения, они утверждают, что быть выше остальных постыдно и несправедливо, что в этом как раз и состоит несправедливость — в стремлении подняться выше прочих. Сами же они по своей ничтожности охотно, я думаю, довольствовались бы долею, равною для всех»

И дальше Калликл продолжает: «Но сама природа, думаю, провозглашает, что это справедливо — когда лучший выше худшего и сильный выше слабого»

Горячим сторонником природного деления людей на рабов и свободных был и Аристотель. «Очевидно, во всяком случае, что одни люди по природе свободны, другие — рабы, и этим последним быть рабами и полезно и оправданно»

Итак, создав сильного и слабого, хищника и жертву, природа не знает равенства. Животный эгоизм, агрессивный инстинкт должны, поощряться в обществе. Культура с ее равенством как ценностью — порча людской природы.

В своих нападениях на равенство ссылаясь на природу и Ф.Ницше. «Белокурая бестия» должна гордо и безраздельно царить на земле. Сильный должен править, а слабый подчиняться. Равенство — мечта рабов по природе.

Иначе смотрел на природу античный мыслитель Антифонт. «От природы мы все и во всем устроены одинаково — и варвары, и эллины. Стоит только обратить внимание на то, что от природы неизбежно присуще всем людям... Ни один варвар, ни один эллин от нас ничем не отличается: все мы дышим воз духом через рот и нос».

Конечно, рассуждение Антифонта имело больше эмоциональное, чем логическое значение, но оно тем не менее шло в русле гуманизма и социальной справедливости и этим было ценно.

В природном отношении люди как равны, так и не равны. Каждый индивид — представитель *Homo sapiens*, но по своим естественным дарованиям индивиды не равны и не могут быть равными, ибо для природы на следственное разнообразие в популяции — гарантия выживаемости. И для людей природное разнообразие — условие адекватности рода человеческого к ландшафтным вариациям и к исторической дифференциации общественных профессий, к изменчивости социальных заказов и требований. Для людей характерен разброс в природных задатках и предрасположенности к различным видам работы.

А кроме того, существует различие между природой и социальной сущностью человека. Через общественные отношения, как через сито, просеиваются природные задатки, и в общественной жизни остается то, что находит спрос и сулит удачу. Среди рабов выживали или покорные, как волы, или же хищные и изворотливые, как змеи.

В противоположность натуралистическому подходу к проблеме равенства античный философ Протагор развивал культурологические идеи. Он сознательно и вполне ясно попытался отделить человека от природы. Он защитник духовной активности, морального упражнения как необходимых условий социального общения, искусства жить в обществе. В умении жить в обществе все люди должны быть равны. А для овладения искусством жить в обществе необходимо обладать стыдом и чувством правды. Стыд и правда — основа добродетели. «Необходимо всякому так или иначе быть причастным добродетели, в противном случае ему не место среди людей».

Протагоровская максима равенства сурова и жестока. «Кто не может быть причастным стыду и правде, убивать как язву общества».

Протагор — родоначальник нормативного подхода к равенству. Общество должно установить законы, которые каждый обязан неукоснительно выполнять. Эти за коны — тот минимум, который входит в искусство жить в обществе. Не природа, а культура требует и дает равенство.

Кажущееся простым, на практике решение Протагор трудно выполнимо. Требования хозяйственной жизни создают право, право становится силой. Без рабского труда жизнь античных интеллектуалов становилась неуютной.

Можно согласиться с Протагором, что все люди должны быть равными в искусстве жить в обществе. Это тот минимум культуры, без которого государство, социальная дисциплина и организация

невозможны. И этот минимум социальных привычек людей изначально получают от общества, приобщаясь к его культуре.

Социальная активность людей модифицирует этот минимум, учит или обходить его, или свято в него верить и развивать.

Что же касается законодательных норм, делающих всех добродетельными, то античное общество над ними горько посмеялось. Узаконить равенство раба и рабовладельца не удалось. И тогда сторонникам равенства не осталось ничего другого, как искать третью линию в подходе к человеку.

Еще современник Платона Алкидам заявил, что «бог создал всех свободными, природа никого не создала рабом». Эта мысль античного мыслителя получила новую жизнь в христианстве.

Христианство, провозгласив всех равными перед Богом, оказалось в определенной степени революционной силой, опрокинувшей рабовладельческие порядки. Бог дает бессмертную душу, и каждый может рассчитывать на спасение. Земные деспоты не властны над душами смертных.

В христианстве, по существу, возрожден тезис Протагора. Душа — это и есть минимум социальных привычек, изначально получаемых от общества теми, кто вступает в культурную жизнь. Социальный образ жизни требует от каждого умения ладить в коллективе. Искусство общения — это и есть важнейшая культурная ценность, отделяющая «социальный инстинкт» от животного эгоизма.

Идея равенства развивается вместе с культурой и представляет собой одну из ее ценностей. И странно читать «Философию неравенства» Н.Бердяева, в которой доказывается, что культура и равенство несовместимы. Культура якобы, аристократична, требует привилегий. И тот кто за равенство, — слуга закона энтропии, который, якобы, обрекает Вселенную на тепловую смерть, варвар и скиф, толкающие общество в «темную бездну небытия»

В дальнейшем Бердяев сам пожалел, что написал подобную книгу. В «Самопознании» он заявил: «Я сторонник социализма, но мой социализм персоналистический, не авторитарный, не допускающий примата общества над личностью, исходящий от духовной ценности каждого человека, потому что он свободный дух, личность, образ Божий».

Тем самым Бердяев включает в культуру равенство людей. Для него это равенство — духовная ценность каждого человека. *Эта* ценность может быть большей или меньшей, но каждый человек — личность. И первое условие личности, по мнению Бердяева, — удовлетворение ее материальных запросов. Если это и не вполне социалистическое понимание равенства, то во всяком случае, оно не противоречит христианской догме, в верности которой он неоднократно клялся.

Социально-экономическую значимость равенства всех перед Богом, конечно, нельзя преувеличивать. Подобное равенство вполне совместимо с сословными привилегиями и имущественным неравенством. Феодальные порядки делали людей помещиками и крепостными. Мало того, что крестьянин работал на

феодала, он терпел и нравственное унижение. Право первой ночи своим цинизмом и несправедливостью глубоко ранило честь достоинство молодого крестьянина, обязанного невинность своей невесты доверять своему феодалу.

Феодализм принес с собой новые виды неравенства; сословные привилегии, крепостную зависимость, праздность и развращенность аристократии и тяжкий труд неграмотного крестьянина. И одновременно феодализм в культурном отношении был выше античности. Нормы общения и социально-нравственная активность каждого индивида нуждались в новых нормативах, без которых хозяйственная деятельность задышалась в границах феодального неравенства.

Особенно яростно на феодальные порядки нападал К.-Ж.Руссо. Он возрождал натуралистический подход к человеку, полагая, что все напасти на людей — от цивилизации, основанной на разделении труда. В разрушении феодальной системы разделения труда он видел но вый порядок, в условиях которого вырастет естественность в отношениях между людьми. Культуре жить в обществе как чему-то искусственному Руссо противопоставлял природную безыскусность первобытных людей.

Более ценным был анализ Руссо общественного неравенства. Он различал четыре вида социального неравенства: богатство, знатность, могущество и личное достоинство. «Из этих четырех видов неравенства личные качества обуславливают возникновение всех остальных», и «все они сводятся, в конце концов, к богатству, так как оно наиболее непосредственно содействует благосостоянию, легче всего может быть передаваемо, и при его по мощи не трудно купить все остальное».

Руссо не верил в возможность восстановления естественного равенства и настаивал на уравнивании част ной собственности, что, по его мнению, смягчит социальное неравенство и исключит насилие, нищету и эксплуатацию.

В отличие от Ж.-Ж.Руссо П.Гольбах признавал естественное неравенство людей. Люди равны лишь в естественных правах на жизнь, свободу и счастье. Но каждый своим трудом приобретает собственность, и в силу неодинаковости интеллектуальных и физических способностей люди различаются своими доходами и имуществом. «Различия между отдельными индивидами порождают среди них неравенство, которое является опорой общества». «Именно различие способностей и вызываемое этим неравенство делают людей необходимыми друг другу; без этого они жили бы изолировано»

Выступая против имущественного равенства, Гольбах защищал распределение доходов, пропорциональное трудовым усилиям. Все равны перед трудом на благо общества, и каждый вправе получать от общества то, что заслужил. Чтобы соблюдался этот вид равенства, у всех должны быть одинаковые стартовые условия. К сожалению, эти условия Гольбах сводил к равенству всех перед законом. Закон стоит на страже пропорционального распределения доходов и гарантирует бедняку труд на хозяина, и хозяину — возможность эксплуатировать нанятого работника.

Тем самым без всяких иллюзий и сантиментов Гольбах сформулировал буржуазное понимание равенства, которое своей оборотной стороной имело имущественное неравенство и существенно различный доступ к образованию, профессиональной подготовке и художественным ценностям.

Еще раз оказалось, что обязательное для всех искусство общения содержательно меняется на каждом этапе истории. Буржуазная цивилизация также нуждается в том, чтобы каждый усвоил нужный минимум социальных привычек жить в обществе. Только на этот раз в обществе капиталистического предпринимательства.

Обращение к природе Руссо и Гольбаха — это уступка натуралистическому подходу к равенству и одновременно способ, раскритиковав феодализм, предложить человечеству как бы с чистого листа начать новую жизнь. И Руссо, а еще больше Гольбах, не сознают, что общественные отношения выражают культуру человека, делают его таким, каким требует социально-экономическая обстановка.

Расцвет буржуазного общества резко углубил имущественное неравенство, что, естественно, вызвало резкий протест у рабочих и мелкой буржуазии. Люди труда прекрасно сознавали, что миллионное общество невозможно нажить праведными путями. «Не существует, надо полагать, праведного экономического пути, ведущего к накоплению личного состояния в 100 млн. долларов,- хотя, правда, в ходе достижения этой цели имеется возможность возложить применение несправедливых средств на других, так что руки стяжателя остаются чистыми».

Однако хищничество, злоупотребление — это всего лишь субъективное выражение объективного процесса. Культура буржуазного общества согласилась с институтом капитала, а буржуазная цивилизация выработала механизмы его стабильности, устойчивости, воспроизводства и расширения. Крупный капитал стал меценатом для художников, писателей, артистов и режиссеров, отцом «массовой культуры» и ее потребителей, заказчиком элитарной культуры для собственного потребления.

Буржуазная культура вовсе не против равенства. Культ капитала и денег дополняется культивированием веры в равные возможности и нормативными правилами социально-экономической игры. А параллельное культивирование социального неравенства — второй мощный стимул социально-экономической и нравственно-правовой активности. И тот, кто лишен этих социальных навыков буржуазного общества, не хочет подчиняться общим правилам игры, оказывается на обочине цивилизации, ближе к природе.

В марксизме идея социального равенства получила относительно новое толкование. К.Маркс и Ф.Энгельс провозгласили целью освободительной борьбы пролетариата не выравнивание доходов и имущества, а уничтожение классов. «Буржуазное равенство (уничтожение классовых привилегий) весьма отличается от пролетарского равенства (уничтожение самих классов)»

С этим пониманием равенства, в принципе, можно согласиться. Пока существуют социальные

группы, обладающие неравным доступом к духовным и материальным ценностям, к высшему профессиональному образованию и характеризующиеся различным отношением к труду на благо общества, о равенстве в современных условиях трудно говорить.

Социальное равенство как ценность не стоит особняком в культуре. Его не могут не дополнять свобода и гуманизм. В контексте же диктатуры пролетариата ценность равенства резко снижается. Культ насилия порождает привилегии, номенклатуру и репрессивный аппарат. В таких условиях достижение фактического равенства, то есть распределения материальных и духовных благ по потребностям, становится социальной утопией.

В середине нашего века возросло значение науки и техники. Научно-техническая революция вызвала к жизни новые отрасли народного хозяйства, микро электронику, информатику, автоматизацию производства. Резко повысились требования к работнику производства, к его профессиональной подготовке и социальной активности.

Повышение же ответственности за свой труд, рост уровня профессиональной и, главным образом, интеллектуальной и нравственной подготовки, интеллектуализация труда и необходимость наращивания творческого потенциала работников производства — все это заставляет еще раз задуматься над содержанием социального равенства как важнейшей ценности современной культуры.

То, что все готовы быть потребителями и жаждут в потребительстве сравняться с другими, не вызывает сомнения. Вопрос в другом — а готовы ли граждане современного общества осваивать высшие достижения культуры, нуждаются ли они в них и адекватны ли они в моральной стойкости и умственных способностях требованиям современной культуры? Потребительство порождает иждивенчество, страсть к уравниловке, разлагающе действует на моральную готовность к напряженному творческому труду на благо общества и не стимулирует желания стоять на уровне требований современной культуры.

Уничтожение классов, предоставление равного доступа к материальным и духовным ценностям и высшему профессиональному образованию, равных возможностей эффективно трудиться на коллектив и на себя — длительный исторический процесс. Общество заинтересовано в том, чтобы работник производства был как можно воспитанней и образованнее, чтобы создавались механизмы, исключаящие паразитический и иждивенческий образ жизни и одновременно поощряющие творческое отношение каждого к своей работе и содействующие повышению производительности труда. «Важно то, чтобы были искоренены и роскошь, и нищета, равенство не должно сводиться к количественному уравниванию всех материальных благ; равенство означает, что разница до ходов не должна превышать такого уровня, который обуславливает различный образ жизни для разных социальных групп».

Улавливая историческую тенденцию развития производительных сил общества и общественных отношений, Энгельс довольно верно передал содержание современного требования равенства: «Если

теперь требуют равенства, то это происходит благодаря предвосхищению того Умственного и нравственного выравнивания, которое само собой наступает, вместе с требуемым равенством при нынешних исторических условиях».

В своей сущности культура гуманистична. Каждый человек — ценность. И тем не менее нельзя забывать, что пока существуют социальные группы с разным уровнем и образом жизни, в обеспеченных слоях общества поддерживается тенденция сохранить свои привилегии, свое культурное превосходство над теми, кто стоит ниже их на социальной лестнице. Роскошь и нищета искореняются социальной активностью трудящихся масс, а «отнюдь не благодаря только росту культуры. До сих пор рост культуры в человеческом обществе приводил только к увеличению несправедливости. И отнюдь незаметно, чтобы наиболее энергично стремились к уничтожению несправедливости именно те слои, которым больше всего доступны сокровища современной культуры. Смешная иллюзия — думать, что рост культуры неизбежно несет с собой рост справедливости»

В этих словах Каутского много справедливого, только нельзя забывать, что социальный эгоизм богатства и роскоши — это еще не культура. Этому эгоизму противостоит подлинно общественная культура, которая включает в себя активность и упорство в борьбе за справедливость, социальное равенство, демократизм.

Одно из выражений кризиса индустриальной цивилизации — пересмотр своих ценностей. В свое время отцы индустриальной цивилизации провозгласили ее главными целями высокий уровень производства и потребления и равенство возможностей. Но высокий уровень производства и потребления не принес удовлетворения обществу. Разрушается экология, нарастает бессмысленное потребление, сохраняются социальные язвы и контрасты. Гражданин индустриальной цивилизации не испытывает радости от своего труда.

Требование «качества жизни» — своеобразная альтернатива ценности «уровня жизни». Не высокий «уровень жизни», а именно «качество жизни». Под «качеством жизни» понимается большая социальная справедливость, устранение социальных язв и резких перепадов в доходах, а значит и большее согласие между гражданами и больше удовлетворение каждым гражданином самим собой. Предполагается, что общество «качество жизни» гарантирует всем минимальный, но достаточно зажиточный образ жизни, всем тем, кто по тем или иным причинам не может самостоятельно трудиться. Общество возьмет на себя заботу об инвалидах, физически нетрудоспособных, пожилых и немощных граждан. При этом оно готово на некоторое снижение уровня жизни обеспеченных граждан ради достижения равенства результата.

Такой выход из кризиса индустриального общества можно считать определенным поворотом от экономического рационализма, от атаки на индивидуальное достижение в острой конкуренции высокого дохода, не считаясь с судьбой так называемых неудачников, к большему гуманизму. Общество «качества

жизни» — определенное давление культуры на цивилизацию, но оно без глубоких изменений в системе собственности вряд ли завершится достижением реального равенства.

Равенство включает в себя как позитивное, так и негативное содержание. В позитивном плане оно предполагает совершенствование человека, развитие того минимума социальных привычек, которые индивид изначально получает в процессе своей социализации, — привычек, позволяющих ему жить в обществе и поддерживать свое культурное существование. Этот культурный минимум относителен для каждого этноса и исторически меняется. И тем не менее он существует, детерминируя социальную активность каждого человека, его Трудовую деятельность.

Напряженным трудом и борьбой за справедливость создавалась культура общества. Напряженный труд и должен быть критерием доходов личности и ее образа жизни. И перед ним все равны. Выражая родовую общность людей, социальность как способ их существования, труд и только труд на благо общества и себя способен их примирить в тех видах неравенства, которые соответствуют как общему уровню развития культуры, так и уровню культурного развития каждой личности. Осознанный труд на благо общества и на себя не исключает общественные фонды потребления для тех, кто нуждается в них. Общественная собственность на средства производства во всех ее видах и проявлениях и посильное участие всех граждан в общественных делах — гарантия реального равенства как одного из важнейших принципов современной культуры.

4. Российская социокультурная ситуация

Какова же современная социокультурная ситуация в России? Какой социальный тип личности может возникнуть, если она сохранится достаточно долго? Есть ли надежда, что в обстановке растущего социального неравенства сформируется личность, обладающая чувством собственного достоинства, широким кругозором, ориентированная на высшие духовные ценности? Ведь какого общества, таково и формирующееся у людей «искусство жить в общении».

Предпосылки для возникновения социокультурной ситуации сегодняшнего дня возникли на рубеже 60—70-х годов. Широкое внедрение достижений науки и техники в сферу производства и быта коренным образом изменило формы функционирования культуры. Если в пятидесятые и даже в середине шестидесятых годов телевизор, магнитофон, не говоря уже о видеотехнике и персональных компьютерах, были принадлежностью узкого слоя населения, то к началу 70-х годов бытовая радио техника стала практически принадлежностью абсолютного большинства семей. Широкое распространение бытовой радиотехники привело к коренным переменам в формах производства, распространения и потребления духовных ценностей. Последствия их вторжения в быт сначала не были оценены по достоинству, но сегодня есть основания говорить о том, что обретение ими статуса повседневности можно сравнить с революционным переворотом. Если ранее между производством и потреблением духовных ценностей стояло государство в лице своих институтов, на которые возлагалась функция идеологического контроля, то вторжение магнитофона видеомангитфона (BM) в быт каждой семьи коренным образом изменило положение. «Кассетная культура» практически бесцензурна, ибо отбор, тиражирование и потребление «массовой культуры» осуществляется путем личного волеизъявления индивида.

Сегодня магнитофоны, BM, телевизоры — основной источник культурной информации для абсолютного большинства жителей России. Их несомненный приоритет изменил ту роль, которую на протяжении столетий играли традиционные институты культуры, такие, как театр, музей, библиотека и т.д. С их деятельностью связывают удовлетворение своих культурных потребностей все меньшее и меньшее количество людей. Вот как выглядит динамика посещения театров за последние годы: в 1970 г. — 168 млн. человек, в 1980 г. — 120 млн., в 1989 г. — 104 млн. человек. Данные о числе посетивших театр в последующие годы в открытой печати отсутствуют, однако если ориентироваться на экспертные оценки, то сегодня аудитория театральных зрителей уменьшилась по меньшей мере в 2—2,5 раза.

Сходную картину дает анализ кинопосещений. Если в 1960 г. в кинотеатрах побывало более 7 млрд. зрителей, то в 1980 г. — 4,3 млрд., а в 1989 г. — 3,2 млрд. зрителей. За период с 1975 по 1985 г. численность посетителей филармонических концертов упала с 525 человек на 1 тыс. взрослого населения до 507 человек.

Аналогична статистика посещений и библиотек, музеев, Дворцов и Домов- культуры. Данные, собранные в России, говорят о том, что на протяжении года не были в музее или на художественной выставке среди рабочих 85%, колхозников — 96 и служащих — 62%. За последние годы прекратили свою деятельность 13 тыс. драматических и 4 тыс. хореографических, 25 тыс. хоровых коллективов. Естественно, что это прежде всего свидетельствует об ухудшении культурного положения семей рабочих и колхозников.

Массовая миграция населения из села в город вызвала не только «размывание» традиционных особенностей городской культуры, но и породила особое явление — маргинальную культуру. Как показывают социологические исследования, усвоение норм и ценностей городской культуры абсолютным большинством мигрантов происходило, да и сейчас происходит по пути наименьшего сопротивления, через принятие внешних форм и стереотипов поведения в социокультурной среде города. Это связано с тем, что по своей природе городская культура является гораздо более сложной и многообразной. Жизнь в городе требует постоянной смены образцов поведения, частичного переосмысливания тех духовных ценностей, на которые ориентируется человек, развитой способности критично относиться к происходящему.

Естественно, что подобный навык общения вырабатывается далеко не сразу (как показывают культурологические исследования, адаптация сельских жителей к городскому «искусству общения» завершается только во втором-третьем поколении), и поэтому мигранты, принимая «условия игры», тем не менее остаются внутренне ориентированными на ценности патриархальной культуры. Осознавая свою неспособность овладеть полностью ценностями городской культуры немедленно, значительная часть мигрантов компенсирует свою ущербность, утверждаясь в своих собственных глазах и глазах окружающих через экстравагантные формы поведения, эпатаж, сознательное игнорирование общепринятых норм поведения.

Маргинальная культура в настоящее время оказывает огромное воздействие на духовный климат городов, значительная часть жителей которых — выходцы из дерев ни в первом поколении. И есть все основания считать, что значительная часть тех негативных явлений, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни, является не чем иным, как следствием расширения зоны маргинальной культуры, порождающей деформированные формы социального бытия.

Таковы социальные последствия научно-технической революции, которые привели к возникновению специфического социокультурного феномена. Однако его анализ будет неполным, если не вспомнить о других, не менее значительных социокультурных процессах, которые наложились на те, что были вызваны НТР.

Характеризуя предпосылки современной социокультурной ситуации, нельзя не сказать об

«остаточном принципе».

В СССР «остаточный принцип» возник в начале 30-х годов, когда был взят курс на ускоренную индустриализацию и ему был принесен в жертву культурный уровень населения. Десятилетия действия «остаточного принципа» ввергли культуру в глубокий кризис. О сложившейся ситуации можно судить по следующему: сего дня в России театры работают преимущественно в краевых и областных центрах и в то же время в городах, где проживает 43% населения страны, нет ни одного подобного культурного учреждения. Сегодня около 60% зданий краеведческих музеев нуждаются в капитальном ремонте, капитального ремонта требуют более 11 тыс. библиотек. По обеспеченности учреждениями культуры Россия отстает практически от всех высокоразвитых стран Запада. Так, в Финляндии на 1 тыс. жителей приходится в 5,5 раза больше театров, чем в нашей стране, а отставание от ФРГ в обеспеченности культурными учреждениями выражается цифрой 9,8.

Следует подчеркнуть, что «остаточный принцип» продолжает действовать и сегодня. На нужды культуры в 1992 г. в РФ выделено 2,1% от общей суммы средств. В то же время в развитых странах Запада, например в ФРГ, траты государства на поддержание сферы культуры, обеспечение доступности всем слоям населения культурных ценностей составляет приблизительно 10% госбюджета.

Таковы предпосылки социокультурной ситуации сегодняшнего дня, которая в перспективе имеет тенденцию значительно ухудшиться, так как в силу вступают рыночные законы и возрастает потребность не во всесторонне развитой, а в «рыночной» личности. Для последней характерна способность быть такой, какой от нее требует быть рынок. Характеризуя такую личность, Э.Фромм пишет, что рыночные личности должны «удовлетворять одному условию: они должны иметь спрос». «Человек более не заинтересован ни в собственной жизни, ни в собственном счастье, он озабочен только тем, чтобы не утратить способность продаваться»

На современную социокультурную ситуацию воздействует не только формирующийся рынок. Она находится под воздействием и нарастающей экспансии англо-американской культуры, резкого падения авторитета социалистической идеологии, криминализации всех сфер общественной жизни, коррумпированности государственного чиновничества и его альянса с мафиозными группами.

Внедрение рыночных отношений в сферу культуры началось с момента принятия в 1988 г. Министерством культуры СССР постановления «О переводе ряда учреждений культуры на условия самофинансирования и хозрасчета» и последовавшего за ним проведения эксперимента в театрах страны. Суть эксперимента в том, чтобы выработать модель театра, действующего в условиях рынка, которую можно было бы предложить в качестве образца для других типов культурно-просветительных учреждений.

Результаты эксперимента оказались далеко неоднозначными. Анализ работы театров показал, что они

от реагировали на этот эксперимент повышением стоимости билетов, что, в принципе, ведет к их элитарности. Подавляющее большинство зрителей было таким образом отсечено от театрального искусства.

Нечто подобное произошло и с другими учреждениями культуры — Дворцами, Домами культуры, библиотеками. Их заставили искать небюджетные источники финансирования, заниматься поиском «добрых» банкиров, предпринимателей и купцов и сдавать свое помещение в аренду коммерческим организациям.

Так были созданы экономические предпосылки для разрушения инфраструктуры сферы культуры и постепенного превращения традиционных учреждений в особый вид коммерческих предприятий, ориентированных на решение собственно культурных задач, а на получение прибыли. Постепенно начала сворачиваться деятельность кружков и коллективов художественной самодеятельности, одновременно стало быстро увеличиваться количество «доходных» организаций. На базе государственных, профсоюзных, колхозных учреждений начали возникать видеосалоны, пункты проката аудио- и видео-кассет.

О масштабах развернувшегося процесса можно судить по следующим данным: число кружков самодеятельного художественного творчества, действующих во всех клубных учреждениях РФ, менее чем за 6 лет (с 1985 по 1991 г.) сократилось на 72 тыс. единиц, или на 1/4; число же участников самодеятельности за этот же период упало на 1/3; охват населения всеми видами художественного творчества к 1992 г. составил 3,4%, тогда как несколько лет назад — 4,7%. Несомненно, это еще больше отдаляет перспективу реализации принципа равного доступа всех граждан к художественным ценностям.

Несмотря на внедрение коммерческих начал в свою деятельность, культурные учреждения не удержались на своих позициях и под напором рынка стали превращаться в откровенно коммерческие структуры. Многие из них были пущены, что называется, «с молотка».

О масштабах развернувшегося процесса можно судить и по следующим фактам. Только за один 1991 г. продано или перепрофилировано свыше 500 объектов социально-культурного назначения. В 1992 г. эта тенденция про должала усиливаться и, согласно оценкам экспертов, в ближайшее время можно ожидать закрытия как минимум еще 10 тыс, аналогичных учреждений.

Особенно значительному разгрому подверглись социально-культурные учреждения села. При незначительном повышении государственных закупочных цен и резком вздорожании сельскохозяйственной техники, минеральных удобрений и прочего колхозы и совхозы в абсолютном большинстве оказались неспособными содержать на своем балансе построенные ими Дома и Дворцы культуры, кинотеатры, творческие самодеятельные коллективы, дотировать демонстрацию кино фильмов, выездных спектаклей городских театров и т.д. О том, насколько стремительно совершается разрушение

инфраструктуры культуры села, можно судить по следующим данным. Если в 1985 г. на селе действовало 3349 клубных учреждений, содержащихся за счет колхозов и совхозов, то к началу 1991 г. их было уже 2636. В 1992 г., по экспертным оценкам, их численность уменьшилась еще на 27%, а в 1993 г. этот процесс еще больше интенсифицировался. Планируемый роспуск колхозов и совхозов окончательно уничтожит инфраструктуру сельской культуры.

Показательно, что массовое сознание очень четко прореагировало на происходящие в сфере культуры процессы. По данным исследований конца 1991 — начала 1992 г., только 2,3% сельского населения и немногим более 7% городского населения оценивают степень доступности для них культурных благ как высокую; приблизительно каждый 5-й — как среднюю, каждый 4-й — как низкую. Только 21% сельских жителей считает, что у них есть реальная возможность побывать на концерте, который их интересует, 20% — посетить спектакль, о котором они слышали и который хотят увидеть, 16 — составить библиотеку, около 8 — сформировать фонотеку, менее 7% — стать обладателем видеотеки. Каждый 3-й убежден в том, что в результате тех социальных изменений, которые совершаются сегодня, степень доступности культурных благ для них существенно уменьшилась. В том, что произойдет обратное и их возможности в приобщении к культурным ценностям возрастут, убеждены менее 6% сельских жителей.

Внедрение рыночных начал в сферу культуры больно ударило по основной массе культпросветработников, творческой интеллигенции. Проблема выживания в полный рост встала перед библиотекарями, сотрудниками музеев, парков, артистами театров, киностудий и т.д., которые с повышением стоимости жизни в своей массе оказались за чертой бедности. Низкая зарплата, неустойчивая ситуация, понижение социального статуса стимулировали массовый отток высококвалифицированных кадров из учреждений культуры. Значительное число представителей творческой интеллигенции, особенно тех, кто обладал уже сценическим именем и известностью, ушли из творческих коллективов в различные концертные организации, действующие на кооперативных началах, коммерческие структуры, связанные с шоу-бизнесом. Часть из них эмигрировала за рубеж.

Внедрение рыночных отношений самым непосредственным образом сказалось на репертуаре. С афиш театров практически исчезли пьесы мировой и отечественной классики. Их полностью вытеснили произведения, заранее «обреченные» на успех благодаря конъюнктурной тематике и учету потребностей новой «элиты», предпринимателей, коммерсантов, высокооплачиваемых банковских служащих, новой номенклатуры и т.д. Особенно ярко это проявилось в деятельности московских театров, где, например, в сезон 1989/90 г. в трех театрах шел «Самоубийца» Н.Эрдмана, в двух — «Зойкина квартира» и «Собачье сердце» М.Булгакова. «Гвоздем» сезона 1991/92 г. стали работы Р.Виктюка, получившие скандальную известность — «Мадам Баттерфляй» и «Служанки», поставленные на сцене театра «Сатирикон».

Рынок превратил продукт духовной деятельности в товар, который должен быть продан по цене,

обеспечивающей продавцу максимальную прибыль. О том, в какой мере коммерческий подход определяет процесс духовного производства, можно судить по следующим данным. По сравнению с 1985 г. цена билетов в театры на сегодняшний день (начало 1994 г.) возросла в 100 раз, а кое где и более. На некоторые особо престижные постановки она колеблется в пределах от 5 тыс. до 12 тыс рублей. Для 90% юношей и девушек в силу чисто финансовых соображений спектакли в престижных театрах практически недоступны.

Зато для 13—16-летних девушек и юношей открылись новые горизонты в «духовном развитии», такие, о которых они несколько лет назад и вообразить не могли. Это мытье машин, распространение газет, кражи, вымогательство, перепродажа вещей, собирание бутылок, работа в коммерческом киоске, уборка в нем мусора, раз грузка машин и вагонов, проституция. По данным екатеринбургских социологов, эти виды занятия имеют свой рейтинг. На первом месте — мытье машин, на последнем — пока проституция.

Существенный удар нанесло внедрение рыночных отношений отечественному кино. Сегодня происходит разрушение коллективов таких студий, как «Мосфильм», «Ленфильм» и другие, которые не в силах конкурировать с десятками возникших коммерческих студий, кинообъединений и киноцентров.

Коммерческие структуры делают ставку на боевики, вестерны, триллеры, эротические ленты, которые в настоящее время пользуются успехом у значительной части зрительской аудитории. Статистические данные Министерства культуры России говорят о том, что на протяжении года в прокате находятся в среднем от 50 до 60 лент отечественного производства, что составляет приблизительно 35% всех фильмов, демонстрируемых в кинотеатрах страны.

Столь же разрушительным оказалось воздействие рыночных отношений на книгоиздательскую деятельность. В конце 80-х годов в СССР издавалось в среднем 84 тыс. названий книг общим тиражом 2млрд. 305млн. экземпляров. К концу 1991г. число наименований упало до 60тыс. и продолжает уменьшаться далее. Разнообразие нынешней книжной продукции в значительной степени мнимое. Государственные и коммерческие издательства выпускают в свет литературу приблизительно одного и того же плана. Это фантастика, детективы, эротика, а подчас и просто порнография.

В связи с ростом цен на бумагу и желанием дельцов круто заработать на издании литературы книга становится товаром, в значительной степени недоступным для широких слоев населения, и прежде всего молодежи. Екатеринбургские социологи отмечают, что современный подросток, помешавшись на богатстве и сексе, относит к писателям XX в. А.С.Пушкина и А.Дюма, а Ф.Достоевского считает знаменитым композитором нашего столетия. 44% опрошенных подростков полагают, что книги можно и даже нужно сжигать. Правда, пока еще сохраняются и защитники книги. 47% категорически заявили, что любые книги ценны сами по себе и сжигать их преступно.

Книжный рынок в том виде, в каком он существует на сегодняшний день, отвергает литературу, обладающую высокими художественными достоинствами. Единственным механизмом его регулирования выступает прибыль, получаемая издателями и продавцами печатной продукции. И это в то время, когда в абсолютном большинстве стран в отношении духовной продукции осуществляется протекционистская политика со стороны государства, позволяющая поддерживать культурный уровень населения на достаточно высоком уровне.

Социокультурная ситуация в России усугубляется растущим социальным неравенством населения. «Соотношение дохода 10% самых бедных и самых богатых частей населения равнялось в 1993г. 1:50 (для сравнения: в 1989г. в СССР оно составляло 1:5, в ФРГ – 1:7, в США – 1:14)»

Итак, в результате внедрения рыночных отношений в сферу культуры оказалась практически полностью разрушенной ее инфраструктура, резко уменьшился объем и качество духовной продукции, сузился круг культурных образцов, находящихся в активном обороте, уменьшилось число каналов, по которым обеспечивалось еще в недавние времена распространение духовных благ, резко сократилась сфера любительского художественного творчества, практически оказалась свернутой культурная жизнь в провинции и особенно на селе, где приезд кинопередвижки можно сравнить с эпохальным событием, не говоря уже о выездном спектакле или шефском концерте артистов областной филармонии, которые безвозвратно ушли в прошлое.

Как же сказалось поражение коммунистического идеала на культурной жизни России? Как ни парадоксально, но далеко не самым оптимальным образом. Возьмем такое уникальное явление, как культура молодежного андеграунда. Своим возникновением и существованием она полностью обязана государственной идеологии, существованию жестких установок относительно того, что эстетически ценно, а что подлежит остракизму и критическому восприятию. В борьбе с так называемой официальной культурой, где идеологический момент был доминирующим, культура молодежного андеграунда обрела и утвердила себя, превратившись в неотъемлемую часть культуры советского общества. Именно в этом противостоянии родился «авторский кинематограф», бардовская песня, молодежный художественный авангард, подпольная литература. Критическая направленность, полемическая заостренность, скрытый гражданский пафос сделали известными имена В.Аксенова, В.Войновича, Ю.Шевчука, Б.Гребенщикова, Э.Лимонова, В.Цоя и других. Далеко не случайно, что взлет культуры андеграунда пришелся на конец 80-х годов, когда всеми средствами (от рок-музыки до философской публицистики) осуществлялась тотальная критика существовавшей социально-экономической системы.

Поражение коммунистического идеала, критика марксистско-ленинской патологии стали переломным моментом в развитии молодежной субкультуры. Утратив идейного противника, высмеивая которого она вырабатывала свои оригинальные средства и методы эстетического отражения

действительности, культура андеграунда лишилась своего гражданского содержания, критического пафоса, который был столь притягателен для разбуженного молодежного сознания. Постепенно она перестала быть выразителем интересов широких масс молодежи. Это особенно ярко проявилось в судьбе рок-музыки, где группы, занимавшие еще совсем недавно высшие места в ранговой шкале музыкальных предпочтений молодежи (к ним относились «ДДТ», «Кино», «Браво», «Алиса» и другие), переместились в ее конец. Им на I смену пришла музыка иного плана, которая по тематической направленности, используемым музыкальным приемам, технике исполнения все более смыкается с так называемой поп-музыкой, призванной удовлетворять весьма невзыскательные потребности подростковой молодежи.

Нечто подобное происходит и со «взрослым» искусством. Кинематограф, утратив критический пафос до- и перестроечной поры, постепенно превращается в развлекательное искусство. Попытки реанимировать социальную тему в нем явно обречены на неудачу, ибо исчез сам предмет критики. Примером может служить судьба последнего фильма Э.Рязанова «Небеса обетованные», получившего приз «Золотая Ника» в 1992 г. Несмотря на славословие, бурные восторги кинематографической общественности, он не вызвал особого интереса у массового зрителя, в отличие от фильма «Гараж», принесшего Э.Рязанову славу одного из духовных лидеров «внутренней эмиграции».

Аналогична судьба и театра, в котором место социально значимых работ занимают эксперименты вроде постановки Захаровым пьесы «На всякого мудреца довольно простоты».

Все это говорит о том, что из русского искусства (а следовательно, и из культуры) уходит нечто важное, придававшее ему особое качество, превращавшее его в действенный инструмент переустройства мира, возвышения человеческого духа.

Остановимся теперь на третьем из выделенных нами факторов социокультурной ситуации в России. Сам факт культурной экспансии вряд ли требует доказательств. Достаточно обратиться к программам передач радио и телевидения. По самым скромным подсчетам, около половины экранного времени отводится демонстрации видеопродукции, созданной на студиях США или других стран. Подтверждением мысли о процессе внедрения инородных культурных образцов в массовое сознание может служить и тот факт, что на протяжении последних лет на экранах кинотеатров России демонстрируются в основном американские фильмы, закупленные азербайджанским дельцом Таги-Заде у американских кинокорпораций. Естественно, что героями этих фильмов являются преступники и сыщики, проститутки и их поклонники, убийцы и их жертвы.

И на прилавках книжных магазинов преобладают произведения той же тематики. Бойко написанные, вы полненные на высоком полиграфическом уровне, эти книги становятся престижными для обывателя. Так, Г.Роббинс, Р.Стаут, К.Холландер, Э.Арсан, А.Кристи и им подобные становятся «инженерами русской души».

Удовлетворяя потребности индивидов в развлечении, литература, кинематограф, видеозаписи выполняют еще одну функцию: они формируют определенный тип мышления, мировоззренческих установок. Богатство и секс — вот основные ценности жизни, и на пути к ним все дозволено. Говоря другими словами, подобная духовная продукция разрушает основу национального самосознания, формирует космополитов, для которых родина там, где хорошо платят, людей, готовых ради собственного эгоизма продать все, что имеет спрос на рынке: государственные секреты, национальное богатство и т.д.

Опасность американизации русской национальной культуры, формирования рыночной личности, готовой быть тем, на что имеется спрос (предателем, проституткой, мафиози, исполнителем заказного убийства и т.д.), плохо осознается российской общественностью и сознательно игнорируется противниками русской национальной культуры. В то же время на Западе практически во всех европейских странах уже на протяжении десятков лет существуют эффективно действующие законы, препятствующие проникновению на национальный рынок американской духовной продукции. Так, во Франции еще в середине 60-х годов был принят закон, определяющий квоты демонстрации американских фильмов как в частных, так и в государственных кинотеатрах. Превышение числа американских фильмов над национальными (согласно законодательству, соотношение должно составлять 49 : 51) наказывается денежным штрафом и лишением лицензии. Целая система протекционистских мер разработана в Испании, Голландии, Италии, ФРГ и т.д. Целенаправленная политика, проводимая европейскими странами против проникновения американской массовой культуры на национальный рынок, не покажется излишней, если вспомнить, что уже в середине 70-х годов различным корпорациям США, специализирующимся в области шоу-бизнеса, принадлежало 80% киноточек мира, ими же контролировалось 75% выпускаемых ежедневно в эфир кинопрограмм. На американских студиях создавалось более 50% кинофильмов мира. Американские студии звукозаписи выбрасывали на рынок ежегодно более 60% от общего числа грампластинок. Сегодня, по оценкам экспертов, часть рынка культурных услуг и продуктов духовного производства в западном мире, контролируемого как государственными, так и коммерческими структурами США, еще более велика.

Нет необходимости доказывать, что любой народ, любая нация могут существовать и развиваться только тогда, когда они сохраняют свою национально-культурную идентичность, когда, находясь в постоянном взаимодействии с другими народами и нациями, обмениваясь с ними культурными ценностями, тем не менее не теряют своеобразие своей культуры. В истории можно найти многочисленные примеры того, как исчезали государства, чей народ забывал свой язык и культуру. Но если сохранялась культура, то, несмотря на все трудности и поражения, народ поднимался с колен, обретая себя в новом качестве и занимая достойное место среди других народов.

Подобная опасность подстерегает сегодня и русскую нацию, ибо цена за западную технологию

может оказаться слишком высокой. Не только резко возрастает социальное неравенство внутри нашего общества со все ми отрицательными последствиями, но и углубится национальное неравенство между русским народом и так называемыми западными этносами. Вернуть же утраченные позиции в мировой культуре крайне сложно, а смириться с утратой — значит оказаться на краю пропасти в культурно-историческом развитии.

Заключение

Вопрос о высоком культурном измерении человека в преддверии XXI в. встает с особой настойчивостью. Если в средневековые мыслители, размышляя о судьбе человека и его назначении, уклонялись к мысли, что конец света неизбежен, то сейчас, живя в разрываемом и кровоточащем мире, мы воочию убеждаемся, что имен но течение этих лет определит, как человечество будет жить в третьем тысячелетии.

Две мировые войны, кровавые революции и контрреволюции, борьба за передел мира, колониальные и меж национальные войны, тоталитарные режимы и концентрационные лагеря показали, что не только индивид — хрупкое биологическое существо. Практика массового уничтожения людей без суда и следствия доказала, что и миллионы граждан могут быть «внезапно смертны».

XX век обнаружил также, что человек может быть и духовно смертным. Замена высшего смысла существования достижением благополучия, счастья — потреблением, высших идеалов — практицизмом, духовности — сухим рационализмом — вот реальный путь духовной деградации личности, ибо без нравственных начал неизбежно одичание, оскуднение, неуважение к себе и не уважение к другим. Как писал Мальро, мы имеем дел с «первой цивилизацией, которая может завоевать всю землю, но не способна изобрести ни своих храмов, ни своих гробниц». Ему вторит Х.Ортега-и-Гассет: горька «наша растленная эпоха, где смешивались провалившиеся перевороты, обезумевшая техника, мертвые боги и истощенные идеологи, где посредственные силы могут сегодня все уничтожить, но не смогут больше победить, где разум опустился до прислужничества перед ненавистью и угнетением»

Эти размышления могут навести на мысль о том, что не все явления социальной жизни можно отнести к культуре. Такие социальные феномены, как каннибализм, войны, концентрационные лагеря являются теми «озоновыми дырами» на теле культуры, которые приводят к разрыву этого тела и, следовательно, к деформации духовного мира человека.

Есть законы человеческого рода, в пределах которых индивид и может существовать как человек. Человек, «вольноотпущенник природы», может не считаться с ее законами, но расплата в этом случае не минуема, неотвратима. Точно так же человек обязан считаться и с законами экономики, политики, логики и красоты.

В этом смысле можно говорить о том, что существует возмездие за зло. Зло наказуемо потому, что, совершая злые поступки, человек поднимает руку на себя, истончая и губя в себе человеческое, лишая себя возможности подлинной жизни.

Таким образом, проблемы нравственности в современную эпоху по праву становятся бытийственными основаниями человеческой культуры. Нравственность и, соответственно, духовность, призваны выполнить в наше непростое время своеобразную роль запретов — табу на все поползновения против идеи самоценности человеческой жизни.

Этот запрет может быть сформулирован в форме знаменитого кантовского требования: никогда не относиться к человеку как к средству. Здесь речь идет о покушении на убеждения, волеизлияние, целеполагание.

Во-первых, запрещается отношение к человеку как к вещи, которое в своем предельном состоянии допускает превращение индивида в раба, говорящее и мыслящее орудие господской воли.

Во-вторых, запрещается навязывание человеку веры, воли и целей, которое предполагает идеологическое порабощение людей.

Можно утверждать, что вторая формула кантовского «категорического императива» представляет собой упреждающий, пророческий запрет, налагаемый на тоталитарное насилие.

Ложь и обман, а также насилие над верой и волей в тех или иных формах отвергались на всем протяжении человеческой истории. Соответствующие запреты сыграли в развитии культуры ничуть не меньшую роль, чем табу, наложенные на инцест или убийство сородича. Но ложь и обман в нынешнюю эпоху касаются не только ближних, как это было на заре человеческой истории. Современная цивилизация предполагает интеграцию различных стран и народов в едином мировом хозяйстве, а значит, и понимание между дальними и чужими. Запрет на обман и принуждение к «своей истине» сего дня — это условие возможности любого договора, а в перспективе и консенсуса между всеми народами и культурами.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что в настоящее время запрет на политическое и идеологическое ограничение личности выступает как культурно-антропологическое табу, которое, сдерживая метастазы бездуховности, откроет подлинные горизонты человеческого творчества. Только в этом случае человек станет подлинным творцом культуры и ее продуктом.

Литература

- Абаев Н.В.* Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. М., 1989.
- Актуальные проблемы культуры XX века. М., 1993.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Хельсинки, 1990.
- Библейская энциклопедия. М., 1990.
- Буддизм: Словарь. М., 1992.
- Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. // *Он же.* Избр. произведения. М., 1990.
- Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т. СПб., 1913.
- Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
- Гумилев Л.Н.* Этносфера: история людей и история природы. М., 1993.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
- Еремеев Д.Е.* Ислам: образ жизни и стиль мышления. М., 1990. Запад и Восток: Традиции и современность. М., 1993.
- Зезина М.Р., Кошман Л.В., Шульгин В.С.* История русской культуры. М., 1990
- Зеньковский В.В.* История русской философии: В 2 т. Л., 1991.
- Иллюстрированная история религии: В 2 т. М., 1992.
- Индуизм: традиции и современность. М., 1985.
- Ислам: традиции и новации. М., 1991.
- Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.
- История культуры России. М., 1993.
- История китайской философии. М., 1989.
- Камю А.* Бунтующий человек. М., 1990.
- Коран М., 1990.
- Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
- Культурология. М., 1993.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1983.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Легенды и мифы Древней Греции. М., 1981.
- Липс Ю.* Происхождение вещей. М., 1954

- Лосский Н.* История русской философии. М., 1991.
- Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра. М., 1991.
- Милуков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3т. М., 1993.
- Мифологический словарь. М., 1990.
- Мириманов В.Б.* Первобытное и традиционное искусство. М., 1973.
- Неру Д.* Открытие Индии. М., 1990.
- Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
- Ольденбург С.Ф.* Культура Индии. М., 1991.
- О России и русской философской культуре. М., 1990.
- Ортега-и-Гассет.* Эстетика: Философия культуры. М., 1991.
- Переломов Л.С.* Слово Конфуция. М., 1992.
- Проблема человека в традиционных китайских учениях. М., 1983.
- Проблема человека в западной философии. М., 1988.
- Проблемы философии культуры. М., 1984.
- Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура. М., 1992.
- Самосознание Европейской культуры XX века. М., 1991.
- Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Сумерки богов. М., 1980.
- Тейлор Э.* Первобытная культура. М., 1989.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Фрезер Дж.* Золотая ветвь. М., 1986.
- Фрейд З.* Психология бессознательного. М., 1989.
- Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1990.
- Фромм Э.* Психоанализ и этика. М., 1993.
- Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993.
- Хейзинга И.* Homo Ludens: В тени завтрашнего дня. М., 1992.
- Швейцер А.* Культура и этика. М., 1973.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Новосибирск, 1993.
- Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994.